

Юрий Тавровский

ДВУХЭТАЖНАЯ ЯПОНИЯ: Две тысячи дней на Японских островах

И снова восходит солнце над Фудзиямой, такой же единственной и неповторимой для японцев, как Волга для русских, Ниагарский водопад для американцев и канадцев, а гора Тайшань для китайцев. Единственна и неповторима сама Япония, как неповторима любая другая часть разноликой мозаики стран нашей планеты.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Почему эта книга названа «Двухэтажная Япония»? Уж не собирается ли автор привлечь внимание только к «глубинке» и обойти ту Японию, которую олицетворяют рвущиеся ввысь небоскребы, устремленные только вперед железнодорожные экспрессы, полюбившиеся всему миру надежные и удобные автомобили? Напротив, этим и иным символам «японского чуда» уделено в книге должное внимание и уважение. А почему тогда «двухэтажная»?

Прежде всего потому, что именно таким было первое впечатление от страны, чьи города и деревни, зачастую сливаясь друг с другом, заполнены именно двухэтажными строениями. Почерневшие от времени деревенские дома под черепичными крышами. Городские двухэтажки, бесконечными волнами подступающие к многоэтажным «островам» деловых центров. Они по-прежнему определяют архитектурный облик Японии, как бы олицетворяя стабильность уклада жизни, преемственность поколений.

Впечатление о «двухэтажности» укрепилось и после двух тысяч дней работы в стране, поездок по ее устрашающе огромным главным городам, уютным провинциальным городкам, аккуратным, но все заметнее ветшающим деревням.

«Двухэтажность» — это очевидный разрыв в уровне развития между Хонсю, главным из четырех самых больших Японских островов, и тремя остальными: Хоккайдо, Сикоку и Кюсю. Это процветание самых крупных индустриальных центров — Токио, Осаки, Нагоя на фоне нарастания проблем остальных городов и районов того же Хонсю.

«Двухэтажность» — это продолжающийся отток в города жителей принесенной в жертву «экспортной стратегии» промышленников деревни, которая не способна более прокормить Японию, ставшую крупнейшим в мире покупателем сельскохозяйственных продуктов. Это — восхищение каждым цветком, деревцем, источником или рошей, уживающееся с умертвлением ядовитыми отходами воздуха, воды и почвы.

«Двухэтажность» — это бросающаяся в глаза разница между оснащенными роботами и компьютерами крупными предприятиями и работающими на них средними и мелкими заводами, персонал которых трудится дольше и тяжелее, а зарабатывает меньше. Это — разница в положении охваченной профсоюзным движением рабочей верхушки, составляющей чуть больше четверти трудящихся, и остальной массой, на которую гораздо реже распространяются блага, даруемые японским менеджментом. Это — и степень эксплуатации даже привилегированной части трудящихся, только недавно начавшей знакомиться с пятидневной рабочей неделей, все еще не имеющей полноценного оплачиваемого отпуска, отдающей работе ежегодно в среднем 2170 часов по сравнению с 1920 часами в США и 1660 часами в ФРГ.

«Двухэтажность» — это, наконец, то ненормальное положение, при котором японские капиталы текут на стимулирование американской экономики, хотя сама Япония страдает от недостатка средств на строительство современного жилья, финансирование программ

просвещения, здравоохранения и социального обеспечения.

Задумав нарисовать панораму «двухэтажной Японии», автор много путешествовал. Но и шести лет оказалось мало, чтобы побывать во всех 47 префектурах, во всех знаменитых уголках Страны восходящего солнца, составляющей лишь 0,3 % земной суши (372 тыс. км²).

В своем повествовании автор стремился не просто «сфотографировать» Японию 80-х годов XX в., но еще и показать ее связь с прошлым, без опоры на которое сегодняшняя страна не смогла бы так уверенно шагать на собственных ногах. Постоянно обращаясь к временам минувшим, японцы все чаще думают о будущем. Вот почему нельзя было обойти вниманием склонность к долгосрочным планам, присущую каждой семье, руководителям предприятий, министерств, государства.

Япония собирается одной из первых ворваться в XXI в. С желанием расширить представления о соседней державе, помочь почерпнуть из ее опыта самое интересное автор представляет эту книгу очерков читателю.

Глава первая **СЕМЬ ВСТРЕЧ С ФУДЗИ-САН**

Свидание с богиней горы Фудзияма
Наступление «стальных воротничков»
«Ад» у подножия Фудзиямы
«Лес смерти»
«Глубинка» в трех часах езды от столицы
Фудзияма в осаде
Несчастье «Счастливого дракона»

...Величественная гора Фудзияма, цветущая вишня сакура, пленительные гейши, яростные самураи, изящные кимоно, утонченные гравюры «укиё», экзотические представления театра «кабуки». Эти образы остаются после чтения книг о посещении той Японии, что под угрозой расстрела орудиями иностранных боевых кораблей была вынуждена примерно полтора века назад покончить с почти 200-летней изоляцией и вступить в контакт с внешним миром.

...Колонны японских солдат, марширующих по улицам Владивостока, Пекина, Шанхая, Нанкина, Сингапура, Ханоя, десятков других азиатских городов. Самурайский меч, падающий на голову пленного. Прощальная чарка сакэ в руках юного смертника «камикадзе». Стаи американских бомбардировщиков на фоне сверкающего конуса Фудзиямы. Кроваво-черное рукотворное облако над Хиросимой. Эти кадры надолго запоминаются после просмотра кинохроники первых пяти десятилетий нынешнего века.

Для второй половины нынешнего столетия типичны совсем иные символы. Скользящий по стапелям танкер небывалого водоизмещения. Стремительно несущийся мимо горы Фудзияма поезд-суперэкспресс. Задыхающиеся от смога пешеходы на улицах больших городов. Впихивающие пассажиров в переполненные вагоны электрички станционные служители...

После шести лет жизни в Японии 80-х годов чаще всего вспоминаются оснащенные роботами цехи завода, поездки в надежных и удобных автомобилях по скоростным шоссе и томительные часы стояния в «пробках», сохранившие обаяние и традиции старинные городки японской «глубинки», заросшие сорняками поля умирающей горной деревни, многотысячные первомайские демонстрации, парады фашиствующих экстремистов перед токийским храмом Ясукуни, переполненный посетителями советский павильон всемирной выставки «ЭКСПО». И еще конечно же Фудзи-сан¹, гора Фудзи. Оказавшаяся совсем рядом

¹ Фудзи-сан и Фудзияма означают одно и то же — гора Фудзи, хотя в первом сочетании используется китайское, а во втором — японское чтение иероглифе «гора». Слово «сан» в сочетании фудзи-сан не имеет

с пробившим облака самолетом. Нависшая темным силуэтом над вечерним заливом. Упавшая белоснежным отражением на гладь озера. Проступившая красным конусом из затянувшего недалекий токийский горизонт дымного тумана...

Как бы стремительно ни менялся облик городов и сел, рек и озер, гор и долин, Фудзияма все равно останется непревзойденной царицей японской природы, символом мощи, совершенства форм и пропорций. Какие бы социальные или технологические перемены ни влияли на образ жизни японцев, они все так же будут любоваться своей единственной и неповторимой Фудзи-сан, будь то на старинных гравюрах или в передаваемой через спутник на всю страну специальной новогодней телепрограмме. Да и для иностранцев, как показывают, например, письма слушателей «Радио Японии», Фудзияма прочно удерживает первое место среди символов Страны восходящего солнца, опережая сакуру, роботов, компьютеры и автомобили.

Человеческое воображение поражает не только громадность Фудзиямы, особенно очевидная на фоне окружающей ее равнины и довольно невысоких гор. Восхищение вызывало и вызывает постоянство, вечность колоссальной горы, изменения которой незаметны живущему так недолго человеку. Фудзи-сан можно уподобить необычайно крупному и прекрасному драгоценному камню, который передается в наследство из поколения в поколение неизменным, окруженным легендами и преданиями. Камень этот люди вставляют в оправы, меняющиеся со сменой эпох. Когда-то в девственных лесах и на берегах озер вокруг огромной горы стояли только поселения искусных охотников и рыбаков из племен айну, коренных жителей Японских островов. Вытеснившие их пришельцы с юга не только унаследовали культ поклонения Фудзи-сан и само ее название «Фунчи», то есть «огненная гора». Они создали новую «оправу» горы из рисовых полей, деревень под тростниковыми крышами, белостенных самурайских замков. С рассказа о нынешней «оправе» Фудзи-сан хочется начать очерки о городах, деревнях, дорогах Японии 80-х годов, о заботах и радостях, достижениях и проблемах наших современников и соседей — японцев конца XX в.

Свидание с богиней горы Фудзияма

Под звуки явно уставшего духового оркестра по токийской улице Гиндза шествовала «богиня» горы Фудзияма — Конохана Сакуя-химэ. Перед облаченной в старинные одежды «богиней» несли трехметровый макет Фудзи-сан, шли музыканты, знаменосцы. А позади вышагивали в непомерно высоких деревянных сандалиях, ряженные под злых духов, в масках с длинными красными носами и одетые в традиционные простонародные костюмы юноши и девушки, на плечах которых покоились резные паланкины с переносными часовнями — «микоси». Июньский парад должен не просто напомнить столичным жителям о приближении ддящегося всего два месяца — июль и август — сезона восхождений на священную гору, но в очередной раз попытаться убедить их не оставлять там после себя горы всевозможного мусора. «Движение за сохранение Фудзи-сан в чистоте» существует уже более четверти века. Его участники не только устраивают парады в Токио и городках у подножия Фудзиямы. По окончании сезона восхождений они проводят уборку Фудзи-сан, собирая на вершине и туристских тропах брошенные консервные банки, бутылки — больше ста тонн за один лишь день!

Поклонившись хорошенькой «богине» и даже получив чуть заметный, как и полагается простому смертному, ответный кивок, я дал зарок больше не откладывать в долгий ящик восхождение, на Фудзи. Но зарок зарок, а цепная реакция суетной токийской жизни — сама по себе. Вот уже в вечернем выпуске новостей промелькнул праздник открытия сезона восхождений, вот газеты стали печатать репортажи о немыслимой толчее на вершине, где в ожидании восхода солнца еженощно собираются тысячи людей. А моя встреча с богиней

Фудзи все откладывалась. И только ко времени «Химацури», завершающего сезон восхождений «Огненного праздника», план долгожданного приключения стал приобретать конкретные формы. «Одним выстрелом убить двух зайцев» — побывать на празднике, а затем совершить классическое ночное восхождение. С таким расчетом я присоединился к участникам «Химацури», причисленного к «трем самым удивительным огненным праздникам».

Что говорить, «Химацури» и вправду удивляет, он ничем не похож на другие «огненные праздники» — ритуальные выжигания сухой травы на склонах гор, разжигания огромных костров в форме иероглифов и красочные фейерверки. Накануне праздника у подножия Фудзи-сан видны группы людей, деловито сооружающих похожие на побег бамбука факелы в два-три человеческих роста. Шеренга из 50–60 факелов растягивается почти на три километра вдоль старинной дороги. У дверей выходящих на нее домов тоже видны приготовления — аккуратно сложенные поленицы дров. Чем ближе вечер, тем оживленнее становится площадь перед вокзалом небольшого городка Фудзи-Йосида. Поезда и автобусы выгружают все более плотные толпы любопытных.

Около 6 часов вечера на площадь вступает процессия молодых горожан, несущих на плечах «микоси», в которые на время праздника «переселяется» богиня Фудзиямы. Как только переносные часовни опускаются на заранее установленные козлы, многоголосый возглас восхищения проносится над толпами — зажглись верхушки факелов. Не успевают разгореться факелы, как к ним добавляется огненное многоточие полениц, высветившее контуры домов, снующих вдоль дороги любопытных. Словно повинувшись бесшумно отданной команде, все вдруг поднимают головы и смотрят в сторону все еще освещенного солнцем конуса Фудзи — там тоже зажглись костры, сложенные владельцами горных приютов. Почти физически ощущаемая близость огромной горы, залившее все кругом море огня, мелькание раскрасневшихся от жары и слабой рисовой водки сакэ лиц — все это задевает какие-то заржавевшие в наш век струны души, создает атмосферу языческого празднества. Может быть, это и оттого, что «огненный праздник» действительно очень древний, его корни уходят еще к айну. Считается, что огромные факелы символизируют извержения Фудзи-сан. Другая, более японская легенда объясняет праздник таким образом: внук богини солнца Аматэрасу по имени Нинигино с первого взгляда влюбился в богиню Фудзиямы Конохана Сакуя-химэ. Этого первого взгляда было достаточно, чтобы Сакуя-химэ понесла. Не поверив в чудодейственную силу собственного взгляда, Нинигино обвинил свою возлюбленную в неверности. Возмущенная подозрением богиня заперлась в деревянном доме, а когда подошло время разрешиться от бремени, подожгла его. Ни Сакуя-химэ, ни родившиеся один за другим трое сыновей ничуть не пострадали от огня. Доказавшая свою невиновность богиня с тех пор почитается как символ чистоты, супружеской верности.

Древние корни праздника прослеживаются и в странном обычае, связанном с ним. Рядом с разожженным «священным огнем» не имеет права находиться ни один человек, в семье которого за последние 12 месяцев кто-нибудь умер.

У богини Сакуя-химэ наряду с несомненными достоинствами хватает и недостатков. Если судить по непредсказуемой, меняющейся несколько раз на день погоде на опекаемой богиней горе, среди этих недостатков на первом месте стоит непостоянство. Еще утром светило солнце и Фудзи-сан была видна даже из Токио. Днем только несколько облаков плавали вокруг вершины. Но вот уже густой туман скрыл костры у приютов и прочертившие склоны зигзагообразные цепочки огоньков фонариков, которые несут бредущие к вершине туристы. Заметались языки пламени разгоревшихся по-настоящему факелов, и люди стали жаться к ним поближе: пошел дождь. Стало ясно, что мой хитроумный замысел «убить сразу двух зайцев» сорвался. Именно в такую погоду в 1980 г. 12 человек стали жертвами камнепада, обрушившегося на них во время спуска с вершины. Увы, свидание с богиней Фудзиямы не состоится в этот сезон...

Но разве обязательно связывать себя рамками сезона? Можно ведь рискнуть и обойтись без услуг горноспасательной службы, без гостеприимных приютов, прекращающих работать

в последний день августа. Вряд ли за неделю-другую обстановка на горе существенно изменится, разве что восхождение придется совершать в гордом одиночестве. Такой ход мысли подтолкнул нас с коллегой — корреспондентом ТАСС на решение предпринять штурм Фудзи-сан, несмотря ни на что.

И вот промелькнули редкие огни ночных токийских улиц, и машина понеслась по скоростному шоссе. Если через 70 км свернуть налево, то попадешь на ответвление, которое ведет до озера Кавагути. А уже оттуда по другой дороге добираться прямо до середины одного из шести традиционных маршрутов восхождения на Фудзи-сан. Конечно, это быстро и удобно. Вопрос в том, насколько такое «полумеханизированное восхождение» обесценивается, лишается очарования и особого духовного настроения традиционного пешего путешествия.

В старину, которая для Японии кончилась в 1868 г. с началом реформ «периода Мэйдзи», жители Эдо, нынешнего Токио, считали необходимым хотя бы раз в жизни подняться на Фудзи-сан. Пешком, верхом или в паланкинах направлялись они к подножию священной горы, по пути останавливаясь помолиться в посвященных богам Фудзиямы многочисленных храмах, полюбоваться видами на гору из знаменитых мест. На карте Токио и его окрестностей до сих пор часто мелькает одно и то же название — «Фудзими», что значит вид на Фудзи.

Путешествие до горы, восхождение, спуск и возвращение домой занимали в общей сложности около недели. Предприятие требовало не только много времени, но и средств. Те, кому дорогостоящее паломничество было не по карману, объединялись в своеобразные кружки-кооперативы, члены которых делали ежегодные взносы и по очереди, раз в пять лет, совершали групповые восхождения. Членов примерно двухсот существующих и поныне кружков паломничества на Фудзи-сан можно сразу распознать по белым ритуальным одеждам, по белой с красным кругом посередине повязке на лбу. Ко времени, когда их неспешный путь от подножия достигает пятой из десяти станций дороги на вершину, белые матерчатые тапки становятся коричневыми, а повязки намокают от струящегося со лба пота. Но надо видеть, с каким почтением и завистью смотрят на вереницу чинно выступающих паломников те, кто за полчаса взлетел до пятой станции на своих мощных «маздах», «ниссанах» или «тоётах»!

Впрочем, можно облегчить путь к вершине и после пятой станции. Окрестные крестьяне готовы за несколько тысяч иен² предоставить в ваше распоряжение крепких коней, способных проделать еще несколько сот метров нелегкого маршрута. А вот мимо пронеслись на красных мотоциклах двое парней в гоночных комбинезонах и шлемах. Ну, что же, поначалу от пятой станции идет асфальтированная дорога, по которой легко можно проехать и на машине.

Несмотря на ранний час — семь утра — и вопреки вывешенным на щитах полицейским предупреждениям о повышенной опасности восхождения после окончания сезона, на гору и с горы движется довольно много народу. С интересом смотрим на покорителей Фудзи, встретивших на ее вершине восход солнца: головы повязаны набухшими влагой полотенцами, под глазами круги. По хорошему обычаю путники в горах обязательно приветствуют друг друга. На правах младших, начинающих альпинистов мы первыми выкрикиваем «Доброе утро!» появляющимся из тумана встречным, они отвечают: «Будьте осторожны!»

Туман позволяет видеть метров на 20–30 вперед, только иногда сильный ветер приподнимает пелену, точно развеваемые на веревках огромные простыни. У развилки, как водится, указатель: «Направо пойдешь...» По выжженному на деревянном щите конусу Фудзи вьется белая линия тропы с отмеченными флажками станциями и расстояниями между ними. До следующей, шестой станции — полтора километра, до седьмой — столько

² Тысяча иен по официальному курсу Госбанка СССР равнялась на 13 сентября 1989 г. 4 руб. 40 коп.

же, еще полтора километра до восьмой станции, а потом просто сообщается, что до вершины — час и десять минут ходьбы.

Асфальтированная дорога сменяется цементированной дорожкой. По сторонам растут сосны, березы. Вот под ногами уже не укатанная цементная дорожка, а размолотая тысячами туристских ног вулканическая порода, сильно напоминающая угольный шлак. Огромными черно-коричневыми, красно-бурыми кусками лежат смахивающие на пемзу глыбы, кое-где виднеются островки кустов и пожухлой травы, быстро вытеснившие деревья. С наслаждением вдыхается чистый, вкусный воздух, какого в Токио не бывает никогда. Но и этого замечательного воздуха начинает не хватать. Склон становится все круче и круче, обгонять спокойно шествующих японцев уже не удастся. Ноги сами по себе начинают двигаться в такт перезвону колокольчиков, привязанных к посохам, на которых в туристский сезон путникам на каждой станции выжигают клеймо.

Добираемся до шестой станции. Стоит напоминающее просторный амбар сооружение, к стенам и на железную крышу которого навалены все те же красно-бурые валуны. Налетающие время от времени сильные порывы ветра объясняют эту предосторожность. До шестой станции мы дошли за 25 минут. Если дело и дальше пойдет также, то через пару часов будем на вершине! Десятки спускающихся и поднимающихся путников расселись на скамейках, прямо на земле, кое-кто растянул палатки и устроился на привал. Помимо приюта под названием «Хутор облачного моря» на шестой станции еще и центр безопасности, где полагается перед дальнейшим восхождением зарегистрировать свое имя «на всякий случай». Но поскольку сезон уже закончился, ни в приюте, ни в центре безопасности никого нет и мы отправляемся в путь безмянными.

Однообразные виды шлаковой крошки и валунов лишь изредка перемежаются иными картинами. Вдруг увидишь сложенные из камешков небольшие пирамидки, то похожие на подчеркнуто примитивные каменные фонари сада для чайной церемонии, то навевающие воспоминания о привольной монгольской степи и молитвенных курганах из камней «обо». А то вдруг ветер разгонит туман и неподалеку разглядишь выпирающие из-под шлаковых потоков замшелые скалы. И все время вверх и вверх, за звенящим где-то впереди колокольчиком.

Новый приют, новая доска с выжженными иероглифами — «7-я станция». Прошел всего час и десять минут со времени старта на пятой станции. Хорошо идем! А вот и мотоциклисты, обогнавшие нас в начале пути. Проехав метров пять по сравнительно ровному участку тропы, они затем перетаскивают тяжелые машины через шершавые глыбы валунов. Спускающиеся с горы подбадривают «мотоальпинистов», у поднимающихся вверх для этого просто не хватает дыхания.

Еще 20 минут лавирования между глыбами вулканической породы — и мы неожиданно оказываемся на восьмой станции, деревянный щит которой сообщает, что вы находитесь на высоте «десяти тысяч вершков». Неужели через час вершина? Ощувив прилив сил, начинаем штурм. Появились железные цепи, выполняющие роль поручней. Склон становится все круче, тропы, по существу, уже нет, приходится прыгать с валуна на валун.

Жалеет, что не задержались на восьмой станции: там, вопреки всем путеводителям, продолжает работать приют под названием «Восточный океан», можно поесть, выпить горячего кофе, чаю, погреться у постоянно кипящего пузатого медного чайника. Но ничего, отдохнем и погреемся на следующей остановке. А вот и она. На деревянной доске почему-то опять надпись: «Восьмая станция». Спускающаяся с вершины Фудзи-сан веселая компания студентов из американского штата Орегон сообщает, что «существуют как минимум три восьмые станции» и что до вершины еще часа четыре пути.

Энтузиазм и оптимизм улетучиваются с той же скоростью, что и надвигается снизу молочно-белая стена тумана. Становится холоднее и темнее. Еще одна станция, и снова восьмая! Ну, уж следующая-то должна быть девятая, предпоследняя! А вон, кстати, впереди показалась деревянная «тории», традиционная японская арка, какие непременно ставят перед синтоистскими храмами. Но как бы не так. Очередная доска снова украшена

иероглифической восьмеркой, похожей на расставленные ноги. Та же цифра показалась сквозь все более непроницаемый и холодный туман и на следующей, пятой по счету восьмой станции! Наверное, мы никогда не доберемся ни до девятой станции, ни до вершины. Но колокольчик наших невидимых спутников звенит где-то впереди, надо не отставать!

Неожиданно оказываемся перед очередной, на этот раз железобетонной аркой — «тории». У каждой из двух опор по мраморному льву. «Вершина — за поворотом», — сообщает возглавляющий группу бойскаутов приветливый старичок. Голоногие мальчишки лет по 12–14 близки к окоченению, синими от холода руками вцепились в лямки рюкзаков. По нейлоновым капюшонам курток стучит то ли дождь, то ли град. Впрочем, это обычная картина, многие токийские школьники даже зимой ходят в шортах с голыми ногами. Нам же холодно и в «непромокаемых», но промокших насквозь комбинезонах. Последние шаги до вершины делаем по широкой каменной лестнице. Вот она, цель. Вершина самой высокой горы Японии — 3776 м над уровнем моря. Чтобы добраться до этой отметки даже с полпути, от пятой станции (высота 2300 м) потребовалось пять с половиной часов.

Теперь, восстановив дыхание и съев припасенный бутерброд, можно и осмотреться вокруг. Сделать это не так-то просто: видны лишь заколоченные на зиму приюты и автоматы с прохладительными напитками, небольшие группки бредущих по довольно широкому краю кратера измученных людей да еще палатки, которые вот-вот сорвет перемешанный с дождем сильный ветер. Где-то должны быть действующая круглый год метеостанция и храм богини горы. Но охота засвидетельствовать богине свое почтение как-то пропала: разве желанных гостей встречают такой погодой? Да и жутковато идти, поглядывая то на круто уходящий вниз склон, то на глубокий откос кратера.

Полная тишина, пихающий из стороны в сторону ветер, накатывающееся волнами туманно-дождливое месиво только усиливают желание пуститься в обратный путь. Почему-то не хочется продекламировать и заученное еще в Токио стихотворение великого поэта Мацуо Басе, совершившего восхождение примерно в такую же погоду лет триста назад: «Дождь застилает все вокруг. Но Фудзи-сан все равно источает очарование, даже оставаясь невидимой».

Увы, Фудзи-сан остается невидимой очень, очень часто. По данным 30-летних наблюдений, в префектуре Яманаси, включающей северную половину горы, дождливая и пасмурная погода выпадает на 19 дней в июле и 17 — в августе. Но и в совершенно ясные дни могут невесть откуда появиться облака и закружиться хороводом вокруг вершины, к которой так долго добирались поклонники богини Конохана Сакуя-химэ. Трудно, очень трудно ощутить очарование, источаемое невидимой Фудзи. То же самое настроение, похоже, охватило и некоторых из наших спутников. Торопливо сфотографировавшись у гранитных фонарей с выбитыми иероглифами «Фудзи-сан», они стягивают у подбородка завязки капюшонов и, все так же позванивая колокольчиками, делают первые шаги вниз.

Наверное, только немногие, особо утонченные личности способны прочувствовать, что, если взирать с ее вершины, Фудзи-сан имеет мужественный облик, а если смотреть от подножия — женственный. Полегче понять, почему у каждого из типов облаков, летних и зимних, сулящих холод, дождь или сильный ветер, есть свое особое название. «Широкополая шляпа» и вправду накрывает вершину Фудзи, точно голову склонившегося над рисовым полем крестьянина. «Сломанная шляпа» приподнимается, чтобы приветствовать весну. Закрученный спирально «волчок» сулит солнечное, но прохладное утро, а о наступлении сезона дождей предупредят кружащиеся вокруг вершины облака-«пончики».

Ну, а чтобы боготворить Фудзи-сан, слагать о ней стихи и легенды, изображать ее на бесчисленных гравюрах — «уикёэ» и современных картинах, посвящать ей песни, книги, фотоальбомы и многочасовые кинофильмы? Для этого нужно совсем немного. Любить свою землю, каждую ее гору, реку, озеро, вулкан. Уметь восхищаться

той красотой, которая рядом с тобой, доступна повседневному, но постоянно свежему восприятию. Чувствовать вечность и неповторимость природы, осознавать себя ее частицей.

Это «немногое» явно присуще японцам. Ведь храмы, арки и каменные изваяния ставят

не только в честь прославленной Фудзи-сан, но и бесчисленного множества гор и горок, рек и речушек, больших и маленьких озер, лесов, утесов, ущелий. Ведь с Фудзи-сан сравнивают десятки похожих, мало похожих и вовсе не похожих на нее гор в разных концах Японии. Ведь чередование времен года, череда сезонов цветения разных деревьев, цветов и трав пронизывают весь уклад жизни и нынешних, отделенных от природы облаками смога и железобетонными стенами японцев, заставляют их менять убранство комнат, набор блюд повседневной и торжественной пищи, даже рисунки и цвет посуды, темы стихотворений...

На любовь японцев к природе, вернее тоску по ней, опирается развитие новой отрасли экономики — число современных гостиниц, традиционных постоялых дворов, курортов на горячих источниках, туристических бюро растет как на дрожжах. Немалые деньги зарабатывают и владельцы всевозможных заведений в окрестностях Фудзи-сан, обслуживающих тот миллион и 100 тыс. туристов, что ежегодно совершают «полумеханизированное» восхождение на нее, и те 160 тыс., что совершают «классическое» восхождение от подножия до вершины. Заодно с ночлегом, завтраком и ужином они «продают» то «самый величественный вид на Фудзи», то «восход солнца над Фудзи», то «зеркальное отражение Фудзи на глади озера».

О многом успеваешь вспомнить, подумать, поговорить за три часа, которые уходят на спуск с вершины Фудзиямы до пятой станции, где проходит граница между все еще девственной природой Национального парка Фудзи и современностью с ее платными дорогами, бетонными шоссе и ревущими двигателями автомобилей. Вспоминаешь не менее красивые и могучие, но гораздо реже воспеваемые художниками и поэтами вулканы своей родной Камчатки — Ключевской, Авачинский, Корякский... Думаешь о том, как много нужно еще сделать у нас дома, чтобы укрепить, так сказать, материальную базу любви к родному краю — проложить удобные дороги и тропы, построить гостиницы и курорты, напечатать новые карты, путеводители по прославленному и еще не хоженному туристским маршрутам. Заводишь разговор о ценности японского опыта создания системы национальных, префектуральных парков, о немалых усилиях и средствах, которые тратятся ради сохранения природы.

Спускаясь с вершины, чаще смотришь по сторонам, видишь лучше и больше. Замечаешь множество защитных стен, ловушек для камней и иных сооружений, призванных ослаблять последствия обвалов, которые уродуют склоны Фудзи-сан. Ежегодно обвалы и камнепады «выгрызают» свыше 200 тыс. кубометров породы из тела Фудзиямы. На юго-западном склоне уже образовалась огромная «вмятина» шириной в шесть футбольных полей и глубиной в сотню метров. Она наглядно показывает, что нависшая над Фудзи-сан угроза «разорваться» очень реальна.

Если не принять решительных мер, то «вмятина», образовавшаяся вдоль течения небольшой речки Осава, расплзется вверх и вниз и классический конус священной горы японцев через сотню-другую лет станет историей, преданием. Решительные меры стали предпринимать с 1984 г., когда после десяти лет исследований и экспериментов на текущей с вершины речке стали строить бетонную стену высотой 5 м и длиной 17 м. Ученые надеются, что наложенная «перевязка» по крайней мере замедлит гибель символа Японии. Но проблемы Фудзи-сан не исчерпываются одними лишь камнепадами и обвалами. Чуть ниже пятой станции начинаются мертвые и полумертвые леса — жертвы кислотных дождей. Дорогую цену платит растительный и животный мир горы-заповедника за соседство с Токийским промышленным районом. Ядовитые испарения не признают заповедных границ, их не остановит никакая, пусть даже многометровой высоты стена.

Чем ниже спускаешься из заоблачных высей на грешную землю, тем больше деталей различаешь в облике Страны восходящего солнца, таком безусловно-правильном и загадочно-экзотичном издали.

Без Фудзи-сан не поймешь Японию, не узнав Японию, не оценишь Фудзи-сан, то приветливо сверкающую своей седой вершиной, то сурово укутанную в серую мантию тумана.

Наступление «стальных воротничков»

Жителю японской столицы, центр которой императорский дворец, лежит всего в ста километрах по прямой от вершины Фудзи-сан, увидеть легендарную гору не так-то просто. Дело не только в том, что примерно половина этого расстояния поглощена огромным Токийским промышленным районом, жилые кварталы и заводы которого полностью изменили ландшафт, закрыли воспетые средневековыми художниками виды на гору Фудзи. Главным виновником не назовешь даже смог, «выдыхаемый» миллионами столичных автомашин, тысячами фабрик, сотнями тысяч отапливаемых керосиновыми печками жилищ примерно 12 млн обитателей «большого Токио». Статистика показывает, что Фудзияму можно видеть хотя и не каждый третий день в году, как это было в начале века, но и не раз в 16–17 дней, как случалось в 60-е годы, в период катастрофического загрязнения воздуха. В середине 80-х годов примерно раз в семь дней то по-летнему коричневатый, то белоснежный конус Фудзи можно было «поймать» с крыш высоких зданий. Но мало кто из жителей выделяет время на такие «восхождения». Ритм их жизни подчиняется вовсе не тому камертону, по которому живет вечная Фудзи-сан. Эта частая, чеканно-четкая чечетка токийской круговерти поначалу просто оглушает, а затем подчиняет своей логике чередования важных, очень важных, еще и еще более важных дел, событий, встреч...

Только через полгода суетной токийской жизни состоялась моя первая настоящая встреча с вечным символом Японии. После трех часов езды в комфортабельном, но еле движущемся из-за заторов автобусе группа журналистов с радостью устремилась в распахнувшиеся двери. Чуть не задыхаешься от непривычно чистого воздуха, от подавляюще величественного вида неожиданно выросшей совсем рядом Фудзиямы. Встречающие гостей сотрудники завода «Фудзицу Фанак» удовлетворенно улыбаются: психологическая встряска от вида главного из «чудес японского света» настраивает на соответствующее восприятие чуда поменьше. Построенный у подножия Фудзи завод, где роботы заняты размножением себе подобных механических работяг, стал практически обязательным местом посещения для сотен групп бизнесменов и журналистов, правительственных делегаций, приезжающих в Японию глав государств и иных знаменитостей.

Обычный заводской цех. Пахнет горелым маслом и металлом. Монотонно гудят станки. Только осмотревшись по сторонам, понимаешь всю необычность, а вернее, непривычность происходящего. В протянувшемся на сотню метров цехе почти не видно людей. У токарных, фрезерных, сверлильных станков стоят роботы. Не те чудища, которые на экранах телевизоров восхищают японских детей дуэлями на лазерных мечах, а весьма прозаически выглядящие установки в одинаковой желтой «форме». Вот двупалая «ладонь» судорожным движением захватывает заготовку и подносит ее к резцу. Через несколько секунд деталь, отточенная в соответствии с заложенной в памяти программой, оказывается на столике для готовой продукции. Время от времени между станками проезжает транспортный робот — тележка, доставляющая с полностью автоматизированного склада заготовки и увозящая готовую продукцию. Попискивая и мигая красными лампами, робот-тележка движется вдоль проложенных в полу бороздок, по которым ее «мозг» получает приказы.

«Наше предприятие пока роботизировало не весь производственный процесс, — объяснял директор завода Хиромити Ситида. — Хотя мы заняты выпуском именно сборочных роботов, на нашем собственном сборочном конвейере до сих пор сосуществуют рабочие и роботы, так сказать, «синие воротнички» и «стальные воротнички». Наша фабрика считается одной из самых роботизированных: на 150 роботов приходится 100 людей. Только два десятка из них заняты сборкой, а остальные проверяют качество, пакут готовую продукцию, занимаются снабжением, управлением. Фабрика работает в две смены, причем в ночную смену, когда производится лишь изготовление деталей и частичная сборка, на всем

предприятию остается один дежурный «на всякий случай».

Идем дальше вдоль ярко-желтой линии, показывающей границу зоны безопасности. Директор обращает внимание на то, что у каждого робота есть свое имя. С удивлением обнаруживаю, что остановился прямо напротив своего тезки: на коробкообразном корпусе четко выведены латинские буквы «Юри». Каждому роботу присвоено название цветка, а «Юри» по-японски значит «лилия».

«Все эти «лилии», «камелии», «хризантемы» и «ромашки» способны обрабатывать детали весом от одного до тысячи килограммов с точностью плюс-минус 5 микрон, — продолжал директор Ситада. — Ежемесячно мы выпускаем 100 штук промышленных роботов двух типов — сборочные и способные изготавливать детали. Конечно, сам по себе робот мало что может сделать. Он лишь часть системы, в которую помимо него входит станок, снабженный мини-ЭВМ, или же обычный станок плюс контрольный компьютер».

Задаю вопрос о финансовой стороне работы. По словам директора, открывшееся в декабре 1980 г. предприятие покрыло все вложенные в его строительство средства за 12 месяцев. Поначалу роботы в зависимости от сложности продавались по цене от 3,5 до 6 млн иен. Однако цены стремительно падают из-за перенасыщенности рынка, конкуренции и недостаточно высокого спроса на «стальные воротнички».

«Мы способны производить 3 тыс. контрольных компьютеров (командоаппаратов) для автоматических станков, а выпускаем только 2 тыс., — жаловался директор фабрики. — Сервомоторов, служащих «мускулами» роботов, изготавливаем 7 тыс. вместо возможных 9 тыс. Далеко не полностью используются и мощности по производству самих роботов. Дело в том, что некоторые владельцы предприятий, особенно средних и мелких, все еще не понимают, что эра «стальных воротничков» уже наступила. Они ссылаются на то, что покупка роботов пока обходится слишком дорого, что они быстро устаревают морально, что выгоднее нанимать обычных рабочих, «синих воротничков». Действительно, из-за низкого уровня зарплаты на средних и мелких заводах, а особенно из-за ширящегося найма временных рабочих, покупка и установка «среднего» робота обходится пока вдвое дороже годовой зарплаты среднего рабочего. Но дело еще и в психологическом барьере, преодолению которого лишь частично помогает финансируемая правительством программа сдачи роботов в аренду на несколько месяцев, лет. Без ликвидации этого барьера немислим быстрый прогресс роботостроения. Ведь крупные фирмы зачастую удовлетворяют потребность в роботах за счет собственной продукции. Поэтому мы надеемся главным образом на средние и мелкие предприятия, а также на внешние рынки».

Гостеприимный хозяин, водивший журналистов по цехам завода «Фанак» весной 1982 г., чутко ощущал угрозу делу своей жизни. Мы же тогда скептически отнеслись к его жалобам. Просматривая быстро пополнявшееся с каждым месяцем досье по японскому роботостроению, я отмечал быстро увеличивавшиеся показатели «поголовья» механических работяг, объем продаж на внутреннем и внешних рынках. Действительно, производство промышленных роботов в Японии с 1975 по 1985 г. выросло в 28 раз, а в стоимостном выражении — с 10,7 до 300 млрд иен. Парк роботов рос в среднем на 1 5 тыс. единиц в год и достиг в 1986 г. 224 тыс. Япония стала мировым лидером как по внедрению, так и по производству «стальных воротничков». На японских заводах работают два из каждых трех роботов капиталистических стран, число роботов в Японии в пять раз больше американского. Вошли в строй два совершенно «безлюдных» завода, где роботы делают роботов. К роботам первого поколения (сравнительно простые манипуляторы с фиксированной и переменной последовательностью заданных операций) добавились «родственники» второго поколения (они оборудованы сенсорными датчиками, процессорами для обработки их сигналов и иными устройствами распознавания производственной среды). Широко ведутся исследования в области промышленных роботов третьего поколения, «интеллектуальных», наделенных функциями самообучения (они должны обладать техническим зрением с помощью видеодатчиков, видеокамер и приборов с зарядовой связью, а также самостоятельными аналитическими функциями для адаптации к окружающим условиям). На

Всемирной выставке «ЭКСПО» в городе Цукуба я слушал, как робот играл на пианино, а коллега — корреспондент «Литературной газеты» получил собственный портрет, нарисованный другим роботом. Словом, наступление «стальных воротничков» разворачивалось тогда быстро, безудержно, без помех.

На то были причины, весьма веские причины. Специалисты делят их на общие для всех капиталистических стран и «чисто японские». Среди общих — стремление добиться роста производительности труда, сократить число работающих в целом и на вредных производствах в частности, добиться увеличения загрузки оборудования. Среди специфически японских — относительная нехватка квалифицированных рабочих (500 тыс. человек в середине 80-х годов), необходимость непрерывно повышать конкурентоспособность товаров (цены, качество, ассортимент) для ориентированной на экспортные рынки экономики Японии.

Немалую роль отводят и «человеческому фактору». Дело в том, что японские рабочие, особенно на крупных предприятиях, не так сильно беспокоятся из-за внедрения «стальных воротничков», как их товарищи в других капиталистических странах. Крупные фирмы все еще сохраняют систему «пожизненного найма», при которой высвобождающийся по той или иной причине рабочий или служащий не увольняется, а переводится на другое место в той же фирме или на предприятии-субподрядчике. Мало того, в 1983 г. профсоюз рабочих автомобилестроительного концерна «Ниссан» после четырех лет напряженных переговоров с администрацией добился заключения первого в истории «Договора о роботах». Его основные положения гарантировали вытесненным роботами рабочим перевод на одинаково оплачиваемую работу. Такие же договоры стали заключать и на других крупных предприятиях. Правда, профсоюзы Японии с большим или меньшим успехом защищают интересы только своих членов, составляющих менее трети японских пролетариев. На средних же и мелких предприятиях профсоюзы практически отсутствуют, и установка робота зачастую означает увольнение без всяких объяснений и компенсаций. Но эта часть рабочей силы не организована, а потому и не оказывает ощутимого сопротивления.

Все же директор завода «Фанак» оказался прав, наступление «стальных воротничков» дало сбой. Это стало ясно уже в середине 1986 г., когда были опубликованы первые данные о падении производства и сбыта роботов. А итоги года были совсем неутешительными: производство по сравнению с предыдущим годом сократилось на 6424 единицы до 42 066 единиц, уменьшение в стоимостном выражении составило более 7 %, до 287 млрд иен. Сказалось повышение курса иены по отношению к доллару, которое заметно удорожило цены идущих на экспорт роботов в долларовом исчислении. Стало ощущаться снижение спроса на роботы и другую машиностроительную продукцию из-за общего ухудшения состояния капиталистической экономики. Возросла конкуренция в этой области корпораций США и Западной Европы. Напомнили о себе и те противоречия, которые исподволь накапливались в годы расцвета японского роботостроения. Высокая норма прибыли привлекла свыше 200 фирм — машиностроительных, электротехнических, электронных. Они стали душить друг друга, ожесточенно конкурируя за внутренний и внешние рынки, сбавлять цены по несколько раз в год. Резко возросли расходы на фундаментальные исследования и прикладные разработки для новых моделей «интеллектуальных» роботов. Участились случаи банкротства вчерашних лидеров. У остающихся на плаву ведущих производителей роботов — «Мацусита дэнки», «Ясукава дэнки» и «Фанак» — продажи снизились.

В 1987 г. положение несколько улучшилось. Производство роботов выросло на 7 %, а стоимость превысила 300 млрд иен. Но время космических скоростей в развитии робототехники закончилось — так считают руководители японской ассоциации фирм — производителей промышленных роботов. Теперь начинается другой период. Что он сулит? Согласно прогнозам, дальнейший, хотя и менее эффективный, рост парка роботов: с 224 тыс. в 1986 г. до 360 тыс. в 1990 г. и 630 тыс. в 1995 г. Уменьшение доли роботов первого поколения с 52 % в 1986 г. до 27 % десятью годами спустя. Расширение применения

«интеллектуальных» роботов как на заводах, так и в непромышленной сфере. Каждый пятый робот, установленный в будущем десятилетии, сможет самостоятельно составлять и выполнять программы.

Среди наиболее перспективных новых сфер применения роботов японские специалисты называют атомную энергетику, освоение космического пространства, транспорт, торговлю, складское хозяйство, медицинское обслуживание (роботы — помощники престарелых и инвалидов, роботы — микроманипуляторы для хирургических операций), переработку промышленных и бытовых отходов, уборку улиц и помещений, освоение богатств океанского дна, дорожные работы, добывающую промышленность, рыболовство и лесоводство. Сфера применения «стальных воротничков» уже широка и будет продолжать раздвигать свои границы. Возникающие технические проблемы, как показывает опыт, будут рано или поздно решаться. Но вот проблемы на стыке «стальных» и «синих воротничков»... Мало кто способен предсказать, какую роль сыграют роботы не только в динамике занятости, но и в процессе дегуманизации труда, роботизации японцев технотронной эры. В том, насколько эффективно производится «программирование» и «роботизация» живых людей, довелось понаблюдать во время еще одной поездки к самой главной горе Японии.

«Ад» у подножия Фудзиямы

Через час-полтора быстрой езды из столицы по скоростному шоссе «Томэй» начинается самый опасный участок этой напряженной автомобильной трассы между Токио и Нагоей. Нет, дорога вовсе не сужается, на ней не появляется больше крутых поворотов. Просто глаза водителя постоянно скашиваются направо, в сторону вышедшей из-за ширмы гор Фудзи-сан. Сколько бы раз ни проезжал человек мимо главного чуда Японских островов, появление то заснеженной, то по-летнему красно-бурой громады завораживает. Хочется то объехать глазом всю вздыбившуюся к небу махину, то разглядеть тянущиеся к ее вершине зигзагообразные тропы, понаблюдать за неспешным скольжением облаков.

Чем дальше бежит машина, тем больше меняются виды. Вот уже пропали гигантские витки «американских гор» увеселительного парка, не видны больше разрывы снарядов на военном полигоне, зато глаз ласкают мандариновые рощи и чайные плантации. Впрочем, эта идиллическая картина сменяется частоклоком отчаянно дымящихся заводских труб, в окно врываются отвратительные запахи, шум гудков, лязг железа. Дорожные указатели предупреждают: впереди город Фудзи. Поворот руля, и машина съезжает на землю по ответвлению с уходящей дальше на запад бетонной эстакады. Здесь все названия содержат иероглифы «фу» и «дзи», которые можно перевести как «богатый» или «процветающий» и «муж» или «мужчина». Рядом с городом Фудзи в море впадает речка Фудзи. Шоссе «Западная Фудзи» ведет к городу Фудзиномии, теснящему темно-зеленые ряды чайных кустов все выше по южным склонам горы Фудзияма. Там, где эти склоны только-только начинают отрываться от рисовых полей окружающих ее равнин, стоит в окружении молодых посадок кедров группа ничем не примечательных двухэтажных зданий. На деревянном столбе у въезда с проселочной дороги надпись: «Школа подготовки управленческих кадров».

Первое впечатление от школы — самое сильное. На аккуратно выложенной дерном площадке стояли группы людей в форменных белых куртках и матерчатых кепках военного образца. Недавние выпускники школ и сидящие отцы семейств с одинаковым усердием выполняли указания «сэнсэев» — наставников: одна группа отрабатывала «правильную» манеру ходьбы — прямая спина, высоко поднятая голова, взгляд прямо вперед. Соседи, встав в две шеренги, усердно кланялись друг другу, стараясь добиться «правильного» угла наклона — 45 градусов. Рядом шло разучивание «Песни торговца». Надсаженные голоса скорее выкрикивали, чем пели: «Созданное в поте лица буду продавать в поте лица; созданное со слезами на глазах буду продавать со слезами. Не отчаиваясь и не теряя отваги, буду сражаться как воин». Еще одна группа, нанося резкие удары кулаками по невидимому

противнику, демонстрировала решимость избавиться от конкурентов. Почти одновременно с разных концов лужайки раздалась команды: «Закончить тренировку», — и вереницы людей в форме бегом направились в свои комнаты готовиться к обеду.

Несколько минут было достаточно, чтобы получить в дирекции школы форменные куртку и фуражку, табличку с надписью «Пресса», а вместе с ними разрешение бывать повсюду и фотографировать все, что захочется. И вот я уже в столовой. Каждый входящий в дверь кланяется, громко выкрикивая: «Разрешите войти», — и получает столь же четкий ответ: «Войдите». Каждой группе курсантов, состоящей из 13 человек, выделен отдельный стол. Разделив пищу поровну, старший группы командует: «Смирно!» — и все сидящие за столом прижимают ладони к бедрам, а затем кричат хором: «Благодарю!» Обед, состоящий из жидкого супа с макаронами, тарелки грубого риса с соленой капустой и чашки зеленого чая, отнял совсем немного времени. Закончился он все теми же поклонами и «смирно», «благодарю». Перед выходом никто не забыл крикнуть: «Извините!»

Те же церемонии совершали и наставники, с которыми меня усадили за один стол. Как и руководство практически любой японской организации или предприятия, они едят ту же пищу, одеты в ту же форму, что и подчиненные. От курсантов их отличают только висящие на шее секундомеры да еще отсутствие на куртках так называемых «ленточек позора». В первый из 13 дней тренировки каждый курсант получает 17 ленточек, от которых он должен избавиться к выпускному вечеру. Я приехал как раз в день выпуска 161-го потока основанной в 1979 г. «Школы подготовки управленческих кадров». Но на куртках большинства из 80 курсантов потока все еще было видно по три — пять ленточек, каждая из которых соответствовала несданному экзамену.

Сразу после обеда началась «экзаменационная сессия». В одной комнате проверяли навыки «правильного» разговора по телефону. Инструктор строго следил за тем, насколько четко, вежливо и коротко отвечал на его вопросы курсант. Вот сияющий от радости молоденький паренек, пятась и «правильно» кланяясь, вышел из комнаты и тут же попал в объятия нервно переминавшихся у двери товарищей. Старший по группе отколол у него «телефонную ленточку позора», а в двери тем временем пошел следующий курсант.

Перед дверью соседней комнаты всюю шла предэкзаменационная зубрежка «Обязанностей руководителя», одного из нескольких подлежащих заучиванию наизусть наставлений. «Когда ты, руководитель, ощутишь среди подчиненных настроения недовольства, не вздумай присоединиться к критикующим руководителей фирмы. Учти, что симпатия подчиненных ничего не стоит. А объединяться с ними и нападать на вышестоящих — это значит утратить совесть...»

Рядом с экзаменационными комнатами обеих этажей и даже на ступеньках железной лестницы нервно шагали вверх-вниз увешанные «ленточками позора». Покрытый испариной, то и дело протиравший запотевшие очки молодой курсант твердил: «Какие бы трудности не выпали на мою долю, я не откажусь от моей цели, буду работать до поздней ночи, напрягая все свои силы и способности».

Внизу, в столовой, шел экзамен по самокритике. Перед сидевшими в напряженных позах товарищами по группе во всех грехах каялся средних лет мужчина с повязкой старшего на рукаве. Он потрясал кулаками, раскачивался в такт все более громким и отрывистым словам, топал ногами, низко кланялся и плакал навзрыд. Экзаменатору же было мало и этого. Он стукнул длинной бамбуковой палкой по полу и крикнул: «Мало искренности! Ты не похож на живого человека!» Размахивание руками, поклоны стали еще чаще, самокритика подкреплялась ударами по коленям, по груди. Состав преступления? Ухудшение сбыта продукции, виновником чего признает себя сдающий экзамен. Только через четверть часа вконец обессиленный и почти неслышно хрипящий, он получил достаточно высокий балл и уселся слушать следующую исповедь...

Даже само присутствие при ритуале самобичевания производит гнетущее впечатление. Рывкнув «Извините!», я выскользнул из превращенной в исповедальную столовой и направился к соседнему корпусу школы, где шла подготовка «новобранцев» из следующего

потока. Еще на середине идущей через бамбуковую рощу заснеженной тропинки стали слышны выкрики «Доброе утро!». Катящееся к подножию Фудзи-сан солнце убедительно свидетельствовало о скором наступлении ночи. Но выкрики «Доброе утро!» повторялись и повторялись, становились все громче и громче. Вот уже стали видны вытянувшиеся по стойке «смирно» курсанты в новеньких, без единой складки куртках со всеми семнадцатью «ленточками позора». Вот уже все 200 человек, отряд за отрядом, начали маршировать мимо инструкторов. Потом последовал урок «правильных» поклонов, урок дикции: курсанты повторяли буддийскую молитву.

Но «новобранцам» предстоит пройти и гораздо более серьезные испытания «адской тренировки». Разбившись на пары, они совершат 20-километровое путешествие по предгорьям Фудзиямы — это «укрепляет дух взаимопомощи». А через несколько дней, благополучно вернувшись из ночного сорокакилометрового марш-броска в составе всего потока, докажут свое «право быть лидером» и смогут отколоть соответствующую «ленточку позора». Еще одна ленточка будет снята после «концерта» на площади перед вокзалом города Фудзиномия: одетый в свой лучший костюм курсант должен исполнить «Песню продавца» так четко и громко, чтобы каждое ее слово услышал стоящий в 50 м инструктор. Считается, что после этого испытания преодолевший чувство стеснительности выпускник школы сможет выступать перед любой аудиторией с речью на любую тему. А еще надо научиться «правильно» вести служебную переписку, успевать за 20 минут составить красивый, четкий и короткий отчет о переговорах с клиентом, быстро заучивать наизусть 5-10

страниц любого текста, не обязательно понимая его. Все это еще впереди. А сейчас «новобранцам» пора бежать в главное здание на выпускную церемонию.

...На соломенных матах — «татами» уже сидело несколько переодевшихся в «штатские» костюмы выпускников. Один за другим в просторный зал входили все новые счастливицы, успевшие вовремя избавиться от «ленточек позора». Положив перед собой аккуратно сложенную белую форму, они усаживались на полу и принимали традиционную буддийскую позу «углубленного в себя размышления»: скрещенные перед собой ноги, закрытые глаза, прямая спина. В дальнем конце зала рассадили тех, кто не сдал экзамены, кому предстояло провести в школе «штрафное время» — еще три дня. А в коридоре почтительно застыли по стойке «смирно» курсанты-«новобранцы».

Точно в назначенное время началась выпускная церемония. Директор школы выкликнул сначала имена шести отличников. Громко крикнув «есть!», вызванный выбежал на середину зала, кланялся «правильным» поклоном, делал три четких строевых шага вперед, еще раз кланялся, двумя вытянутыми вперед руками получал грамоту в рамке, кланялся, пятясь делал три шага назад, еще раз кланялся, поворачивался кругом и бегом направлялся на свое место...

После церемонии вручения грамот все спустились на лужайку-плац и там началась еще одна, последняя церемония. Встав в круг, выпускники взяли в руки мелкие, почти плоские ритуальные чарки для сакэ. Держа чарки в руках, выпускники выслушали обязательную при любой японской церемонии речь. Затем все хором спели разученные за время «адской тренировки» песни и, наконец, трижды пригубив «священное вино», все закричали: «Бандзай!», «Бандзай!»

А дальше началась «неофициальная часть». Кого-то качали на руках, кто-то обнимался с инструктором, не успевшие сдать экзамены рыдали на груди у утешавших их счастливиц. Но вот появились «новобранцы» с сумками и чемоданами выпускников, идущие к вокзалу автобусы быстро заполнились и, погудев на прощание, тронулись в путь.

Выпускная церемония оказалась вовсе не последней церемонией долгого дня. Точка не была поставлена и с окончанием плотного ужина со всеми его «разрешите войти», «смирно», «благодарю», «извините». Отправившись с одним из наставников в баню, я стал свидетелем совсем уже неожиданной церемонии. Несколько десятков курсантов стояли в чем мать родила перед вывешенными на стене «Семью правилами правильного пользования баней» и

громко скандировали: «Вымой голову и пять раз окати себя холодной водой, прежде чем войти в общий бассейн, мытье не должно занимать больше 25 минут»...

Полчаса спустя, усевшись на полу превращенной в спальню аудитории, наставник прочел мне целую лекцию о философии «адской тренировки». Попыхивая сигаретой и точными, «правильными» движениями сбивая пепел в пепельницу, он начал с объяснения слова «адская». «На первый взгляд в нашей школе нет ничего, что походило бы на преисподнюю с ее котлами, кипятком и смолой для грешников. Чистый, напоенный хвоей воздух, великолепный вид на милую сердцу каждого японца Фудзи-сан, дух настоящей мужской дружбы внутри курсантских отрядов — все это скорее должно напоминать рай для приезжающих из душных городов менеджеров, которым надоели их сослуживцы и домочадцы, которые устали от многих лет работы. Вовсе не похожи на дьяволов с крючьями и наши наставники, среди них нет ни одного бывшего военного или полицейского, телесные наказания и иное рукоприкладство строго запрещены.

Почему же тогда тренировка считается «адской»? Потому что только адскими усилиями можно полностью пробудить скрытые таланты каждого человека. Еще труднее слить воедино высвобожденный духовный потенциал с реальным действием. Вот почему мы не читаем длинных лекций, не чертим графиков. Мы применяем метод встряски. Сто раз прокричать «Доброе утро!» — встряска. Успеть записать десять фраз за 20 секунд под тиканье секундомера — встряска. Ночной марш-бросок по горам — тоже встряска.

Надо научить каждого руководителя правильно делать элементарные вещи: говорить, писать, слушать, звонить по телефону, кланяться, ходить. Как может руководитель требовать от подчиненных правильного выполнения приказа, если он сам не умеет повиноваться? Молодые японцы постепенно забывают традиционные церемонии, трудовую этику, мораль, работают хуже своих отцов. Это может отразиться на положении нанимающих их компаний и в конце концов всей Японии.

За две недели пробудить у человека скрытые способности, вдохновить его на упорный труд во имя компании, напомнить о том, что значит быть японцем, — вот это и есть «адская тренировка». Она действительно требует необыкновенного напряжения духовных и физических сил. И далеко не все выдерживают две недели в нашей школе. Кое-кто отправляется в больницу с нервным расстройством, кое-кто убегает. Какова судьба беглецов? Ну, прежде всего, они должны вернуть своей компании 300 тыс. иен, уплаченных школе. А затем, как правило, их увольняют. Компаниям не нужны слабаки, им нужны настоящие воины, готовые пролить пот, слезы или даже кровь во имя процветания фирмы. Напротив, успешно окончившие нашу школу быстро продвигаются по служебной лестнице. У нас ведь обучаются менеджеры из мелких и средних фирм, которые в первую очередь чувствуют малейшее ухудшение конъюнктуры, которым приходится вести настоящую войну за существование...»

Недолгий сон после затянувшейся за полночь беседы был прерван сигналом подъема. На часах было всего лишь четыре тридцать утра. А курсанты уже скатали свои постели и тщательно навели порядок в спальнях, на холодном февральском ветру растерлись сухими полотенцами по самурайскому обычаю, промаршировали перед поднятыми на флагштоке бело-красным стягом «Восходящего солнца» и флагом школы, группами разбежались по своим аудиториям, чтобы еще до завтрака начать «адскую тренировку».

В разных концах Японии тысячи людей в это же время начинали такую же или похожую «адскую тренировку». Свыше 70 тыс. начинающих рабочих и служащих ежегодно направляются в казармы «сил самообороны», где четырехдневные занятия строевой подготовкой и марши-броски должны научить беспрекословно выполнять команды начальства. На всю Японию известна «Школа тренировки молодежи» в окрестностях самого главного синтоистского храма Исэ Дзингу в префектуре Миэ. Основанная в 1941 г. в период наивысшего расцвета милитаризма и шовинизма, школа и по сей день продолжает работать в традициях «старых добрых времен». Позаимствованные из них культ императора и палочная дисциплина пронизывают все занятия, среди которых «умерщвление плоти» в ледяной воде

ночью, заучивание наизусть сложенных императором стихов, ночные бдения в синтоистских храмах, церемонии почитания родителей и приравняваемых к ним руководителей фирм.

Марши-броски с пудом песка в рюкзаке за спиной и преодоление полосы препятствий, буддийские «углубленное в себя размышление» или купания в горных водопадах, ежедневные построения, переключки, поклоны начальству в начале рабочего дня, исполнение гимна фирмы, подъем флага фирмы, обязательное ношение формы и значка фирмы. Эти и многие другие приемы прочно вошли в арсенал японских предпринимателей, считающих необходимым превращать обычных людей, «гомо са-пиенс», в готовых пойти на любые жертвы ради интересов фирмы «гомо мицуи», «гомо сони», «гомо хитати», «гомо мишубиси»...

И недаром в Западной Европе, на Тайване и в Южной Корее тщательно изучают и усердно внедряют методы японских «адских тренировок», а в американском штате Калифорния в 1988 г. открылся филиал «Школы подготовки управленческих кадров». Недаром в школе у подножия Фудзи-сан и других заведениях схожего типа все чаще появляются курсанты с неазиатскими фамилиями.

Ну, а что, если человек не выдержит «адского» напряжения? Познакомимся с еще одной стороной японского «экономического чуда». Благо прозванный «лесом смерти» знаменитый лес «Аокигахара дзюкай» лежит совсем недалеко от «Школы подготовки управленческих кадров».

«Лес смерти»

Япония пытается опередить весь остальной мир. Гигантские промышленные концерны и торговые дома соревнуются друг с другом. Фирмы поменьше ведут непримиримое соперничество за расположение и заказы гигантов. Рабочие и служащие стараются опередить друг друга и прослыть незаменимыми, обеспечить даже не столько продвижение по служебной лестнице, сколько место на самой лестнице.

В этой ожесточенной борьбе не избежать жертв. Чуть ли не каждый год вся страна с замиранием сердца следит за тем, как с «беговой дорожки» сходит то знаменитая торговая фирма с интересами в половине стран света, то один из самых уважаемых банков, то пароходная компания, чьи флаги развевались над самыми большими в мире супертанкерами. Разорение средних и мелких фирм происходит почти незаметно: в конце года на страницах газет промелькнет заметка о новом рекорде банкротств. Не выдержавшие темпа гонки люди уходят и вовсе незаметно. Кто пополняет армию бродяг и нищих, отказавшись от родни, дома, собственного имени. Кто вместе со всей семьей травит себя газом на кухне, направляет машину в пропасть, кто прыгает под поезд. А кто добирается до «леса смерти» Аокигахара, что начинается от северных склонов священной горы Фудзи.

«Аокигахара дзюкай» — «лесное море зеленых деревьев» действительно напоминает море. Знаменитый лес, поросший вековыми елями, березами, соснами и самшитами, больно хлещущий по лицу колючими кустарниками и хватающий за ноги лианами, кажется безбрежным, сулящим тишину, покой и забвение. Окунуться в это «море» можно всего после двух-трех часов поездки на машине или рейсовом автобусе из вечно бурлящего Токио. Войти в лес Аокигахара так же легко, как в море, но вот выйти — гораздо сложнее. В любое время года, любой час дня сумрачная масса деревьев скрывает солнце, сбивает с верного пути. Раскинувшаяся на многие километры лесистая равнина не позволяет сориентироваться даже с вершины самого высокого дерева. Да и небо вокруг Фудзи зачастую затянуто облаками. Напрасны надежды и на компас: лес вырос на лавовых потоках Фудзиямы, которые заставляют стрелку делать все что угодно, кроме указания сторон света. И тишина — поначалу приятная, а потом наваливающаяся на непривычного к безмолвию городского жителя, вселяющая беспокойство и ощущение беспомощности. Только два сорта людей добровольно заходят в глубь «леса смерти» — члены специальных бригад полицейских и пожарных, каждую осень прочесывающие Аокигахара в поисках останков самоубийц, да еще

сами самоубийцы.

«Жизнь — это очень ценное достояние, доверенное вам родителями! Поразмыслите еще разок о своем долге перед ними, перед старшими и младшими братьями, сестрами, перед детьми! Не взваливайте на себя тяжкую ношу ответственности!» Плакаты с такими надписями установлены кое-где у начала тропинок, ответвляющихся от аккуратного шоссе, которое соединяет Сайко и Сёдзико, два из славящихся своей красотой пяти озер в окрестностях Фудзи. Углубившись метров на десять — двадцать, видишь еще и укрытые под навесом стопки брошюр, адресованные самоубийцам. В них объясняется моральная неприемлемость задуманного, в неприятных деталях расписываются стадии разложения трупа, растаскивания его птицами и дикими зверями. Но все эти увещания и предупреждения не останавливают десятки и сотни людей, отправляющихся в последнее путешествие к северным склонам горы Фудзи. Ежегодное прочесывание возвращает останки 30–40 человек, но никто не берется хотя бы приблизительно оценить общее число отвергших жизнь в «лесу смерти».

Мрачные легенды издавна окружали Аокигахара. Широко распространено, например, предание о живущем в глубине мрачного леса драконе. Но общенациональную известность «леса смерти» Аокигахара приобрел совсем недавно, в начале 70-х годов. Знаменитый мастер приключенческих и детективных историй Сэйтё Мацумото написал роман, героиня которого кончает с собой в «лесном море зеленых деревьев». А вскоре после премьеры телеспектакля по мотивам романа в Аокигахара стали находить все больше и больше останков самоубийц. Роман и телеспектакль, конечно, сыграли свою роль в привлечении внимания отчаявшихся к «лесу смерти», расположенному в удобной близости от гигантского города и по соседству с легендарной Фудзи-сан. Но основная причина вовсе не в этом.

Именно на начало 70-х годов пришелся рост кривой самоубийств, гораздо более крутой, чем склоны священной горы. Поначалу рост этот объясняли последствиями захлестнувшей страну волны банкротств, вызванных резким увеличением цен на нефть, так называемым «нефтяным шоком». Но вскоре экономическая жизнь снова вошла в норму, но число самоубийств продолжало стремительно расти, достигнув рекордного за послевоенное время уровня в 25 524 человека в 1986 г.

Среди причин, выделенных в ежегодно публикуемых анализах полицейского ведомства, можно найти типичные для многих стран: страх неизлечимой болезни и старческой дряхлости, несчастная любовь, психические расстройства, алкоголизм, банкротства. Однако самое большое беспокойство полицейских и психиатров вызывает характерное для сегодняшней Японии катастрофическое увеличение числа самоубийств среди мужчин среднего возраста, глав семей, опоры социальной и экономической структуры страны. По словам Кадзуя Йосимацу, исследователя из Токийского городского института психиатрии, в Японии по традиции наибольшее число самоубийств приходилось на людей преклонного возраста, затем следовали юноши и девушки, а люди среднего возраста (30–60 лет) жили в «мирной долине», весьма не часто решались оборвать нить жизни своими руками. Примерно 10 лет назад в этой «долине» стали происходить страшные изменения. Сначала резко выросло число самоубийств среди тех, кому под сорок, затем вперед вырвались сорокалетние, пятидесятилетние... Сейчас печальное первенство прочно удерживают мужчины возраста «50 плюс-минус пять», получившие прозвище «поколение самоубийц». Это именно то поколение, которое внесло наибольший вклад в послевоенное «экономическое чудо». И именно оно надорвалось, надломилось под тяжестью взваленной на его плечи ответственности, непомерных физических и психических нагрузок.

«Типичный глава семьи», смоделированный авторами правительственной «Белой книги о жизни нации» за 1984 г., — это мужчина 48–55 лет. У него жена и двое детей, у него доходы меньше, чем расходы, основные статьи которых связаны с оплатой образования детей и выплатой долгов за купленное в рассрочку жилье. У него практически нет отпуска или времени для отдыха после работы, у него масса обязанностей и забот на рабочем месте, где молодые подчиненные посмеиваются над его самоотверженной преданностью фирме. У него

начинает сдавать здоровье, он страдает от «техностресса», вызванного неспособностью совладать с роботами, микроэлектроникой и иными достижениями научно-технической революции.

Тревогу бьют авторы бесчисленных правительственных и частных, японских и международных обследований. Японская нация, достигшая небывалого в своей истории благополучия, бьет все рекорды не только по числу самоубийств и психических расстройств. Японцы пессимистичнее народов других промышленно развитых капиталистических стран смотрят на будущее: 64 % опрошенных американской службой Гэллага заявили, что со страхом ждут наступления XXI в. На просьбу одним словом выразить свои мысли о будущем японцы чаще всего отвечали: «компьютеризация», «беспокойство», «старость», «нестабильность», «дегуманизация», «война».

Нет, не только талантливое перо Сэйтё Мацумото повинно в популярности «леса смерти» у подножия Фудзи-сан.

«Глубинка» в трех часах езды от столицы

Невидимая граница пролегает по вершине Фудзиямы. Она делит самую высокую и знаменитую гору Японии на две неравные части, принадлежащие к префектурам Яманаси и Сидзуока. Если для спуска выбрать тропы северного склона, то перед глазами будут маячить пять озер у подножия Фудзи, «лесное море Аокигахара», отроги Южных Альп и других гор, которыми так богата Яманаси. Чем еще богата Яманаси? Чистым воздухом и вкусной водой, персиками и виноградом, преданиями о грозных и благородных воинах, полузабытыми в соседних процветающих районах «большого Токио» народными промыслами, традиционными праздниками. Увы, в современной Японии все эти богатства ценятся не так уж высоко. И Яманаси надежно закрепилась в перечне префектур с самыми низкими доходами на душу населения, с наименее развитой промышленностью и переживающим наибольшие трудности сельским хозяйством.

Давно уже подмечено, что, чем безрадостнее сегодняшняя жизнь и чем неопределеннее день завтрашний, тем чаще и громче люди вспоминают о минувших временах процветания и славы. В Яманаси трудно провести час-другой, чтобы местные жители не упомянули имя Сингэна Такэды, как звали правившего здешними землями военачальника, который прославился победоносными набегами на соседей в XVI в., период смут и гражданских войн. «Там стоял замок Такэда», «здесь Такэда залечивал раны», «по этой дороге шли полки Такэда»... Сам же Сингэн Такэда, вернее его бронзовая статуя, довольно подозрительно взирает из-под рогатого шлема на выходящих из вокзала города Кофу приезжих, неодобрительно поглядывает на земляков, уронивших честь горного края.

Но разве они виноваты, что волны индустриализации разбиваются о труднодоступные и малонаселенные горы, что «большой бизнес» предпочитает обжитые, удобно расположенные на побережье «муравейники» — Токио, Осака, Нагоя? Сегодняшние жители Яманаси, древнего удела Коею, вовсе не утратили смелости, изобретательности и расторопности, качеств, отличавших войска полководца Такэда на полях сражений. Просто им приходится применять их в повседневных и малоэффективных «битвах» на своих неплодородных полях и в полутемных кустарных мастерских. В «битвах» против непобедимых врагов — неравномерности развития разных районов Японии, низких цен на свою несовременную продукцию, оттока молодежи в большие города.

Вспоминаю, например, встречу с крестьянином по имени Кою Тэдзука. Он избрал оружием для борьбы за существование самую обычную хурму, оранжевые плоды которой осенью украшают сады и улицы Японии. В старину сладкие плоды собирали и сушили впрок практически чуть ли не в каждой семье. Сушеная хурма стала непременным лакомством новогоднего стола. В нынешней же Японии оранжевые «ожерелья» нанизанной на веревки сушащейся хурмы можно увидеть только в деревнях, в глубинке. Мыслимо ли вырастить сад хурмы в городе, где каждый клочок земли стоит миллионы иен? Да и найдется ли у горожан

время аккуратно очистить плоды от шкурки, развесить оранжевые гирлянды на соломенных веревках, следить за равномерностью сушки на солнце?

У Кою Тэдзука есть и земля, и время. Целый гектар непригодной для выращивания риса земли засажен хурмой. Чтобы ускорить процесс сушки, обычно продолжающийся до самого Нового года, хитроумный крестьянин применяет метод, который изобрел еще его дед. Плоды укладываются в деревянные короба и сушатся на сильном тепле от керосиновых горелок. Мало того, что благодаря экономии времени Тэдзука-сан успевает еще до Нового года красиво упаковать свой товар в подарочные коробки и отправить его постоянным покупателям в большие города. В отличие от иных своих соседей, он не балансирует на грани разорения и переселения в город, содержит в порядке доставшийся по наследству крытый старинной черепицей двухэтажный дом, вместе со своей румяной и веселой женой растит сыновей.

Нелегкую борьбу за выживание ведут мастера традиционных для Яманаси промыслов — изготовления каменных тушечниц и специальной бумаги для каллиграфии. На плоский камень с небольшим углублением наливают несколько капель воды и начинают растирать палочку твердой туши. Еще воды, еще усердия — и кисть мастера готова вобрать черную жидкость, чтобы превратить ее в прекрасные иероглифы на особой, быстро впитывающей влагу бумаге...

«Нет, несмотря ни на какие компьютеры, японцы пока не отдаляются от традиции каллиграфического письма иероглифов, для которого необходимы пришедшие более тысячи лет назад из Китая «четыре сокровища кабинета ученого»: тушечница, тушь, кисть и бумага. Но они все реже находят время для ритуала подготовки к письму, настраивающего на торжественный, возвышенный лад, — сетовал Хидэхико Мотидзуки, управляющий мастерской по изготовлению тушечниц в городке Кадзикадзава. — Куда как просто купить в «супермаркете» пластмассовую флягу готовой к употреблению туши, налить ее в первую попавшуюся плоскую и начать выводить иероглифы. Но при этом теряется концентрация всех духовных сил на это священнодействие, доставшееся нам от далеких предков». Думается, что Мотидзуки-сан тревожится не столько из-за отхода от довольно длительного ритуала растирания туши, сколько из-за падения спроса на необходимые для этого тушечницы. Усевшись на дощатом полу превращенной в мастерскую большой комнаты двухэтажного крестьянского дома, их режут из особого камня четыре резчика. С первого взгляда на этих угрюмо-молчаливых людей чувствуешь что-то странное, необычное. «У наших резчиков проблемы со здоровьем: у кого расстроена психика, у кого отсутствует дар речи или слух, — подтверждает управляющий. — Работа здесь грязная и вредная, нет никакой техники безопасности, приходится дышать каменной пылью из-под резца. Да и заработки не те, что могут привлечь «нормальных» людей, особенно молодежь. Боюсь, что через 15–20 лет искусство изготовления каменных тушечниц в нашей префектуре будет утрачено».

Беру в руки отполированные кусочки камня из предгорьев Фудзи-сан, узнаю названия каждого типа тушечниц: «луна в облаках», «морда обезьяны», «круглый пруд туши», «болото диких гусей», и становится грустно при мысли о возможности исчезновения всей этой красоты, воплотившей многовековое почтение к грамотности, учености, ценившемуся наравне, а то и выше живописи, искусству каллиграфии.

Если красивые иероглифы можно худо-бедно вывести и покупной тушью, то без специальной бумаги «васи» не может обойтись ни один каллиграф. В этом абсолютно уверены в деревне Насидзима, что лежит еще десятью километрами вниз по течению речки Фудзи, тезки и соседки знаменитой горы. Камыш и кустарники, растущие по берегам неширокой речки, вот уже более четырех веков служат сырьем для производства особой бумаги, необходимой для письма кисточкой. Способ изготовления бумаги «васи» мало чем изменился со времен принесшего его в здешние края в 1559 г. ремесленника по имени Сэйбэй Мотидзуки, который объявлен «богом бумаги» и в чью честь построен небольшой горный храм.

Измельченные камыш и кору вываривают добела в чанах, добавляют клей. Затем в это

варево погружают раму с натянутыми, тончайше расщепленными полосками бамбука. Мастера точно рассчитанными, экономными движениями откидывают один слой бумажной массы за другим. Потом кипу листов отжимают и сушат неделю на солнце, снова замачивают в воде и окончательно высушивают лист за листом на нагретых стальных плитах, нарезают по нужному размеру. Правда, и в эту простую, хотя только на словах, технологию вторгается XX в.: вместо натурального клея стали добавлять синтетический, да и вместо ставшего дефицитным камыша все чаще добавляют макулатуру из бумаги «васи». «Все эти новшества объясняются не только оскудением запасов традиционного сырья по берегам реки Фудзи, но и стремлением удешевить бумагу, получить преимущества в конкуренции с производителями «васи» в других местах Ямана-си, других префектурах, — пояснял Коки Мотидзуки, глава двенадцатого поколения мастеров бумагоделания. — Главное — устоять, продолжить фамильную традицию...»

Уроком искусства выживания в сложнейших условиях стала и встреча с главой администрации района Симобэ, одного из 64 районов Яманаси. Мэр Йосимаса Кобаяси для начала развернул график изменений в числе жителей нескольких деревень и городков своего района площадью 130 км². Линия походила на траекторию идущего на вынужденную посадку самолета: за три десятилетия с 1955 г. численность населения сократилась с 13,5 до 7,5 тыс. человек.

«В последнее время, — рассказывал он, — мы ежегодно теряли примерно 10 % жителей, и только в нынешнем году этот процесс замедлился до 4 %. Главная причина? Сбором грибов, выжиганием древесного угля, разведением шелковичных червей и другими традиционными промыслами теперь не прокормишься. Современных же предприятий у нас нет, вот молодежь и уезжает учиться и работать в Кофу, Нагоя, Токио. Остаются только старики: уже сейчас средний возраст в наших краях достиг 50 лет и продолжает быстро расти. Но погодите зачислять Симобэ-тё в разряд вымирающих районов! Мы еще поборемся!» Тут 60-летний, но все еще очень бодрый мэр вывалил на стол груды отлично отпечатанных рекламных проспектов и брошюр: «Мы вовсе не завидуем преуспевающим жителям больших городов. Пусть у них есть то, чего нет у нас. Но у нас зато в избытке то, что им снится только во сне. Вдохните наш горный воздух: столичные жители готовы ради него 3–4 часа ехать в машине или электричке. А вода горных рек и озер? Разлитая в бутылки и канистры, она бойко продается в токийских и нагойских «супермаркетах», многие знаменитости вообще пьют только нашу воду, которая занимает самые высокие места в ежегодном издаваемом списке источников чистой и вкусной воды Японии.

Благодаря воде мы получаем и иные доходы. Любители рыбалки из Токио приезжают ловить очень вкусную рыбу «ямамэ», которую мы специально разводим в горных речках. К услугам туристов и целебные источники, вылечивающие от ревматизма и прочих хворей. Рядом с курортным поселком Симобэ есть небольшой горный храм, куда относят костыли, ставшие ненужными после лечения целебными водами. Чудодейственность наших горячих источников открыл сам полководец Такэда, лечившийся в них от ран. Ради привлечения туристов мэрия потратила немало средств на строительство летних домиков-бунгало, теннисных кортов и площадок для игры в крикет, популярной среди пожилых гостей.

А на верующих буддистов и просто любителей искусства рассчитан строящийся музей бродячего монаха-скульптора Мокудзики, уроженца наших мест. Живший около двух веков назад Мокудзики прославился своими деревянными статуями Будды. Путешествуя по всей Японии, он останавливался в храмах, монастырях и домах верующих и за одну ночь вырезал по статуе. Почти всегда на лицах созданных Мокудзики статуй видна улыбка, их так и прозвали: «улыбающиеся Будды Мокудзики». До наших дней сохранилось довольно много «улыбающихся Будд», сохранился и дом Мокудзики в его родной деревне. Вот мы и решили создать «парк истории», в который будут входить также музей кимоно, остатки золотых шахт, старинные дома. Ну, а если вернуться из старины в наши дни, то еще одной достопримечательностью здешних мест стала построенная мэрией смотровая площадка на берегу озера Мотосуко, одного из пяти озер Фудзиямы. Причина? Именно с нее открывается

знаменитый вид на Фудзи-сан и ее зеркальное отражение на водной глади, который напечатан на новых банкнотах в 5 тыс. иен. Некоторые надеются, что фотографирование на фоне Фудзи-сан с такой банкнотой в руках принесет богатство».

Энергичные усилия для привлечения туристов, развития курортов и традиционных промыслов начинают давать отдачу. Растут налоговые поступления в казну района. Но все равно Симобэ, как и подавляющее большинство (60 из 64) других районов префектуры Яманаси, за счет собранных налогов только на 20–30 % покрывает свои расходы. Остальные средства поступают из правительственных программ помощи малонаселенным, «вымирающим» районам. Средств этих явно недостаточно. Об этом говорил мэр района Симобэ, это было видно из состояния дорог, общественных зданий и школ.

...Пустынный двор залит особенно приятным в декабре солнечным светом и теплом, но внутри двухэтажного деревянного здания начальной школы «Михо» очень прохладно, несмотря на установленные в каждом классе керосиновые печки. Если пройти по скрипучим половицам коридора и заглянуть в просторные классные комнаты, то перед глазами предстанет непривычная жителю Токио картина: вместо переполненных классов по 40–50 человек перед учителем сидят то один, то два ученика. Правда, в одной комнате «многолюдно»: на урок каллиграфии собрались сразу четверо румяных и щекастых третьеклассников и четвероклассников. Звонок на перемену, и в школьную столовую собираются все 12 обитателей «Михо», 7 учеников и 5 учителей.

«Когда-то, лет пятьдесят назад, в «Михо» насчитывалось больше ста учеников, а в будущем году школа впервые останется без первоклассников и во всех остальных пяти классах будет всего 6 человек. Придется выдернуть еще один гвоздик, — директор школы Акихико Тандзава показал вбитые в стенку около двери 7 гвоздей, на которых висели 7 форменных шапочек, 7 мешков с уличной обувью. — Конечно, у наших учеников есть кое-какие преимущества перед ребятами обычных школ: учителя уделяют каждому из них очень много внимания, учитывают способности и наклонности. Недаром при переходе в школу следующей ступени выпускники «Михо» всегда отличаются отличной успеваемостью. Важно и то, что в нашей школе все друзья, нет ничего даже отдаленно похожего на ту волну драк и хулиганства, которая захлестывает сейчас городские школы. Мы с удивлением смотрим по телевизору сообщения то об избиениях старшеклассниками малышей, то об издевательствах над ребятами с «нетипичной» внешностью, с особенностями речи или поведения. Вот на днях показали целую банду из девочек лет 12–14, выбравших мишенью одноклассницу, родители которой просто переехали из другого города. Необычного выговора уроженки севера острова Хонсю хватило, чтобы подвергать ее ежедневным щипкам, толчкам и прочим унижениям. Достается и учителям городских школ...

Но есть и минусы. Иногда дети становятся очень зависимыми от учителей, теряют чувство независимости. В классе с одним-двумя учениками трудно приобрести столь важные для «взрослой» жизни навыки поведения в группе. Мы, учителя, пытаемся возместить нехватку общения с одноклассниками, вместе с родителями организуем общешкольные мероприятия, концерты, походы в горы за лекарственными травами, спортивные соревнования, поездки в окрестные города. Все это смягчает остроту проблемы, но не решает ее. Думаю, что школа «Михо» доживает свои последние годы. И дело не в том, что здание очень ветхое и может рухнуть от землетрясений, которые нередки в здешних местах. Само собой разумеется, что будущее школы связано с состоянием дел местных жителей. А оно-то оставляет желать лучшего. Средний доход крестьянской семьи таков, что на него практически невозможно прожить. Молодые семьи одна за другой перебираются в города, а старикам школа ни к чему».

Судьба школы «Михо» типична не только для Яманаси, но и многих других сельских районов страны, с каждым годом теряющих жителей, теряющих надежду...

Фудзияма в осаде

У японских военных священная гора Фудзи в большом почете. Отлично понимая ее значение как символа Страны восходящего солнца, они очень часто изображают себя защитниками Фудзи-сан, а следовательно, и всей Японии. Звено истребителей над кратером Фудзи. Кильватерный строй эсминцев на фоне как бы поднимающегося из-под воды снежного конуса. Высунувшийся из танковой башни солдат отдает честь восходящему над Фудзи солнцу... Такие рекламные плакаты можно видеть в витринах вербовочных пунктов, на досках объявлений, у ворот баз «сил самообороны», так называются вооруженные силы Японии. К сожалению, «силы самообороны» используют Фудзи-сан не только в рекламных целях.

...Боевые вертолеты вынырнули из-за холма совсем неожиданно. Дав залп ракетами, они продолжили атаку невидимой с построенной для зрителей трибуны цели снарядами скорострельных пушек. Грохот разрывов, поначалу оглушительный, вскоре утонул в гуле двигателей мощных транспортных вертолетов, которые доставили подвешенные на тросах джипы с безоткатными орудиями, а затем, приземлившись, выгрузили из чрева разведывательные броневые автомобили и группы десантников. Чуть ли не плывя по жидкой осенней грязи, на поле боя появились колонны танков, бронетранспортеров, тягачей с тяжелыми орудиями. Вся эта грохочущая, изрыгающая огонь боевая техника усердно утюжила полигон, раскинувшийся на восточных предгорьях Фудзиямы.

На ежегодные показательные маневры курсантов расположенного неподалеку пехотного училища «Фудзи» пригласили не только иностранных корреспондентов и военных атташе, но и активистов «Ассоциаций поддержки сил самообороны», созданных в каждой префектуре Японии в помощь вербовщикам, которые испытывают растущие трудности с набором молодежи в добровольческие вооруженные силы. Любопытно глядеть, как перед началом маневров представители ассоциаций маршируют строем к выделенным для них трибунам, как реагируют на команды командира, несущего впереди знамя с названием префектуры. В ногу шагают разряженные в пух и прах пожилые матроны, не потерявшие еще выправки ветераны императорской армии, молодые парни в куртках и кепи защитного цвета. У каждого в руке по пластиковому белому флажку с красным кругом посередине. Размахивая ими, члены ассоциаций выражают свой восторг по поводу то одного, то другого номера программы. А когда на фоне горы Фудзи вспыхивают ослепительные разрывы финального «заградительного огня», флажки взлетают высоко над головами, задранными в единоголосом крике «Бандзай!», «Бандзай!», «Бандзай!».

Совершенно иную реакцию вызывают показательные и повседневные маневры, учения, стрельбы у жителей префектуры Сидзуока, на территории которой расположен полигон «Хигаси-Фудзи». У начала ведущей к полигону дороги стоял агитационный автобус местного отделения Всеяпонского совета мира. Из его репродукторов раздавались антивоенные лозунги, из которых запомнился один, повторявшийся чаще всего: «За мирную Фудзи-сан без баз и ядерного оружия!» На установленных рядом с автобусом плакатах висели фотографии лесных пожаров, которые периодически вызывают перелетевшие пределы полигона снаряды. Последний инцидент произошел незадолго до показательных маневров училища «Фудзи». Но причина протестов лежит глубже одного лишь беспокойства за сохранность столь драгоценных в окрестностях Токио лесов или недовольства неудобствами, которые причиняют маневры. Японцы становятся очевидцами наращивания мощи «сил самообороны», расширения сотрудничества с вооруженными силами США.

Численность вооруженных сил Японии составила 270 тыс. человек в 1988 г. По числу самолетов, кораблей и подводных лодок Япония вошла в пятерку ведущих держав мира. А уровень военных расходов (в долларовом исчислении 32,4 млрд долларов в 1987 г.) превышает военные статьи бюджетов Англии, Франции, ФРГ и выводит Японию на третье место среди капиталистических стран по этому показателю. Принципиально важно и то, что в 1987 г. правительство отменило введенный десятью годами раньше принцип ограничения военных расходов одним процентом от валового национального продукта. Таким образом, не

только «спрямили» путь к

ускоренному наращиванию военных расходов, но и ликвидировали одно из немногих оставшихся с послевоенной поры табу на пути к превращению Японии в военную сверхдержаву со всеми «полагающимися» для этого атрибутами.

Говоря о военных программах, осуществляемых ныне в Японии, обязательно надо подчеркнуть, что японские вооруженные силы с каждым годом все больше связываются с американской военной машиной. Это достигается через совместные военные маневры, использование японцами американских вооружений и совместную разработку новых видов оружия, в том числе космического в рамках СОИ, применение тактических приемов и даже военных терминов из уставов «джи-ай». На одной из пресс-конференций командующий американскими войсками в Японии удовлетворенно говорил, что все офицеры японских ВВС и ВМС при взаимодействии со своими американскими коллегами способны обходиться без переводчика, не за горами достижение этой цели и сухопутными «силами самообороны».

Американские военные не хуже своих японских коллег разбираются в связанной с Фудзи-сан символике. Недаром в конце минувшей войны в Пентагоне обсуждалось предложение сбросить на нее атомную бомбу. Командующий американскими оккупационными войсками генерал Макартур выбрал для пышной церемонии своего прибытия в поверженную Японию аэродром Ацуги, лежащий у подножия Фудзиямы. Да и сейчас соседние с ней полигоны и базы избираются для демонстрации то новых видов оружия, то все более приближенных к реальным условиям учебных действий.

...Слегка задыхаясь от горного воздуха, машина взбиралась по одной из дорог, проложенных для автотуристов по склонам Фудзи-сан. Узкий и извилистый путь требовал концентрации внимания, мешал любоваться открывающимися видами. Тем неожиданнее и пугающе оказался вид группы обвешанных оружием солдат в касках, с вымазанными грязно-зеленой краской лицами, неожиданно появившихся на дороге. По высокому росту и форменным нашивкам «U.S. Army» над карманами зеленых курток стало ясно, что это американцы. «Проклятая гора! Нам еще полдня карабкаться на нее», — отметил чернокожий великан с базуккой на плече. Опершись на капот, он закурил и явно намеревался продолжить беседу, но вышедший из леса командир с сержантскими нашивками на рукаве и планшетом в руках приказал всей группе двигаться дальше. Солдаты исчезли в зарослях по другую сторону дороги.

Вернувшись в Токио, я узнал из вечерних телепередач, что неожиданно стал свидетелем «исторического события» — первых учений в Японии «сил быстрого развертывания», переброшенных с Гавайских островов. Регулярно используемый американскими войсками полигон «Кита-Фудзи» — вовсе не единственный и далеко не самый опасный военный объект США вблизи известной всему миру горы Фудзияма. К востоку от нее, в радиусе 60–80 км, создана целая сеть крупнейших баз, служащих опорными пунктами ядерной стратегии США на Дальнем Востоке.

Йокосука — главная база 7-го флота США. У причалов маячат силуэты то несущих ядерные заряды подводных лодок, то приписанных сюда кораблей ударной авианосной группы и ее флагмана — авианосца «Мидуэй», часть самолетов палубной авиации которого предназначена для ядерных атак.

Кэмп Дзама. На этой базе находится штаб сухопутных войск США в Японии и центр военной спутниковой связи, предназначенный для использования в ходе ядерной войны.

Ацуги. Эта самая первая американская база в Японии тоже занимает свое место в ядерной стратегии. Ее летное поле, окруженное ныне домами густонаселенного токийского предместья, принимает не только транспортные самолеты и самолеты-заправщики стратегической авиации, но и боевые машины палубной авиации заходящих в Йокосука авианосцев, в том числе и ядерные штурмовики.

Йокота. За несколькими рядами колючей проволоки привольно раскинулся огромный комплекс военных сооружений. Здесь размещены штабы американских вооруженных сил в Японии, а также и 5-й воздушной армии, дислоцированной на аэродромах Японии и Южной

Кореи. 23 тыс. солдат и офицеров заняты обслуживанием боевых, транспортных, разведывательных самолетов всевозможных типов и конструкций — от тактических истребителей до стратегических бомбардировщиков «В-52». Йокоту часто называют «воздушными воротами США на Тихом океане». Именно на ее аэродроме членам японских антивоенных организаций время от времени удается фотографировать выгружаемые из чрева транспортных самолетов характерные контейнеры с бомбами, торпедами, крылатыми ракетами, которые, по описаниям военных справочников, предназначены для нанесения ядерных ударов. В Йокоте расположен и один из разбросанных по всему свету центров стратегической связи, призванный обеспечить управление ядерной войной в глобальном масштабе. Из спрятанного глубоко под землю бетонного бункера поддерживается постоянный контакт с ведущими боевое патрулирование кораблями и самолетами с ядерным оружием на борту, со всеми базами США на территории Японии, Филиппин, Южной Кореи, стран тихоокеанского и индоокеанского бассейнов.

Полигоны, аэродромы, ядерные и «обычные» базы, на флагштоках которых развеваются то звездно-полосатые флаги, то белоснежные стяги с красным кругом посередине. Они взяли Фудзи-сан в осаду.

Несчастье «Счастливого дракона»

Белоснежный конус Фудзиямы отлично виден из рыбацкого города Яидзу, что лежит как раз на половине пути от Токио до Нагоя. С Фудзи-сан прощаются рыбаки уходящих на дальний промысел больших и малых кораблей. Фудзи-сан, символ любимой родины, еще издали приветствует возвращающихся с добычей пахарей моря. Только что закончившие разгрузку трюмов матросы рассказали мне, что с горой Фудзи связана такая примета: если в день выхода на промысел ее не застилают облака, значит, быть удаче, счастливому плаванию. Счастье, к которому стремятся все люди, особенно необходимо морякам, ежедневно рискующим жизнью в борьбе со стихией. Наверное, поэтому в названиях стоящих в порту Яидзу судов так часто повторяется иероглиф «фуку» — «счастье». Увы, этот красиво выписанный на борту иероглиф не принес счастья 23 рыбакам тунцелова «Фукурю-мару № 5», то есть «Счастливый дракон № 5». Начавшийся 22 января 1954 г. рейс закончился трагедией, которая известна всей Японии, всему миру. В память о ней 1 марта борцы за мир и ядерное разоружение отмечают «день Бикини».

«Рейс не задался с самого начала, за месяц плавания в трюме оказалось лишь полторы сотни тунцов. Поэтому капитан решил попытать счастья в районе Маршалловых островов, традиционного района промысла траулера из Яидзу. В ночь на 1 марта мы оказались неподалеку от атолла Бикини. Никогда не забуду ту ночь... — Бывший мастер рыбного промысла с «Фукурю-мару» Йосио Мисаки заметно волнуется, его крупные, тяжелые руки то и дело стискивают друг друга, поддерживая низко склоненную голову. Короткие фразы следуют одна за другой столь же редко, как тунцы в сети «Счастливого дракона». — Ночь была темная, тихая, ясная. Все небо усеяли звезды. В 3 часа 50 минут по японскому времени, как раз перед восходом солнца в тех краях, я вышел на палубу с секстантом проверить положение судна по звездам. Вдруг небо на западе осветилось, и море засверкало ярче, чем днем. На горизонте поднимался многоцветный огненный шар. Сначала он был светло-желтый, потом желто-красный, а затем запылал красно-оранжевым огнем, постепенно принимая форму похожего на гриб облака. Вся команда выскочила на палубу и стала глядеть на ослепительный свет. Свечение продолжалось минут десять, а потом все вокруг снова погрузилось в темноту кромешную. Тут докатился оглушительный грохот, точно от снежной лавины. Поднялись волны, пошел дождь, начался сильный ветер.

А в семь утра на нас обрушился «пепел смерти». Так уже потом прозвали коралловый песок, в который американская водородная бомба превратила часть атолла Бикини. Но тогда мы просто чувствовали, как по лицу, по рукам нас бьют острые песчинки, покрывшие все судно толстым белым слоем. Песчаная буря в море — чем не чудо! Мы с удивлением

разглядывали белый песок, а радист Айкити Кубояма сгреб немного песка в виниловый мешочек и положил себе под подушку. Зачем? Из любопытства, на память...

Уже вечером все почувствовали себя плохо: начались головные боли, слабость, тошнота, желудочные расстройства, воспалились глаза. Капитан повернул «Фукурю-мару» домой. 16 дней мы возвращались до Яидзу и все это время страдали от непривычных болезней, от беспокойства и страха. Мы ничего не знали о водородной бомбе и не понимали, что мучаемся от последствий радиоактивного заражения. Не понимали этого и доктора в госпитале, куда нас положили лечиться.

Правда всплыла на поверхность случайно: в Яидзу заехал корреспондент газеты «Йомиури», разбиравшийся в проблемах атомной энергии. Ему показали пришвартованный в порту и все еще осыпанный «пеплом смерти» тунцелов, привели в наш госпиталь... Ну, а что было дальше — и так известно. Вы лучше прочитайте вот эту брошюру, а то мне очень тяжело говорить...»

В скромной брошюре, изданной Обществом борьбы за мир имени «Фукурю-мару № 5», лаконично изложена история «Счастливого дракона» и его экипажа. 23 сентября 1954 г. от последствий испытания американской водородной бомбы скончался радист Айкити Кубояма. 10 мая 1955 г. после продолжавшегося больше года лечения из госпиталя были выписаны остальные члены экипажа. Но тень ядерной смерти все время витает рядом. В 1975 г. она выхватила другого рыбака со «Счастливого дракона», четырем годами спустя — еще одного. Моряки с «Фукурю-мару» живут в постоянном страхе за свою жизнь. Для всех них трагедия «Счастливого дракона» вовсе не закончилась.

Не закончилась она и для рыбаков сотен других японских кораблей, промышленявших в районе Маршалловых островов весной 1954 г., когда США проводили серию из шести испытаний водородных бомб. Как и экипаж «Фукурю-мару», они избегали запретную зону в районе атолла Бикини, в которой с 1945 г. испытывались атомные бомбы. Как и их получившие всемирную известность товарищи по несчастью, они попали в образованный взрывом водородной бомбы «круг смерти», в три раза превысивший объявленные границы запретной зоны. Отличие лишь в том, что эти рыбаки болели и умирали без огласки. Старшеклассники и учителя девяти школ с помощью местных врачей провели обследование трех из 270 экипажей рыболовецких судов префектуры Коти, которые попали в зону радиоактивного заражения вблизи Маршалловых островов. Рак, лейкемия, сердечные болезни стали причиной смерти 14 рыбаков, несколько человек тяжело болели. Всеяпонский совет за запрещение атомного и водородного оружия объявил о намерении провести начатое школьниками обследование в масштабах всей страны. В канун очередной годовщины ядерной бомбардировки Хиросимы в августе 1987 г. были объявлены итоги: свыше тысячи японских рыболовецких судов попало под радиоактивные осадки после испытания на Бикини. Из 187 человек, чью судьбу удалось проследить до наших дней, 40 погибли от лейкемии и других раковых заболеваний. Трагедия продолжается...

История со «Счастливым драконом» не закончилась и для ее виновников. Поначалу представители Пентагона возложили всю ответственность на самих рыбаков, обвинив их во вторжении в запретную зону. Потом, когда всю Японию захлестнула волна антиядерных выступлений, американское правительство принесло извинения и выплатило 2 млн долларов отступного. Компенсации были выданы также жителям Маршалловых островов и американским военнослужащим, пострадавшим от последствий взрывов. Но только недавно Пентагон рассекретил документы, рассказывающие правду о происшедшем. Оказалось, что был допущен целый ряд «ошибок». Помимо того что взрыв оказался вдвое мощнее запланированного — 17 мегатонн, — он был произведен в момент, когда ветры дули совсем не в ту сторону, где была определена запретная зона. Но ждать изменения ветра не стали: торопились дополнить уже тогда ломившиеся от атомных бомб арсеналы водородными бомбами, добиться преимущества над Советским Союзом и по этому показателю. Сколько же трагедий уже вызвала и может еще вызвать эта торопливость...

«Предотвратить повторение трагедии «Счастливого дракона», запретить ядерные

испытания, ликвидировать ядерное оружие!» Эти слова скандировались на митинге в музее «Фукурю-мару № 5», построенном в 1976 г. на острове Юмэносима в Токийском заливе. Перед тем как выступить в традиционный марш мира из Токио в Яидзу, у поставленного на вечную стоянку «Счастливого дракона» собрались его участники. Монахи буддийского храма Мёходзи в желтых балахонах и белых шапках, с молитвенными гонгами, на которых написан призыв к миру. Не по сезону легко одетые студенты из организации «Совет за мир и разоружение», с прикрепленными на груди и спине плакатами: «Запретить СОИ!», «За успех советско-американских переговоров о разоружении!» Представители профсоюзов, разных организаций сторонников мира. Они по очереди подходили к дощатому белому корпусу с черными иероглифами «Фукурю-мару № 5» и очень кратко говорили о главном. О бесчеловечности ядерного оружия. О любви к жизни и страхе перед мировой термоядерной войной. О недопустимости милитаризации космоса. О реальности предложенного Москвой пути к избавлению человечества от ядерной угрозы к концу века, о необходимости немедленно начать двигаться по этому пути.

Митинг закончился, и под мерные удары гонгов процессия вышла в дальний путь. Через несколько дней паломники мира пришли в Яидзу и встретились на митинге с рыбаками со «Счастливого дракона». И тогда вновь прозвучали слова, сказанные мне на прощание Йосио Мисаки: «Только переживший последствия ядерного взрыва может понять боль, которая колет сердце при известии о каждом новом ядерном испытании. Ведь каждое из них приближает день войны. Самые добрые слова хочется сказать про план избавления человечества от угрозы ядерного самоуничтожения, предложенный Генеральным секретарем М. С. Горбачевым 15 января 1986 г. Все политические деятели обязаны ухватиться за этот шанс и спасти свои народы от повторения ужасов Хиросимы и Нагасаки, от повторения несчастья «Счастливого дракона».

Глава вторая ТОКИО: КРУГОВАЯ ПАНОРАМА

Токио — самый, самый, самый...

Утро и вечер Гиндзы

Цукидзи — «чрево Токио»

Оазис старого Эдо — Асакуса

Санъя — «Долина нищеты»

Миллионы — в «крольчатниках»

Сибуя — царство токийской молодежи

Синдзюку — не одни только небоскребы

Токио — самый, самый, самый...

Для приезжающих в Японию советских людей Токио чаще всего начинается с нового международного аэропорта Нарита. Позади — беспосадочный рейс Аэрофлота длиной 9 тыс. км и 9 или 10 часов полета (в зависимости от преобладающего направления ветров на маршруте). Впереди — 70-километровая поездка до центра японской столицы, которая занимает от одного до четырех часов (в зависимости от плотности заторов на сверхсовременном скоростном шоссе). Начавшись с удивительно напоминающего Шереметьево здания аэропорта, с не улыбкающих чиновников иммиграционной службы и обезоруживающе любезных таможенников, вереница первых впечатлений пополняется плывущими мимо окна лоскутными рисовыми полями, романтическими бамбуковыми рощами, разноцветными черепичными крышами крестьянских домов. Восторженное настроение в тот, первый раз, нарушил коллега-журналист, старожил Токио. «Хорошая примета — сегодня в Нарите все было спокойно, а то вчера леваки опять обстреляли взлетную полосу самодельными ракетами. Так что поздравляю с благополучным началом

токийской жизни»...

Потом привыкаешь к высоким проволочным оградкам, полицейским броневикам, одетым в пуленепробиваемые костюмы охранникам, обыскам твоей машины при въезде в аэропорт. Привыкаешь и к тому, что все время приходится за что-то платить: за пользование самим аэропортом, стоянку машины, проезд то по одному, то по другому участку шоссе. Трезвый взгляд на достоинства и недостатки непривычной нам жизни придет позже. А пока машина несется по гладкому и широкому шоссе, коллега рассказывает то про построенный американцами парк развлечений «Диснейлэнд», то про искусственные острова Токийского залива, что мелькают за окном.

Вот на указателях показались названия столичных районов «Гиндза», «Сибуя», «Уэно». Дорога круто пошла вверх на 30-метровых опорах моста, и открылась панорама гигантского города, на горизонте замаячили заменившие священную гору Фудзи новые ориентиры — похожая на Эйфелеву башню Токийская телевышка, «город небоскребов» Синдзюку, 60-этажное здание «Саншайн-сити» (город солнечного света). Если «Восточную столицу», как переводится название Токио, атакует тайфун или же морские ветры не справились с рукотворными облаками смога, то панорама сужается до плывущих вровень с бетонными эстакадами надземных скоростных дорог, крыш, которые щедро увешаны огромными рекламными щитами, неоновыми табло на японском и английском языках, электронными часами с названиями знаменитых фирм.

Скорость машины стремительно приближается к нулю, трехрядное скоростное шоссе — «хайвэй» становится двухрядным, потом в него вливаются одно, другое соседние шоссе. И вот уже длиннейшая очередь тяжелых грузовиков, разноцветных такси и сверкающих полировкой автобусов дальнего следования неподвижно выстраивается на вполне ощутимо раскачивающейся надземной дороге. Такие же очереди, наверное, выстраивались в старину у застав, где стража неторопливо проверяла подорожные бумаги и поклажу путников.

Наконец наступает время выбраться из затора на переставшем быть скоростным шоссе в точно такой же затор, но зато внизу, на твердой земле. Автомобильная река течет уже не в бетонных, а в людских берегах. Плотно спрессованным толпам пешеходов так же тесно и душно, как и машинам. Они так же дисциплинированы и обихожены, так же стремятся к известной одним им цели.

Где начинается и кончается этот знаменитый город? Чем живут все эти люди? Поначалу даже не верится, что когда-нибудь сможешь приблизиться к ответу на эти вопросы. Но идут день за днем, месяц за месяцем, все новые улицы и районы перестают быть просто названиями на карте, обрастают плотью собственных впечатлений, опыта. Незаметно перестаешь чувствовать себя иностранцем в вагонах метро и городской железной дороги, начинаешь двигаться в том же темпе, что и вечно спешащие, неизменно вежливые столичные жители. А потом неожиданно появляется какой-нибудь московский знакомый и наступает пора сдать экзамен на старожила Токио, показать этот неповторимый город со всеми его унылыми бетонными коробками и изящными старинными храмами, модернистскими небоскребами и продуваемыми ветрами лачугами, рассказать про одетых в строгие деловые костюмы чиновников и увешанных цепями «панков» с оранжевыми прическами. С каждым новым «экзаменом» чувствуешь, что все лучше узнаешь «Восточную столицу», все сильнее становится желание поделиться накопившимися сведениями и ощущениями.

Японская столица, по крайней мере ее старинная, историческая часть, чем-то похожа на Москву. Та же радиально-кольцевая система главных улиц. Такая же крепость-замок в центре города. А за высокими стенами те же угадываемые лишь по старинным названиям и редким уцелевшим зданиям остатки кварталов знати, слобод воинов, ремесленников, купцов. Как и в Москве, лишь малая толика старых улиц сохранила свое прежнее название. По этим улицам также интересно бродить, пытаюсь представить себе жизнь воинственных самураев, изящных гейш, искусных оружейников и ювелиров, вдохновенных актеров театра «кабуки», вечно нищих, но обеспечивших себе бессмертие мастеров гравюр «укиё».

Своим возвышением Токио, как и Москва, обязан «собирателям земель», историческим деятелям первой величины, совмещавшим военный гений с политической прозорливостью, беспощадность к престолярью со страстью к реформам и градостроительству. Иэясу Токугава был лучшим генералом полководца Хидэеси Тоётоми, который окончательно потопил в крови сопротивление вечно сражавшихся друг с другом удельных князей «даймё» и впервые объединил в 1590 г. всю Японию «под одной крышей». В награду за заслуги Токугава получил земли плодородной долины Канто. Свою ставку генерал решил построить на месте небольшой рыбацкой деревни и развалин принадлежавшего одному из «даймё» замка. Новый замок и выросший вокруг него город назывался Эдо, «дверь от реки». Выстроенный руками привезенных с юга десятков тысяч мастеровых замок действительно открывал или закрывал доступ к реке Сумида, которая служила удобным путем вывоза из Канто зерна и прочих товаров к морю и дальше к Осаке, деловому центру средневековой Японии, резиденции военного диктатора «сегуна».

После смерти Хидэеси Тоётоми его любимец Токугава в 1603 г. сам стал «сегуном». Он решил не перебираться в Осаку, поближе к столичному городу Киото, резиденции исполнявшего чисто символические функции императора. Тогда-то Эдо и стал, по существу, главным городом страны. Из разных концов Японии туда двигались группы каменщиков, плотников, землекопов.

Эдо строила вся Япония. Токугава разработал хитроумный план ослабления богатых и могущественных «дай-мё», обязав их оплачивать баснословно дорогостоящее предприятие. А вскоре и сами удельные князья получили приказ отстроить резиденции в Эдо и проводить там под надзором «сегуна» каждый второй год, оставляя во время отлучек в уделы свои семьи в качестве заложников.

Бывшая рыбацкая деревня менялась на глазах. По приказу Токугава срывались холмы, засыпались болота и мелководные участки залива. Берег моря все дальше отступал от стен замка. К западу от него, на самых лучших холмистых землях, расположились хоромы знати. Эта часть города называлась Яманотэ. Простолюдные же районы восточной, низинной, заболоченной или отвоеванной у моря части Эдо стали называть «ситамати», нижний город.

Жесткое сословное деление во время почти 300-летнего правления токугавской династии привело к созданию в Эдо двух резко отличавшихся друг от друга половин города. В каждой из них выработался свой особый образ жизни, сложились две различные культуры. Самурайская — изысканная и чопорная, основанная на религиозных и эстетических заимствованиях из китайской цивилизации. Плебейская — неразрывно связанная с радостями и горестями повседневной жизни, чувственная и переполненная оптимизмом. В то время как обитатели Яманотэ изучали тонкости чайной церемонии, состязались в стрельбе из луков и фехтовании на строго запрещенных простолюдинам мечях, в «ситамати» создавались прославившие Японию ремесла и гравюры «укиёэ», рождался театр «кабуки», городские баллады «энка».

Признанным центром, символом «ситамати» был в старину район моста Нихомбаси. Застроенный самыми знаменитыми мастерскими, лавками, рынками и ресторанами, этот район жил насыщенной, полнокровной жизнью. «Дух Нихомбаси» стремились передать многие поколения художников, писателей и актеров. От деревянного моста через неширокую речку начинался отсчет всех расстояний в стране. Здесь брал свое начало великий торговый путь — тракт Токайдо, воспетый в гравюрах Хиросигэ. Первые сотни метров Токайдо стали всемирно известной торговой улицей Гиндза.

Нынешний, тринадцатый по счету мост Нихомбаси утратил свою былую славу. Выстроенный в 1929 г. по западным образцам, он прозябает в тени проложенной над ним скоростной дороги. Безликими, каменными коробками заставлены и окрестности моста, ничем более не напоминающие о традиционной жизни «нижнего города». Но сам «ситамати» не исчез, он просто отступил еще дальше на восток. Там в застроенных двухэтажными домиками лабиринтах узких улочек и сейчас живут традиции и праздники, ремесла и особые словечки «эдокко», «детей Эдо», как называют себя коренные токийцы. Ну, а Яманотэ? Эта

часть города претерпела самые большие перемены, застроилась современными районами, побывав в которых иностранцы спорят, то ли это напоминает Нью-Йорк, то ли Париж, Берлин, Лондон.

Сами жители Токио нередко называют свой город «большой деревней». Токио и вправду огромен, грандиозен, бесконечен. Он давно выделяется среди прочих японских городов своими размерами, многочисленностью населения. Уже к концу XVII в., менее чем через сто лет после прихода в Эдо правителей династии Токугава, там жило свыше миллиона человек. Японские историки считают, что Эдо был тогда самым большим городом мира. Ведь к 1801 г. в Лондоне насчитывалось 860 тыс., в Вене и Москве — по четверти миллиона, в Берлине — 170 тыс. человек. В 1868 г., когда вскоре после падения «сегунов» Эдо стал столицей империи и был переименован в Токио, «Восточную столицу», там уже жило около 3 млн человек. В 1986 г. в административных границах столичной префектуры Токио насчитывалось 11 600 тыс. человек, которые жили на площади в 2156 км².

Но границы, отделяющие Токио от заполнившего практически всю равнину Канто колоссального скопления «спальных городов» и промышленных придатков, весьма условны. Можно часами ехать вдоль непрерывной череды неотличимых друг от друга строений и только по указателям узнавать, что ты попал в одну из граничащих со столицей префектур — Канагава, Сайтама или Тиба. Вместе с ними население «Большого Токио» достигает 30 млн человек, это четверть из 122 млн жителей Японских островов (на конец 1986 г.).

В «Большом Токио» сконцентрировано 60 % всех крупных японских компаний (с капиталом в миллиард иен и выше), около половины университетов, здесь осуществляется 80 % всех финансовых операций и 66 % покупок и продаж акций (по состоянию на 1986 г.). Умопомрачительные цены на землю, скученность, стихийность застройки не могут не отражаться на условиях жизни миллионов жителей «большой деревни». На каждого из них приходится лишь 2,2 м² зеленых насаждений. Обеспечение жилплощадью гораздо ниже не слишком-то высоких общенациональных стандартов. Только две пятых домов могут похвастаться элементарными удобствами, например канализацией. С присущим им неунывающим юмором «дети Эдо» часто повторяют шутку побывавшего в их городе Чарли Чаплина: «Жизнь в Токио невозможно правдиво запечатлеть на киноленту, поскольку она не передает запахов»...

Итак, «большая деревня». Большая? Бесспорно. Но деревня ли? С самого начала строительства токугавского Эдо существовал если не генеральный план, то по крайней мере определенные правила развития города. Сам Токугава пытался копировать императорскую столицу Киото, которая, в свою очередь, создавалась по образцу древней китайской столицы Чанъань (нынешний Сиань). По правилам китайского градостроительного искусства к северу от города должна быть гора, к югу — обширное пространство воды, к востоку — река и большая дорога к западу.

Поскольку гора Фудзи лежит к западу от Токийского залива, придворным архитекторам пришлось немного схитрить и развернуть план города. Только тогда «встали на место» сама Фудзи, залив, идущий в Киото тракт Токайдо и река Сумида. А для того чтобы в соответствии с китайскими правилами дворец оказался в центре города, необходимо было отвоевать довольно широкую полосу земли у Токийского залива, на берегу которого поначалу стоял замок. Около 40 лет отряды землекопов срывали холм Канда и заполняли вынутым грунтом пространства, на которых расположились нынешние деловые кварталы Гиндза, Юракутё, Симбаси.

Попытки упорядочить развитие Эдо, однако, были оставлены вскоре после смерти Иэясу Токугава. Стихийности застройки немало способствовали также и печально известные «цветы Эдо», опустошительные пожары, регулярно «расцветавшие» то в одном, то в другом скоплении построенных из дерева и бумаги домов. «Цветы Эдо» были гораздо сильнее любых архитекторов, испепеляя целые районы, меняя ландшафт, перемещая массы людей с места на место. За годы существования Эдо, с 1603 по 1868 г., крупные пожары приключались 97 раз.

Многие достопримечательные места Токио связаны со знаменитыми пожарами, о которых часто вспоминают «эдокко». «Вон там, в центре императорского дворца, возвышалась главная башня замка, сгоревшая в «Великом пожаре Эдо» 1657 г. и никогда больше не восстанавливавшаяся вновь». «Оттуда, с вершины этой вот пагоды, упало горящее кимоно, которое зажгло тростниковые крыши». «На этом месте жила дочка зеленщика по имени О-Сити, которая в 1683 г. подпалила соседние дома, чтобы в суете пожара убежать на встречу с возлюбленным». Большие пожары становились крупными вехами в истории Токио (Эдо).

По всему Токио, по всей Японии каждое 1 сентября проводятся учения пожарных и спасательных команд, отрабатывается эвакуация детей, женщин и стариков. 1 сентября — дата «Великого землетрясения Канто» 1923 г. Оно началось за несколько минут до полудня, когда хозяйки готовили обед на бесчисленных газовых плитах. Подземные толчки страшной силы разметали деревянные домики простого люда, а вспыхнувшие пожары довели разрушение до ужасного конца. Меньший ущерб понесли каменные постройки центральных торговых и деловых районов. Но и там потери были велики. Практически полностью была разрушена Гиндза. За два дня буйства огня погибло 140 тыс. человек.

Еще один страшный пожар, о котором до сих пор с ужасом вспоминают в Токио, вспыхнул в ночь с 9 на 10 марта 1945 г. Огромный город стал целью американских тяжелых бомбардировщиков «В-29», которые участвовали в операции «Молитвенный дом». Операция, разработанная генералом Лимэем, тем самым, который два десятилетия спустя требовал «вбомбить Вьетнам обратно в каменный век», предусматривала уничтожение в первую очередь густонаселенных районов северо-восточного Токио, застроенных домами бедноты.

Первая волна боевых машин разожгла своими бомбами огромные огненные кресты — мишени для остальных 300 «суперкрепостей», как называли «В-29». А потом начался огненный апокалипсис, который не зря называют репетицией Хиросимы и Нагасаки. Вот как описывает происходившее той страшной ночью автор книги «Я видел, как горел Токио», французский журналист Робер Гилэн, проживший в Японии все военные годы: «Крыши рушились от попаданий бомб, в течение нескольких минут хрупкие строения из дерева и бумаги охватывал огонь — они становились похожи на освещенные изнутри бумажные фонарики. Достигший силы урагана ветер разносил по воздуху огромные языки пламени и горящие обломки, которые обрушивались на людей и поджигали все вокруг. Огонь пылавших вдали домов вдруг оказывался совсем рядом, распространяясь со скоростью лесного пожара. Кричащие от ужаса семьи выскакивали из своих домов... Слишком поздно, кольцо пламени уже охватило всю улицу. Сотни людей уже оставили попытки убежать и стали забираться в ямы, которые призваны были служить бомбоубежищами. В этих перенаселенных ульях бедноты не было места для настоящих убежищ. Целые семьи гибли в ямах, вырытых под деревянными домами, которые обрушивались и заживо запекали их обитателей...»

К утру 10 марта, когда «суперкрепости» покинули токийское небо, треть огромного города была сплошным черным пятном. «Самый разрушительный налет всей второй мировой войны, будь то в Европе или на Тихоокеанском театре», — считает американский историк Чарльз Бэйтсон, автор книги «Война против Японии». «Всесожжение, сравнимое с ядерным взрывом», — резюмирует уже цитировавшийся Гилэн. Что и говорить, арифметика смерти показывает, что в ту страшную ночь в Токио погибло больше людей, чем в Хиросиме или Нагасаки. Точные цифры так никогда и не были опубликованы, но вскоре после конца войны писали о 197 тыс. убитых и пропавших без вести. Сейчас говорят так: «Погибло 150 и было ранено 284 тыс. человек, уничтожена треть жилого фонда столицы, миллион человек лишен крова».

«Великая бомбежка Токио», а также последовавшие за ней другие налеты бомбардировочной авиации превратили значительную часть японской столицы в десятки квадратных километров развалин. Впервые за многие десятилетия с моста Нихомбаси снова

была видна гора Фудзи. От императорского дворца остались кучи камней. На Гиндзе стояло несколько обожженных кирпичных коробок. Чудом уцелело построенное знаменитым американским архитектором Фрэнком-Ллойдом Райтом здание отеля «Империял». Говорят, впрочем, что пилоты облетали «Империял» стороной по приказу командования, планировавшего разместить там штаб оккупационных сил.

Город и вправду напоминал чистый лист чертежной бумаги, на котором можно было создавать эскизы новой, тщательно спланированной столицы. Но кто мог заняться этим в первые послевоенные годы? Средств в казне столичной администрации хватало лишь на восстановление жизненно необходимых объектов и коммуникаций. Подлинными хозяевами Токио были офицеры штаба генерала Макартура, меньше всего заботившиеся о будущем облике оккупированного города. На месте хаотичной мозаики лишенных зелени- унылых бетонных квадратов центра и убогих деревянных закоулков окраин словно по законам генетики воссоздавалась столь же плохо приспособленная для жизни копия довоенного Токио.

Первая со времен Токугава серьезная попытка упорядочить столицу, уменьшить остроту ее проблем была предпринята во время подготовки к Токийской Олимпиаде 1964 г. Был создан комплекс современных стадионов, проложены широкие, по токийским меркам, проспекты, построен новый телецентр и сразу ставшая достопримечательностью города телевизионная вышка, центр города и международный аэропорт Ханэда соединила ветка монорельсовой железной дороги. Вошли в строй первые участки разветвленной ныне сети надземных скоростных дорог, заметно выросла протяженность линий возникшего еще в 1927 г. метро и городской железной дороги. Вокруг Олимпийской деревни разбили самый большой в Токио парк Йойоги, ставший излюбленным местом отдыха истосковавшихся по зелени столичных жителей.

Смелый и крайне дорогостоящий замысел проектировщиков воплотился в жизнь благодаря нескольким причинам. Прежде всего, Япония переживала начальный период «экономического чуда», налоги с прибыли столичных компаний рекой текли в городскую казну. Кроме того, в 1951 г. был подписан сан-францисский договор, закончилась оккупация, и американское командование постепенно возвращало японским властям некоторые из расположенных прямо в центре города баз. На месте одной из них, Кэмп-Вашингтон, к примеру, уместились несколько спортивных залов и парк Йойоги.

Но ни преолимпийская, ни прочие следовавшие одна за другой программы перестройки Токио не смогли все же разрешить многочисленные проблемы «большой деревни». Столица росла быстрее, чем архитекторы разрабатывали свои планы. И гораздо быстрее, чем необходимые средства попадали в распоряжение мэрии. Неудивительно поэтому, что Токио, по существу, остается конгломератом полуавтономных кварталов — «слобод», каждый из которых, как и в старину, имеет свое лицо, свою «специальность». Недаром ведь столицу прозвали еще и «большой мандарин», подразумевая при этом, что у тесно прилегающих друг к другу районов-долек нет общей сердцевины, центра.

Центром можно было бы считать окруженный спиралевидным рвом холм с сохранившимися древними каменными стенами и отстроеным из железобетона императорским дворцом. Но дворец и его главный обитатель утратили свою былую роль — послевоенная конституция объявила императора «символом государства и единства нации», лишив его какой-либо реальной власти. Правда, дважды в год ворота дворца распахиваются, чтобы впустить становящуюся все более многочисленной толпу монархистов. Да и среди консервативных политических деятелей растет число сторонников возрождения былой власти императора ради восстановления хотя бы части рухнувшей в 1945 г. военно-политической системы. И все же зеленый овал в самом центре карты Токио так и остается лишенным ореола власти.

Власть же надо искать в примыкающих к дворцу «слободах» — Касумигасэки, Нагата-тё, Маруноути, Отэмати. «Специальность» первых двух — власть политическая, государственная. Практически все важнейшие министерства и иные правительственные

учреждения сосредоточены в нескольких тесных кварталах района Касумигасэки. Малопривлекательные многоэтажные здания из стекла и бетона столь же трудноотличимы друг от друга, как и выстроившиеся перед ними длинные шеренги черных лимузинов высокопоставленных чиновников, как волны однообразно одетых и причесанных служащих, которые в урочный час накатываются то на подъезды министерств, то на соседние станции метро.

Неподалеку, на вершине невысокого холма, массивное, чем-то напоминающее ступенчатую ацтекскую пирамиду здание парламента. Построенное в 1937 г., оно стало одним из немногих строений, уцелевших в годы войны. Японцам хорошо знакомы просторные залы заседаний двухпалатного парламента. Во время самых важных дебатов, созываемых дважды в год обычных сессий, а также становящихся обычными дополнительных, «чрезвычайных» сессий, из парламента ведутся прямые телевизионные трансляции. В перерывах между обычными и «чрезвычайными» сессиями по переполненным бархатом и дорогим полированным деревом залам, величественным лестницам и длинейшим мраморным коридорам служители в особой форме водят экскурсантов. Чаще всего это школьники или туристы из провинции. Не слишком трудно получить пропуск на галерею для публики и во время парламентских дебатов. Отдельные места всегда зарезервированы для корреспондентов, в том числе и иностранных. У каждой партии в здании парламента есть свои помещения, выполняющие одновременно роль комнат отдыха, клубов и штабов. Величина помещений зависит от числа депутатов, и поэтому после выборов неудачникам приходится с горечью испытать еще один удар — переехать в менее просторный «штаб-клуб».

Рядом со зданием парламента разместились постоянные штаб-квартиры двух главных партий — правящей Либерально-демократической (ЛДП) и основной оппозиционной — Социалистической партии Японии (СПЯ). Другие ведущие партии — Коммунистическая партия Японии (КПЯ), Комэйто и Партия демократического социализма (ПДС) построили свои штаб-квартиры подальше, в других районах столицы. Пяти-шестиэтажные бетонные коробки партийных центров ничем не отличаются от окружающих их зданий контор и банков. Да и внутри сосредоточенные аппаратчики и разносящие чай по кабинетам начальства девушки в скромных туалетах точь-в-точь копируют модели поведения деловой Японии. Некоторое разнообразие в чинную обстановку вносят шумные и веселые помещения журналистов — как правило, редакции партийных органов расположены прямо в зданиях штаб-квартир партий. В них же размещаются хранилища документов, среди которых особенно охраняются данные о членах партии. Ведь тут таится немало сюрпризов и секретов.

Иногда, как это случалось с ЛДП, в учетных карточках членов партии обнаруживались имена... кошек и собак, которых в погоне за массовостью вносили невыполнявшие план приема местные функционеры. Иногда же, как в случае с Компартией Японии и Социалистической партией, членство сопряжено с немалыми проблемами, даже с риском для личной безопасности партийца и членов его семьи. За левыми партиями следят не только полицейские в форме и штатском, но и боевики ультраправых организаций, угрожающие «очистить Японию от красной скверны». Надолго запомнилось мне посещение одного здания по соседству с Центральным Комитетом КПЯ. Обшаривающие подходы телекамеры, заложенные мешками с песком окна, матрасы на полу, на которых отдыхали готовящиеся заступить на охрану дружинники. Предосторожности нелишни. Фашиствующие молодчики систематически устраивают нападения: бросают бутылки с зажигательной смесью, таранят ворота своими автобусами. Свои проблемы и у консервативных сил — здание штаб-квартиры ЛДП поджигали из огнеметов ультраправые экстремисты. Они же систематически обстреливают самодельными ракетами императорский дворец.

И без того перенасыщенный полицией центр Токио несколько раз в году становится похожим на военный лагерь: серые полицейские автобусы с решетками на окнах перегораживают улицы, оставляя лишь неширокое пространство для проезда машин. Тут же

перед расставленными на асфальте «ежами» бойцы спецформирований полиции в бронезилетах и шлемах проверяют документы автомобилистов и багажники. Низко над домами летают вертолеты, а дирижабли со спецаппаратурой бесшумно скользят в высоте. Чаще всего приготовления объясняются визитом какого-либо заморского гостя или проведением международной встречи. Но раз в год вся эта суета объясняется съездом правящей партии.

Несколько раз бывая на съездах ЛДП, я всегда поражался их четкостью и краткостью. Получив в первый раз приглашение и найдя день и час начала мероприятия, я стал искать дату завершения. Не найдя, позвонил в отдел печати ЛДП. Ответ ошарашил: «Съезд продлится два часа и пятьдесят минут, затем начнется прием в резиденции премьер-министра, главы нашей партии». Нет, съезд продолжался не два часа и пятьдесят минут. Исполнение партийного гимна, доклад главы партии, выступления делегатов с мест и утверждение партийной программы действий на следующий год заняли на пять минут дольше.

А потом успевшие немного подремать делегаты съезда волной выплеснулись из снятого в аренду весьма обшарпанного здания концертного зала «Хибия кайкан» и стали грузиться в машины и автобусы, чтобы проехать менее километра до официальной резиденции премьер-министра, что стоит рядом с парламентом. Место в надраенном черном лимузине или автобусе. Место у стола премьера или в дальнем углу огромного шатра, поставленного на лужайке перед двухэтажным скромным кирпичным зданием резиденции, — все это строго определяется по размеру и окраске матерчатого цветка, который девушки и парни из штаб-квартиры партии приколоты к лацканам пиджаков делегатов и гостей съезда еще утром в начале регистрации. Пышные красные «хризантемы» почти в натуральную величину — это для самого большого «начальства». У функционеров с мест — цветки сакуры. Для японских журналистов — совсем небольшие «цветы сливы» с ленточкой одного цвета, а для иностранных — с ленточкой другого цвета. Щедро льющиеся пиво и сакэ быстро «перемешивают» участников. Энергично работая корпусом и локтями, загорелые провинциалы рвутся к столу премьера сфотографироваться на память. А вскоре и сам премьер, перед которым несут высоко поднятый плакат с именем и титулом, в плотном кольце телохранителей обходит шатер, обменивается рукопожатиями, вежливыми фразами. Праздничное представление окончено. Пора расходиться по домам, разъезжаться по местам.

Конечно же хорошо организованные и отрежиссированные церемонии партийного форума и последовавшего застолья не предназначены для решения реальных проблем самой партии и управляемой ею страны. Настоящая политика «делается» в расположенных поблизости друг от друга резиденции премьера, тихих кабинетах штаб-квартиры ЛДП, ее «штаб-клубе» в здании парламента. А самые важные решения обсуждаются и принимаются в крошечных, укромных и фантастически дорогих ресторанчиках районов Нагата-тё и Акасака, перед которыми вечером скапливаются черные, немного старомодные лимузины ключевых деятелей партии, ведущих бизнесменов, высших чиновников различных министерств. Профессиональные политики, «капитаны большого бизнеса» и бюрократы правительственных ведомств — это те «три кита», на которых стоит японский истеблишмент. Три группы тесно связаны не только классовыми интересами, но и приятельскими связями, годами учебы в престижных университетах, кровными узами.

Хорошо отлаженное взаимодействие «трех китов» обеспечивает интересы каждой группы. Что касается ЛДП,

то она непрерывно остается у власти с 1955 г., когда эта партия возникла в результате слияния Либеральной и Демократической партий.

Придет ли конец монополии ЛДП на власть? События последних лет позволяют предсказать конец «полупартийной системы». Навязанный либерал-демократами в 1988 г. закон о косвенном налогообложении, серия громких скандалов со взяточничеством и аморальным поведением парламентариев, членов правительства и даже глав кабинетов привели к отставке нескольких премьер-министров, поражению на выборах в верхнюю

палату парламента в 1989 г. Право на власть пока обеспечивает ЛДП большинство в наиболее влиятельной нижней палате, но и оно может исчезнуть в результате дальнейшего снижения авторитета правящей партии и проведения парламентских выборов.

Наилучшие шансы воспользоваться неудачами ЛДП у СПЯ. Но и эта ведущая партия оппозиции не может сформировать правительство в одиночку, несмотря на рост числа своих представителей в парламенте. Создание же широкой коалиции всех оппозиционных партий маловероятно. Руководители Комэйто, ПДС и даже СПЯ не желают сотрудничать с коммунистами. Да и между ними самими достаточно принципиальных разногласий по различным вопросам. Не приходится сбрасывать со счетов давние и тесные связи между профессиональными политиками ЛДП и центристских, правых партий оппозиции. Утратив большинство в парламенте, руководство ЛДП может пойти на создание коалиции с одной из оппозиционных партий. Немаловажен и общий политический фон — заметное поправление японского общества, довольного ростом благосостояния и не желающего перемен, чреватых непредсказуемыми последствиями.

Среди «нервных центров» японской политической системы, сконцентрированных вблизи от здания парламента, стоит назвать еще и Верховный суд, чья серобетонная громада соседствует с таким же бетонным и малопривлекательным Национальным театром. Дань «бетонной моде» 60-х годов отдали также архитекторы простых, но удобных зданий, где разместились кабинеты депутатов парламента, общежития для съезжающихся на сессии избранников провинциальных округов. Кабинеты, в которых доводилось бывать, выглядят очень просто и демократично. Прихожая, в которой за заваленным письмами и иной перепиской столом сидит оплачиваемый из парламентского бюджета секретарь. Тут посетителю нальют зеленого чая, расспросят о сути интересующего вопроса. А точно в назначенное время хозяин кабинета пригласит в свою небольшую комнату, где разговор идет за невысоким столиком все с тем же зеленым чаем или кофе, а иногда — еще и простенькими сладостями. В общежитии депутатов парламента быть гостем не приходилось. Но во время предвыборных кампаний на телеэкранах часто появлялись эти двух-трехкомнатные квартиры, хозяева которых то сами готовят нехитрый ужин, то играют с приехавшими на пару дней детьми и внуками, гладят брюки и вообще ведут себя как «средние японцы»...

Тут же, в Нагата-тё, разместилась Парламентская библиотека, самое большое книгохранилище страны. А неподалеку от нее действует пресс-клуб журналистов, освещающих работу парламента, собирающих сведения о закулисных переговорах и сделках политических деятелей. Члены этого клуба знают гораздо больше, чем пишут и рассказывают. Недаром среди депутатов парламента так много бывших членов клуба, недаром власть имущие косяками валят на крайне дорогостоящий новогодний прием, который устраивает выходящая мизерным тиражом газета парламентских корреспондентов. Проявишь неуважение — скандальный материал из досье появится сначала в мизерном, а потом и в многомиллионном тираже. Это происходит не часто — обитатели Нагата-тё уважают друг друга...

В нескольких минутах ходьбы от окружающего императорский дворец рва начинаются сильно напоминающие нагромождение разноцветных кубиков кварталы Маруноути и Отэмати. Здесь нет места однообразию — каждая компания делового центра Японии стремится перещеголять другую высотой или оригинальностью здания, старается доказать, что у нее дела идут лучше других. Гранит и мрамор, статуи и абстрактные скульптуры у входов, одетые с иголочки, вышколенные швейцары и кланяющиеся в пояс девушки-лифтеры, фантастически дорогие рестораны и выставленные напоказ редчайшие коллекции старинных картин, фарфора, каллиграфии... Все здесь призвано красноречивее всяких слов говорить, кто настоящий хозяин Японии. Точно визитные карточки бизнесменов — отлитые из бронзы, высеченные в граните и мраморе, блестящие золотом иероглифы вывесок: Мицубиси, Мицуи, Фудзи, Санва, Дай-Ити кангио...

Характерные для Японии гигантские промышленно-торгово-финансовые группы

возглавляются банками, название которых становится названием и всей группы. Успех этих групп, всей экономики Японии не мог не отразиться и на положении банков «Страны восходящей иены», как полушутя стали называть Страну восходящего солнца. В списке крупнейших финансовых учреждений капиталистического мира все десять первых мест заняли «Дай-Ити кангио гинко», «Сумитомо», «Фудзи» и другие японские банки, отгеснившие конкурентов из США и стран Западной Европы. В 1987 г. японские банки обладали более чем третью финансовых средств мира.

Среди «слобод» традиционного центра японской столицы нельзя не назвать Канду — средоточие университетов, институтов, училищ, книжных магазинов, студенческих общежитий, дешевых столовых для учащейся молодежи, магазинов, дискотек, всевозможных клубов. От Отэмат Канду отделяет неширокая речка, тоже Канда. Но стоит пересечь эту условную границу, как чувствуешь себя словно в другом мире. Строгий деловой костюм на Канде так же неуместен, как и спортивная куртка в приемной президента любой из бесконечных фирм делового центра. Одетые просто, подчас подчеркнута просто компании молодых людей толпятся у университетских досок объявлений, громко спорят на перекрестках или сосредоточенно роются в развалах старых книг и пластинок.

Студенты здешних университетов и колледжей не часто бывают выходцами из простых семейств. Ведь поступают в престижный университет, как правило, выпускники связанной с ним столь же престижной школы верхней ступени. В нее поступают после престижной средней школы и так вплоть до престижного детского сада. А в последнее время появились даже курсы подготовки для приемных экзаменов в эти престижные детские сады. Параллельно с конкурсом способностей идет и конкурс родителей, их социального и имущественного статуса.

В детском саду японские дети проводят четыре года — с трех до шести лет. Потом шесть лет начальной школы, три класса средней школы первой ступени. На этом бесплатное и обязательное образование заканчивается, но подавляющее большинство (90 %) детей продолжает учебу в средней школе второй, высшей ступени — это еще три года. 42 % юношей и 33 % девушек затем поступают в университеты и колледжи, где проводят еще четыре года учебы. Но не все так просто. Наряду с «системой 4-6-3-3-4» действует параллельная система школ под названием «дзюку», что можно перевести как «зубриловка».

Существование дублирующей «официальную» систему сети частных и весьма дорогостоящих «зубриловок» объясняется, с одной стороны, реальными недостатками этой системы: многолюдностью классов, жесткостью учебных программ, которые все чаще критикуются за ориентацию на заучивание, а не на осмысление материала. Но, с другой стороны, причина видится в традиционном для Японии почтении к учености и учебе, в стремлении родителей ценой любых усилий и материальных жертв вывести своих отпрысков на достаточно высокую орбиту престижных учебных заведений, гарантирующих, в свою очередь, работу в престижной фирме из верхней половины «двухэтажной Японии».

Усилия и жертвы на алтарь престижности приносят и дети и родители. Отучившись с 8 утра часов до трех дня, треть учеников начальной школы, три четверти учеников средней школы первой ступени и треть старшеклассников отправляются еще и в «зубриловку», где корпят над дополнительными занятиями до вечера. Никакими цифрами не подсчитать цену, которую платят за престижность дети. Ну а вклад родителей подсчитывается довольно точно. «Средняя» семья с двумя детьми школьного возраста тратит на обучение около 20 % своего месячного дохода, причем эта доля быстро растет. Расходы на высшее образование еще выше.

В 1986 г. одна только учеба (не считая расходов на жилье и питание) ежегодно стоила студенту государственного университета 1110 тыс. иен и частного заведения — 1895 тыс. иен. Помимо этих немалых денег от родителей нередко требуют еще и «добровольных пожертвований». В самых престижных частных медицинских и стоматологических институтах сумма «пожертвований» от студента колеблется между 20 и 400 млн иен! Даже зажиточные семьи еле-еле справляются с огромными и постоянно растущими от курса к

курсу, год от года расходами на образование своих отпрысков.

Неудивительно поэтому, что примерно половина студентов вынуждены подрабатывать на стороне, чаще всего репетиторством. Ребят и девушек с Канды можно встретить за прилавками универмагов, за рулем велосипеда,

развозящими газеты подписчикам, в форме официантов, лифтеров.

Студенты с Канды нередко находят работу неподалеку от своих институтов. Название этой «слободы» ассоциируется не только с поросшими плющом стенами университетов, но и с бесчисленными книжными магазинами и лавками букинистов. Проворные молодые руки нужны в многоэтажных книжных «универмагах» и гордящихся стертыми иероглифами вывесок лавочках, каждая из которых специализируется то на классической японской поэзии, то на современной технической литературе, то на иллюстрированных альбомах по живописи или на древних картах и гравюрах «укиё». Сразу два магазина продают книги из Советского Союза, в нескольких лавках встречаются специалисты по Китаю, в продающем английские издания магазине цены в фунтах пересчитывают по сегодняшнему курсу в иены...

Канда далеко не всегда была кварталом студентов и букинистов. Ведь высшее образование пришло в Японию лишь в 1877 г., когда открылся первый в стране Токийский университет. А раньше Канда была районом ремесленников и торговцев. О занятиях прежних обитателей говорят названия кварталов «тё», в которые людей селили обычно по профессиям. «Кадзи-тё» — кузнецы, «Конъя-тё» — красильщики, «Норимоно-тё» — мастера паланкинов.

Традиция создавать специализированные районы продолжает жить и в наши дни. Рядом с Кандой изо дня в день переливается разноцветными огнями, гремит мелодиями всевозможных ритмов «Всеяпонская электрическая ярмарка» Акихабара. Она возникла по соседству с оптовыми овощными рынками, станциями городской железной дороги и нескольких линий метро. По подсчетам влюбленных в статистику японских газет, путешествие по 600 магазинам Акихабары в будние дни совершает около 50 тыс. человек, а в единственный нерабочий для всех японцев день — воскресенье — в два раза больше. Их привлекает в первую очередь богатство выбора. В специализированном магазине собраны все доступные модели холодильников или кондиционеров, телевизоров или магнитофонов. А пройдясь по нескольким этажам любого из «электроунивермагов», можно купить сразу все оборудование для дома — от утюга до принимающей передачи со спутника телеантенны. Были бы деньги. Пока взрослые обсуждают с услужливыми продавцами

достоинства того или иного товара, дети «мучают» отданные в их полное распоряжение электронные игры и сравнительно простые «семейные компьютеры». Акихабара воспитала не одно поколение любителей и профессионалов радиотехники, электроники. У прилавков слившихся в аллее мелких лавок покупатели разного возраста перебирают провода всевозможной длины и расцветки, блоки и отдельные детали звукозаписывающей и телевизионной техники, подбирают по каталогам переходные устройства для зарубежных моделей.

Почти каждая лавка, каждый магазин поддерживают непосредственные связи с фирмами-производителями, обходя типичную для японской торговли систему оптовых и розничных посредников. Это позволяет заметно — подчас на 20–30 % — снижать цены, привлекая покупателей даже из соседних с Токио префектур. Не зря на долю Акихабары приходится десятая часть объема продажи электротоваров всей Японии. Прямые связи с магазинами Акихабары выгодны и фирмам-изготовителям. Они получают оперативную информацию о вкусах потребителей, изучают популярность новых моделей.

Это относится не только к товарам, предназначенным для внутреннего рынка. На Акихабаре немало магазинов, ориентирующихся на иностранных туристов, где продается техника с учетом принятых в разных странах систем телевидения, уровней напряжения и т. д. Иностранцы по предъявлении паспорта получают дополнительную скидку, равную сумме налога, которым облагаются японские покупатели. Но наряду с бесспорными

преимуществами у магазинов с вывеской «тэкс фри» (без налога) есть и весьма существенные недостатки. Качество товаров здесь зачастую ниже, чем в обычных магазинах. Дело в том, объяснили мне однажды, что большинство крупных фирм — изготовителей электротоваров в первую очередь зависит от продаж на внутреннем рынке. (Исключение, пожалуй, составляет лишь возникшая в послевоенные годы «Сони».) Поэтому они сбывают наиболее высококачественные товары через сеть охватывающих всю Японию фирменных магазинов. На экспорт же отправляют изделия, на которых тоже стоит клеймо «Сделано в Японии», но содержащие подчас детали и блоки, сделанные на заводах-филиалах в развивающихся странах Азии.

Результатом опрометчивой покупки может стать сущее хождение по мукам. У меня сложилось впечатление,

что в Японии терпеть не могут ремонтировать поломавшиеся вещи, как правило, их просто выбрасывают. В отделе обслуживания и ремонта того самого магазина, где всего месяц назад я купил столь полезный в журналистской работе видеомэгнитофон, меня ждал весьма сдержанный прием. Ни о каких улыбках и предложениях прохладительных напитков на сей раз не могло быть и речи. Заполнявший какие-то бланки продавец еще глубже погрузился в работу, лишь через несколько минут «заметив» появление посетителя. Убедившись с явным разочарованием в наличии гарантийного удостоверения, продавец принял бракованный товар и предложил зайти через 10 дней. В назначенный срок видеомэгнитофона так и не удалось получить — «на складе не оказалось необходимой детали». В течение годичного гарантийного срока мне еще дважды пришлось сдавать в ремонт свое дорогостоящее приобретение. История кончилась тем, что уставший от общения с вьедливым иностранцем управляющий магазина обменял начиненный дефектами видеомэгнитофон на новый, предназначенный для продажи на японском рынке. Проблема была решена раз и навсегда.

Впрочем, знакомые японцы, которым я рассказал о своих злоключениях, тоже жаловались на ухудшение качества электротоваров в последние годы, объясняя это снижением ответственности за свою работу среди молодых рабочих, которые все реже ставят знак равенства между своим благополучием и будущим фирмы. Различия во взглядах на работу и жизнь между поколениями стали настолько велики, что молодежь начали называть «новой породой японцев». И похоже, что дело не только в конфликте «отцов и детей». По крайней мере, опросы общественного мнения доказывают, что типичное для недавнего прошлого восторженное отношение к фирме и работе вообще уходит в историю. Еще в 1977 г. каждый пятый опрошенный новичок видел в работе просто источник средств к существованию, но зато в 2 раза большее число рассматривало службу как способ самовыражения. Семью годами спустя эти две категории опрошенных поменялись местами. Неуклонно снижается процент молодых людей, считающих работу служением обществу, — с 14 до 12 % за те же годы.

Возможно, происходящие в недрах японской экономики и общества глубинные процессы скажутся и на Акихабаре. Но пока зарево огней «электрической ярмарки» продолжает каждый вечер освещать небо над северной частью Токио.

Утро и вечер Гиндзы

С высоты 60-этажного небоскреба «Саншайн-сити» ночной Токио напоминает дельту могучей реки. Огненные «русла» транспортных артерий огибают слабоосвещенные «острова» жилых районов и соединяют залитые разноцветными огнями «заводы» увеселительных и торговых кварталов. Среди этих ярких пятен легче всего узнать знаменитую Гиндзу. Ее почти прямоугольные очертания чем-то напоминают посадочную полосу ночного аэродрома. Да и «совершив посадку» на Гиндзе, продолжаешь чувствовать себя словно в гигантском аэровокзале, среди его сувенирных киосков, ресторанов, магазинов. Это ощущение только усиливают потоки вечно спешащих, словно боящихся

опоздать на рейс людей. Если кому-то нравится суэта, шум, толкучка, дороговизна, значит, ему понравится нынешняя Гиндза.

Гиндза далеко не всегда была всемирно известной торговой улицей, символом Токио и в какой-то мере всей Японии. Своим названием она обязана чеканившему серебро монетному двору. На месте нынешнего Национального банка стоял другой монетный двор — Киндза, чья продукция была из золота. «Серебряный двор», как дословно переводится название Гиндза, был поначалу одним из участков осушенных земель, на которых селили ремесленников. Может быть, Гиндза так и оставалась бы в тени расположенного по соседству процветающего торгового района Нихомбаси, если бы не знаменитый пожар в 1872 г.

К тому времени закончилась власть военных правителей «сегунов» династии Токугава, а вместе с ней и продолжавшаяся 200 с лишним лет самоизоляция Японии. В составе одной из первых делегаций, посетивших заморские земли, был мэр Токио. На него произвел неизгладимое впечатление Лондон, и, вернувшись на родину, мэр решил создать на месте выгоревшей дотла Гиндзы образцовую улицу. Современные здания были призваны не только стать началом пожароустойчивого города, но и придать новой столице «цивилизованный» облик. Выписанный из Англии архитектор застроил примерно половину не слишком длинной, тянущейся на 1200 м улицы Гиндза краснокирпичными двухэтажными домами. Архитектурная новинка сразу привлекла интерес охочих до диковинок столичных жителей.

Интерес интересом, но на первых порах городским властям пришлось изрядно потрудиться в поисках покупателей для кирпичного фасада цивилизации. Дома нового типа были не только почти в 10 раз дороже традиционных деревянных построек, но еще и крайне неподходящи для местного климата. Расположенные в нижнем этаже лавки, жилые помещения второго этажа были душными, влажными, там быстро заводилась плесень. Неудивительно поэтому, что поначалу удалось заселить только часть домов на улице Гиндза, главной в одноименном квартале, а в боковых переулках выросли все те же деревянные дома. Примерно треть кирпичных домов в конце концов пришлось продать за бесценок, городская казна сильно обожглась на престижном проекте.

Что же вдохнуло жизнь в бездушный кирпичный фасад? Это была первая в Японии железная дорога, соединившая открытый для иностранцев порт Иокогама и станцию Симбаси, что лежала прямо у южной оконечности Гиндзы. Тогда рядом со знаменитым районом гейш и двумя популярными базарами стали возникать магазины, торговавшие заморскими диковинами. Скопление традиционного и современного на сравнительно небольшом пятачке привлекло молодежь, положило начало ставшему чуть ли не ритуалом «шатанию по Гиндзе».

Вскоре уже вся Гиндза превратилась в популярнейшую торговую улицу. Днем торговля шла в солидных магазинах, где впервые были введены фиксированные цены. Вечером же тротуары заполнялись лотками мелких торговцев, зазывавших покупателей громкими криками. Гиндза превращалась в шумный, веселый экзотический базар. При свете ацетиленовых фонарей шла бойкая торговля дешевыми копиями и подделками иностранных товаров. Именно в мастерских, обеспечивавших Гиндзу товарами, считают некоторые историки, зародилась традиция заимствования достижений других стран, их последующего улучшения и удешевления. На Гиндзе возникла, например, часовая мастерская семьи Хаттори, основателей фирмы «Сэйко», чья продукция заполнила ныне рынки чуть ли не половины мира, потеснив даже знаменитые швейцарские часы. Занимавшиеся сборкой американских автомобилей из импортированных деталей кустарные мастерские разрослись в угрожающие существованию автопромышленности США могучие концерны с филиалами на всех континентах.

Романтическая старая Гиндза живописных ночных базаров и чопорной дневной толпы, ивовых деревьев и газовых фонарей, соперничавших в проворстве рикш и вагонов конки... Это она прославила «серебряный двор», окружила его ореолом чуть ли не мистического очарования. Но время расцвета длилось недолго — каких-то пять десятилетий, от одного

великого бедствия до другого.

Разрушившие почти весь Токио землетрясение и пожары 1923 г. не пощадили и Гиндзу. Ее кирпичные и каменные дома понесли не слишком большой урон от подземных толчков, но были почти полностью уничтожены огненными шквалами. Сгорела даже вымощенная деревянными брусками мостовая, по которой лишь незадолго до стихийного бедствия стали разъезжать автомобили. Старожилы Токио утверждают, что отстроившаяся за несколько лет новая, кирпично-бетонная Гиндза лишилась львиной доли непередаваемого очарования своей предшественницы.

Остатки свободолюбивого, подчас утрированно-беззаботного «духа Эдо», витавшего в переулках «серебряного двора», были окончательно изничтожены с установлением в середине 30-х годов военного режима. Были введены ограничения на торговлю и развлечения, за соблюдением пуританско-националистических норм поведения строго следили полиция и всемогущая жандармерия. А потом началась война, закончившаяся для Гиндзы катастрофическими бомбежками и пожарами весны сорок пятого...

Как выглядит сегодняшняя Гиндза? Смотря что иметь в виду. Административный район Гиндза состоит из восьми кварталов, которые словно восемь кусков шашлыка нанизаны на два шампура — осевую улицу Гиндза и параллельную ей магистраль Сёва-дори. Четкими границами прямоугольника «большой Гиндзы» стали окружающие его с четырех сторон линии скоростных автодорог, а точно посередине Гиндзу пересекает проспект Харуми-дори, ведущий от императорского дворца к искусственным островам Токийского залива с их верфями, пассажирским причалом и выставочным павильоном Центра международной торговли. Столь же прямые, хотя и гораздо более узкие улицы отделяют друг от друга примерно одинаковые по площади прямоугольные кварталы. Кварталы эти плотно застроены 4-10-этажными бетонными зданиями, которые можно отличить друг от друга лишь благодаря вывескам и рекламам.

Если же говорить о Гиндзе, как таковой, о торговой улице Гиндза, то она напоминает гигантскую витрину, протянувшуюся на 1200 м. Именно такое ощущение остается после прогулки по Гиндзе, знакомства с некоторыми из примерно двухсот известных на всю Японию универмагов, магазинов и лавок. Почему витрина? Хотя бы потому, что витрины — это самое запоминающееся впечатление от знаменитой торговой улицы. Выставленные за стеклами композиции меняются каждый сезон, над ними работают выдающиеся мастера дизайна и рекламы. Непревзойденное японское чувство цвета, безграничная выдумка, любовь к изделиям народных промыслов, смелость в использовании движущихся скульптур-модулей, лазеров, голографии, прочих технических новинок — эти качества отличают лучшие произведения «витринного искусства». Оформление витрин, торговых залов превратилось в самостоятельную и весьма процветающую индустрию, которая уверенно наступает уже и на зарубежные рынки. Японским художникам поступают заказы из десятков стран мира.

Реклама помогает решать «стратегические задачи». Прежде всего, подтолкнуть склонных к бережливости японцев тратить деньги. Теперь, говорят руководители «большого бизнеса», необходимо больше тратить и таким образом обеспечить расширение внутреннего рынка, позволить японской промышленности уменьшить зависимость от внешних рынков, на которых стало появляться все больше протекционистских барьеров. Еще одна задача — формировать представления о престижных товарах-фетишах, ради обладания которыми будут энергично трудиться рабочие и служащие.

Конечно, магазины Гиндзы — это не одни лишь витрины. С большим вкусом оформлены торговые залы, прилавки. Они переполнены товарами. Но почему число одетых в элегантную форму, сладчайше улыбающихся, непрестанно кланяющихся продавцов и продавщиц подчас превышает количество покупателей? Причина одна. Умопомрачительные цены. «Кусается» любая мелочь: перочинный ножик — 13,5 тыс. иен, тюбик помады — 9 тыс., фильтр для не очень-то чистой токийской воды — 6,5 тыс. иен. На этажах, отведенных под европейскую одежду, нередко видишь цену, состоящую из

пяти-шестизначных чисел. Мужское пальто — 150 тыс., костюм-тройка- 100 тыс., женское платье — 70 тыс. иен. Устрашающие цифры со многими нолями на ярлыках всюду, где останавливается глаз. На гарнитурах мебели, сервизах европейской и традиционной японской посуды, стерео- и видеосистемах, начиненных электроникой детских игрушках, продуктах питания.

В универмагах «Мацудзакая», «Мацуя», «Мицукоси», которые определяют лицо и уровень цен Гиндзы, постоянно чувствуешь себя посетителем музея. Особого музея, который можно было бы назвать «музей современной материальной культуры Японии». Но, пожалуй, уместнее название «ярмарка тщеславия». Ведь подавляющее большинство покупателей платит порой астрономические суммы не просто за товар, но и за упаковку с названием престижного, известного всем универмага. Один из них — «Такасимая», к примеру, ежегодно тратит 110 млн иен на оберточную бумагу и еще 170 млн — на фирменные пакеты.

Престиж. Статус. Вот та монета, которую чеканят в нынешнем «серебряном дворе». Как-то в один из двух ежегодных сезонов обмена подарками — то ли в новогодний, то ли приходящийся на середину лета — я получил от квартирной хозяйки зонтик. Раскрыв его, я стал вежливо нахваливать качество столь необходимого в Токио предмета. На совершенную ошибку мне указала сама хозяйка, несколько раз подчеркнув, что дело не столько в самом зонтике, а в том, что он был куплен на Гиндзе, «от Мицукоси». Выложив в три-четыре раза больше против нормальной цены, она тем самым подчеркнула уважение к многолетнему квартиросъемщику, готовность и впредь поддерживать деловые отношения.

Способность покупать на Гиндзе давно уже стала одним из критериев принадлежности к «среднему классу». Пройтись мимо соседей с пакетом фирменной расцветки престижного универмага — значит продемонстрировать благосостояние семьи, попавшей в заветный «средний класс». Пусть оплаченный отпуск главы семьи длится 5–7 дней и работает он на 250–500 часов в год больше, чем его европейский или американский коллега. Пусть семейство живет в квартире типа «крольчатник» да еще выплачивает за нее больше трети месячной зарплаты. Пусть сама хозяйка не может найти постоянную работу и вынуждена подрабатывать за почасовую плату в соседнем супермаркете. Об этих и многих других теневых сторонах повседневной жизни «среднего класса» не принято говорить среди японцев.

Газеты, популярные журналы, телепередачи заполнены щедро оплаченными рекламами, которые подсказывают, что надо делать, что покупать, чтобы быть «на уровне», как другие люди. Купил цветной телевизор, кондиционер и машину — вот ты уже и попал в «средний класс». Отоварился на Гиндзе или в разбросанных по всей стране филиалах ее магазинов — сделан крупный шаг в верхние слои этого «класса». А цены? Цены, конечно, невообразимые, невозможные, нереалистичные. Но хитроумные домохозяйки находят компромиссы между стремлением заполучить товар с Гиндзы и необходимостью учитывать суровые реальности семейного бюджета. Они терпеливо дожидаются периодических распродаж, когда залежавшиеся, начавшие выходить из моды товары дешевают на 20–50 %.

Если крупные универмаги напоминают музеи из-за неприступных цен и выставленного обилия красивых товаров, то все еще сохранившиеся кое-где старинные лавки эпохи Эдо являются, по существу, музеями. Благодаря им сохраняются многие уникальные ремесла, граничащие с искусством или давно уже перешедшие эту расплывчатую границу. Взять, к примеру, лавку «Бэйсю», специальность которой — миниатюрные куклы. Чем не музей традиционных японских игрушек, которые в мире маленьких японцев отлично уживаются с роботами, танками и самодвижущимися чудовищами. Выставленный товар меняется несколько раз в году. После Нового года исчезнут фигурки семи богов счастья, восседающих на «корабле сокровищ». До 3 марта, посвященного маленьким девочкам «праздника кукол», полки заставлены крошечными придворными дамами, принцами, старинными музыкальными инструментами и традиционной мебелью. Принято собирать коллекцию этих игрушек, пока не составит целый императорский двор с десятками кукол разного ранга. А можно сразу купить весь «двор», если, конечно, найдутся 350–700 тыс. иен.

Вскоре, 5 мая, наступает праздник мальчиков. Ему сопутствуют фигурки знаменитых воинов, исторических

деятелей прошлого. Популярны игрушечные самурайские доспехи, которые тоже принято собирать постепенно, из года в год. Ведь один только рогатый самурайский шлем может стоить 50 тыс. иен, полный набор боевой одежды свирепого воина — 2 млн иен.

А потом наступит черед знаменитых красавиц гейш с фантастическими прическами, игрушечных вееров, музыкальных инструментов...

Миниатюрные «игрушки» иного свойства — специальность другой известной лавки с Гиндзы. Возникшая всего несколько лет назад фирма «Кони электронике» предлагает широчайший выбор подслушивающих устройств для ревнивых супругов, самодеятельных «джеймсов бондов», но чаще всего — для занятых промышленным шпионажем солидных фирм. В лавке, быстро ставшей одной из достопримечательностей Гиндзы, не иссякает поток покупателей. Нарасхват идут «жучки», позволяющие передавать на расстояние около 2 км содержание подслушиваемых телефонных и иных бесед. Цена — 60 тыс. иен. Входят в моду замаскированный под кассетный магнитофон мощный передатчик телефонных разговоров (120 тыс. иен), устройство для обнаружения подслушивающих устройств (100 тыс.), очки, позволяющие крошечной ночью читать любые надписи в радиусе 30 м (3,5 млн иен).

Кто может позволить себе покупать все эти игрушки и «игрушки», одеваться и питаться с Гиндзы? Конечно же не продавщица или кассирша из банка (зарплата 100–150 тыс. иен), не молодой рабочий (130–150 тыс. иен), не живущий на скромную пенсию отставной служащий и даже не каждый инженер процветающей фирмы (400–500 тыс. иен в месяц).

Стабильный, хотя и сравнительно медленный рост «ножниц» между уровнями цен и реальных доходов «среднего класса», а также ориентация дорогих универмагов на богатых, довольно пожилых покупателей не могли не сказаться на популярности Гиндзы. На ней становится все меньше молодежи, облюбовавшей теперь торговые и развлекательные центры районов Сибуя, Харадзюку, Синдзюку, Роппонги. Да и зрелые покупатели все чаще возвращаются из похода по универмагам несолоно хлебавши, усталые и разочарованные после дня разглядывания недоступно дорогих товаров и платонического любования музейно-витринным фасадом.

Но Гиндза — это не только торговая улица Гиндза.

Стоит свернуть с нее в любую сторону и тут же очутишься на совсем другой Гиндзе. Лабиринты узких улочек, громоздящиеся один над другим бесконечные бары, рестораны, кабаре, клубы, кафе. Днем лишь на немногих дверях висит украшенная иероглифами с названием заведения коротенькая занавеска «норэн», приглашающая посетителей. В кучах отбросов роятся бездомные, идет спор за обладание бутылками с остатками спиртного на дне. Эта Гиндза — ночная. Ее специальность — «бизнес на воде», как называют в Японии торговлю спиртным и сопутствующими развлечениями. Эта Гиндза оживет вечером, когда закроются универмаги и офисы. Зажгутся неоновые рекламы всех 3 тыс. увеселительных заведений. Исчезнут, получив небольшое отступное, бродяги. Деловые официанты в безупречных фраках, ухоженные женщины в явно дорогостоящих кимоно подметут и польют асфальт перед входом, вывесят занавеску — «норэн» или символы доступных цен — красные бумажные фонари с названием фирменного блюда. А потом и без того узкие тротуары забьют припаркованные бампер к бамперу машины, группы подгулявших мужчин в деловых костюмах начнут обход славящейся своими значными местами ночной Гиндзы.

В Японии не действует принцип «дружба дружбой, а служба службой». Деловые отношения обязательно строятся на фундаменте личных связей, знакомств, взаимных услуг. Сделки подписываются за столом переговоров, но сами переговоры идут за столами увеселительных заведений, в перерывах между возлияниями горячительных напитков и беседами на отвлеченные темы с гейшами или быстро вытесняющими их «хостэс» — «хозяйошками». Сопровождающие застолье традиционными танцами, песнями и стихами гейши становятся редкостью — сказывается сложность и длительность их подготовки.

«Хостэс» же может стать каждая женщина. Надо уметь смеяться любой, пусть даже совсем несмешной шутке гостя, подпевать ему, выслушивать то рассказы об уменьшении себестоимости, то жалобы на начальство. Но главное — не забывать подливать пиво или разбавленное водой виски...

Приглашать партнеров домой не принято, да и не позовешь же полужнакомого человека в свой «крольчатник». Немаловажны и финансовые соображения. Прием дома оплачивается из семейного бюджета, а кутеж в ресторане идет за счет фирмы и будет отнесен в графу «представительские расходы». Вот почему обычно очень экономные, живущие на оклад служащие, перешагнув порог бара, превращаются в не знающих удержу и счета деньгам транжир. «Погулять» на Гиндзе обходится недешево.

Ежегодно в Японии «на представительские расходы» тратятся колоссальные суммы. В 1985 г., например, они достигли 3 трлн 850 млрд иен. Каждый день, а точнее сказать, каждую ночь пропивалось и проедалось более 10 млрд иен! Безграничная щедрость тех самых фирм, которые борются с профсоюзами за каждую иену прибавки к жалованью, объясняется просто. «Представительские расходы», создающие, так сказать, облик фирмы, издавна не облагались налогами, рассматриваются как один из видов накладных, производственных расходов. Правда, несколько лет назад чиновники министерства финансов, ломавшие головы над способами пополнить государственную казну, обложили налогом часть «представительских расходов». Но и по сей день до пятой части расходов некоторых фирм приходится на эту статью.

На первый взгляд «ночной» Гиндзе пока ничего не угрожает, она стоит на солидном фундаменте одного из главных принципов японского делового мира: «не подмажешь — не поедешь». Но хозяев баров и ночных клубов начинает беспокоить та же проблема, что и владельцев «дневной» Гиндзы. Растет средний возраст посетителей, он уже в два раза выше, чем в районах-соперниках. Молодежь все чаще предпочитает другие места развлечений.

Что надо сделать, чтобы Гиндза не разделила судьбу когда-то дорогого, но заношенного кимоно, которое убрали в сундук и напрочь забыли? Этот вопрос задают себе не только предприниматели, но и городские власти. За последние годы разрабатывалось немало всевозможных планов реконструкций, оживления Гиндзы. Но все они наталкивались на немислимую дороговизну земли. За 120 лет существования «Восточной столицы» земля подорожала в 8 млн раз! Квадратный метр Гиндзы оценивается налоговыми властями в среднем в 5 млн иен, а реальная продажная цена — раза в четыре больше. Самая дорогая в Японии земля конечно же на Гиндзе. В январе 1988 г. каждый метр земли перед старинным магазином «Кюкёдо» стоил 22,3 млн иен!

Удалось, правда, добиться превращения центральной улицы в «пешеходный рай» по воскресеньям и праздникам. В эти дни Гиндза вспоминает о «старых добрых временах»: на тротуары выкатываются лотки, на проезжей части дороги возникают небольшие кафе, толпы любителей прогулок неторопливо фланируют по высвободившейся от машин и неожиданно ставшей широкой улице. Несколько многолюднее стало на Гиндзе и с открытием в 1984 г. трех новых крупных универмагов, которые учитывают не только вкусы, но и ограниченные финансовые возможности покупателей среднего возраста и младше.

Но самые большие надежды возлагаются на план, который предложило министерство внешней торговли и промышленности. Суть плана сводится к строительству новой, подземной Гиндзы. Вместо проложенной под главной улицей неглубокой линии метро предполагается проложить новую, глубокую, а высвободившиеся туннели отдать под подземный торговый центр. Кроме того, предлагается довести до Гиндзы линию монорельсовой дороги от аэропорта Ханэда, который обслуживает преимущественно внутренние авиалинии. Ставка тут делается на приехавших за покупками в столицу провинциалов, которые, в отличие от расчетливых токийцев, еще остаются под очарованием былой славы Гиндзы. Недаром ведь чуть ли не в каждом японском городе можно найти свою собственную торговую улицу по имени Гиндза. У токийской Гиндзы — 487 сестер, подсчитали сотрудники одной японской газеты. План «Гиндза XXI в.» вызывает бурный

энтузиазм у большинства владельцев дневной и ночной половин «серебряного двора». Но лишь до того момента, когда встает неизбежный вопрос: а кто оплатит стоимость работ, которые оцениваются в 400 млрд иен? Городские власти и правительство призывают «продемонстрировать жизнеспособность и энергичность частного сектора». Частный же сектор, в свою очередь, напоминает об ответственности властей за состояние «витрины» Токио и всей Японии.

А Гиндза тем временем живет ожиданием нового перерождения, нового утра.

Цукидзи — «чрево Токио»

Всего лишь в нескольких сотнях метров от «никогда не засыпающей» Гиндзы начинается знаменитый Центральный оптовый рынок Цукидзи. «Чрево Токио», как нередко называют это огромное скопление лавок, лавочек, складов и холодильников, тоже ни на миг не смыкает глаз. Но бодрствующие одновременно завсегдатаи этих двух соседних районов живут как бы в разных измерениях. Ранним утром, когда пресытившиеся изысканнейшими блюдами бизнесмены и чиновники расходятся из клубов и ресторанов Гиндзы, в Цукидзи начинается рабочий день.

Полшестого утра. У штабелей пенопластовых ящиков со свежей серебристой рыбой всех форм и размеров, розовыми осьминогами, сиреневыми кальмарами собираются группы сосредоточенных мужчин в длинных кожаных фартуках и бейсбольных кепках, на которых укреплены таблички с номерами, названиями их компаний. На всех резиновые сапоги — ведь покрытые инеем мороженые туши тунцов из дальних морей уже начали подтаивать и по бетонному полу текут холодные ручьи. Появляется аукционер, и разворачивается сцена, напоминающая фондовую биржу в момент резкого изменения курса акций. Аукционер хриплым голосом выкрикивает названия партий рыбы и цены на условном наречии, понятном только знатокам. Представители крупных оптовых фирм молча поднимают руки и делают пальцами столь же непонятные непосвященному знаки. Звенит колокольчик — еще одна партия товара нашла владельца.

Потом товар из Цукидзи еще не раз перейдет в новые руки — хозяев крупной розничной фирмы, большого магазина, маленькой уличной лавочки или торговца, развозящего на велосипеде рыбу постоянным покупателям. И, само собой разумеется, каждый раз стоимость будет увеличиваться. А ведь даже оптовые цены Цукидзи весьма высоки. Килограмм тунца — 9500 иен, килограмм сардин «иваси» — 700 иен. Ради того, чтобы купить рыбу подешевле и посвежее, некоторые торговцы и повара рыбных ресторанов сами приезжают в Цукидзи. Для них отведено место по соседству с аукционом. Здесь полутораметровые тунцовые туши уже распилены на части, а рыба помельче продается не штабелями, а отдельными ящиками.

Со времени открытия аукциона прошел всего час-другой, а колокольчик уже отзвонил до следующего утра. Последние тачки катят по неожиданно ставшему просторным торговому залу. Грузчики греют замерзшие руки у дымящих железных печек. Мусорщики начинают убирать горы отсеченных рыбьих голов, хвостов и плавников, пустых мешков, банок. Продавцы в лавчонках, специализирующихся на одном-двух сортах рыбы, уже готовятся встретить своих покупателей, ведущих счет не на тонны и миллионы, а на граммы и иены. Они тоже желанные гости в Цукидзи, тоже помогают его процветанию. Ежедневно из ворот рынка сложный путь к столу токийцев начинается около 2800 т рыбы. Годовой товарооборот Цукидзи — 700 млрд иен (более 5 млрд долларов). Эти показатели делают его чемпионом мира среди рыбных рынков.

А ведь Цукидзи торгует не только рыбой. В нескольких метрах от напоминающих самолетные ангары рыбных рядов стоят их близнецы, где пахнет уже не морской солью, а свежеевскопанной землей. Здесь продают овощи и фрукты, грибы и рис, соусы и приправы. Все то, что наряду с рыбой до сих пор составляет основу ежедневного питания японцев. Мясные и молочные продукты пока не могут соперничать в популярности с традиционной пищей. И дело не только в дороговизне. Мясо стоит не намного дороже рыбы. «Средняя» свинина — 1–3 тыс. иен за килограмм, говядина — 2–5 тыс., треска и морской окунь —

1,5–2 тыс. иен. Молоко иногда обходится даже дешевле какого-либо заморского напитка, скажем кока-колы. Цены на то и другое колеблются вокруг 250–300 иен за литр. Скорее сказывается сила привычки. Ведь еще полтора столетия назад мясо считалось «грязным». Его ели только «буракумины»

³, члены касты отверженных.

После 1872 г., когда император Мэйдзи снял с мяса табу, возникли «чисто японские» мясные блюда. Тончайше нарезанные ломтики говядины, тушенные в чугушке с грибами, соевым творогом «тофу», репчатым луком, листьями съедобной хризантемы в пикантном, слегка сладком соевом соусе, — это «сукияки». Те же ломтики говядины или же свинины могут стать «сябу-сябу», если их вместе с луковыми перьями, хризантемовыми листьями сварить в кипящей воде и обмакнуть в специальный соус из смеси сои, уксуса, кунжутного масла. Кусочки куриного мяса, потрохов, кожи, нанизанные на деревянные шампуры и зажаренные над горячими углями, — это «якитори», каждый кусочек которого обязательно макают в особый соевый соус, темный, густой и сладкий. А еще есть свиные котлеты «тонкацу», жареная говядина «терияки»... И все же все эти мясные блюда остаются скорее ресторанной, чем повседневной пищей. Может быть, именно поэтому гордящийся четырехсотлетней историей рынок Цукидзи так и не нашел под своей крышей места для продавцов мяса?

Но, вероятнее всего, дело как раз в острой нехватке места. Скученность, теснота, толкучка давно уже стали характерной особенностью Цукидзи. Возникший еще в 1603 г. у моста Нихомбаси, этот рынок перебрался на нынешнее, гораздо более просторное место после катастрофического землетрясения 1923 г., когда владельцам разрушенных или сгоревших лавок терять было все равно нечего. Построенный на отвоеванных у моря землях (Цукидзи переводится как «осушенная земля»), рынок был рассчитан на обслуживание примерно 8 млн жителей тогдашнего «Большого Токио». Ныне в тех же пределах живет уже почти 12 млн человек, и Цукидзи готовят ту же печальную судьбу, что постигла и воспетый Золя рынок «Чрево Парижа», — переселение.

Городские власти Токио разработали план перемещения Цукидзи на недавно осушенные земли в южной части города. Предлагаются также проекты создания рыбных «рынков-спутников» в новых, стремительно развивающихся районах столицы. Все эти предложения вызвали резкое недовольство владельцев 1200 оптовых фирм Цукидзи. Они боятся «оторваться» от Гиндзы и других центральных районов Токио, растерять наиболее денежных клиентов из дорогих магазинов, ресторанов, гостиниц. Особенно громко протестуют хозяева разбросанных в округе многих десятков небольших, но очень известных ресторанчиков. Их благополучие зиждется на высоком качестве самой свежей рыбы с Цукидзи и на тех из 50–70 тыс. ежедневных посетителей рынка, которые утоляют у них голод после небыстрого поиска нужного товара или удачно заключенной сделки.

Одни харчевни специализируются на «суси» — колобках из вареного маринованного риса, поверх которых кладут тонкие ломтики сырого тунца, кальмара, осьминога, специально приготовленную сладкую яичницу, икру лосося, морского ежа или бесчисленные иные экзотические лакомства. Другие гордятся каким-нибудь особым способом приготовления «сасими» — блюда из тонко нарезанной свежайшей рыбы. К нему обычно подают плоские тарелки с соусами и солеными овощами.

Для гурманов и любителей острых ощущений открыты двери ресторанов, специализирующихся на рыбе «фугу» (иглобрюх). Эта сравнительно небольшая, весом от одного до полутора килограммов рыба со вспученным брюхом не только удивительно вкусна. Она еще и ядовита. Против яда «фугу» нет противоядия. Особенно опасна печень иглобрюха, но смерть от вызванного ядом паралича и удушья может наступить и после

³ «Буракумин» — особая категория японцев, составляющая около 3 млн человек и подвергающаяся различным видам дискриминации. Предки буракуминов в старину занимались забоем скота, выделкой кож и другими «грязными» с точки зрения буддизма и синтоизма занятиями.

лакомства правильно приготовленными, гораздо менее опасными частями экзотической рыбы. Недаром из меню членов императорской семьи исключены все блюда из «фугу». Только специально обученные повара имеют право готовить блюда из «фугу». Лишь немногочисленным ресторанам, входящим во «Всеяпонскую ассоциацию фугу», позволено угощать готовых раскошелиться на приличную сумму гурманов. Но, несмотря на все предосторожности, любители «фугу» иногда платят жизнью за пристрастие к опасному блюду. Длинный список жертв «фугу» включает много знаменитостей — писателей, миллионеров, мастеров национальной японской борьбы «сумо», художников. Несколько лет назад от схожего с «кураре» яда «фугу» скончался знаменитый на всю страну актер театра «кабуки» Мицугоро Бандо, причисленный в последние годы своей карьеры к почетному разряду «живых национальных сокровищ».

Садаясь за стол с целой чередой блюд из «фугу», знаменитые и простые гурманы надеются, что в самые опасные первые 30 минут после трапезы они не почувствуют, как начинают неметь губы, а затем и все тело. Что они смогут со смехом процитировать великого поэта Басе, который написал такой короткий стих: «Вчера я

насладился «фугу» и супом из нее, к счастью, ничего не случилось». Но ведь есть и иное известное стихотворение: «Минувшей ночью мы ели «фугу» с приятелем, а сегодня я помогаю нести его гроб».

...Днем и ночью людские волны одна за другой накатываются на рынок Цукидзи. Из года в год «Чрево Токио» насыщает жителей огромного города.

Оазис старого Эдо — Асакуса

Ценители традиций «Великого Эдо», которых немало среди жителей нынешней японской столицы, очень любят лежащий к северу от центра район Асакуса. Любят за солидность, уравновешенность ритма жизни. Любят за все еще преобладающую двухэтажность кварталов, застроенных деревянными домами под черепичными крышами. За фантастически красивые фейерверки в день поминовения усопших, расцветивающие пышущее жаром июльское небо огненными шарами, цветами, шутихами. И конечно же за шумные и веселые праздники «мацури», когда одетые в хлопчатые куртки с затейливо выписанными иероглифами, раскрасневшиеся от выпитого сакэ и волнения проходят «дети Эдо» с переносными часовнями.

Ухают большие барабаны, раскатывается дробь барабанов поменьше. Взвалив на плечи толстые жерди, на которых покоится тяжеленное резное сооружение «ми-коси», участники празднества в такт движению хором выкрикивают «ва-сёй», «ва-сёй», что-то похожее на «Эй, ухнем!». Почти каждый квартал Асакусы имеет свой собственный храм, а в нем — часовню «микоси», свою собственную группу носильщиков-танцоров, свои особые форменные куртки. Между кварталами из года в год, из праздника в праздник идет негласное соперничество — чьи «микоси» затейливее и краше, чьи танцоры прокричат громче, кто сможет сохранить самый веселый и беззаботный вид, пританцовывая или даже подпрыгивая под многопудовой ношей.

Остротой соперничества, яркостью костюмов, возбуждающей атмосферой подлинно народного празднества «мацури» Асакусы напоминают знаменитые карнавалы Рио-де-Жанейро. Недаром они считаются законодателями мод для бесчисленных храмовых и прочих праздников других районов Токио, соседних префектур. Начавшие было умирать в послевоенные годы «мацури», вобравшие в себя коллективизм, уважение традиций, способность к переключению от упорного труда на беззаботное веселье и многие другие черты японского характера, ожили не в последнюю очередь благодаря транслировавшимся на всю страну телепередачам о красочных шествиях Асакусы.

Асакуса прекрасна в праздник, но она хороша и в будни. Как много можно узнать о национальном характере, о корнях экономических и технических успехов Японии, просто гуляя по улицам, которые застроены мастерскими кустарей, небольшими заводиками, лавками традиционных изделий народных промыслов. Самозабвенная работа без счета времени, полная отдача делу, ставшему смыслом жизни и способом самовыражения, а не

просто источником заработка, — таковы впечатления от наблюдений за ремесленниками, которые, как правило, трудятся на виду прохожих, за открытыми дверями мастерских-лавок.

Вот выставил свой товар резчик вывесок для магазинов и ресторанчиков. Вырезанные и выпуклые иероглифы разных стилей — строгие «уставные», волнистые «голо-вастиковые», захватывающие дух надписи мастеров каллиграфии, сделанные одним росчерком одухотворенной кисти. Доски всех размеров, форм, сортов дерева, подчеркнута натуральные, тщательно отлакированные, позолоченные...

Из соседней двери пахнет деревенским сеновалом — здесь делают циновки «татами». Пожилой мастер, продолжая «сшивать» пучки соломы толстой иглой с нитью, охотно поговорит с покупателем или просто с любопытствующим прохожим, предложит выпить зеленого чая из постоянно кипящего на медленном огне пузатого медного чайника.

Мастерскую-лавку традиционных хлопчатых полотенец «тэнугуи» видно еще издали по необычайно красивой

входной занавеске «норэну». Собственно говоря, здесь можно купить или заказать на свой вкус как то, так и другое типично японское изделие. Полотенца украшены пейзажами, изящными орнаментами, иероглифами, рисунками кукол, масок и театральных персонажей. Сугубо утилитарные по предназначению, они воспринимаются в то же время как произведения искусства. По существу, они таковыми и являются. Разница между «тэнугуи» и восхищающими весь мир гравюрами «укиё» лишь в материале, на который переносится рисунок. В первом случае — на ткань через соответствующие каждому цвету бумажные трафареты, а во втором — с гравировальных досок на бумагу. Как полотенца, так и гравюры печатаются малыми сериями. И те и другие были рождены в тесных мастерских плебейского «нижнего города» и лишь сравнительно недавно стали цениться как произведения искусства. Еще сто лет назад коллекционирование «укиё» считалось в Японии одним из чудачеств иностранцев. Еще и сейчас японцы посмеиваются над охотящимися за «тэнугуи» туристами, но, на всякий случай, тоже скупают полотенца «про запас»...

Угроза семейному бюджету таится буквально на каждом шагу. Как не сделать покупку в скобяной лавке, переполненной всевозможными ножами для разделки рыбы, мяса, овощей, разнообразными ножницами, пилами, резцами, топорами. А разве можно удержаться и не купить детям традиционные игрушки — волчки, летающие бамбуковые пропеллеры? Если кошелек пустоват, то лучше обойти стороной мастерские дорогих парадных кимоно и поясов к ним «оби», отвести душу в лавочках с веерами или бамбуковыми зонтиками.

В одном из переулков Асакусы мои японские знакомые как-то показали невзрачное на вид, но весьма знаменитое ателье художника, для которого холстом служит кожа заказчиков, готовых заплатить немалые деньги и вытерпеть боль ради своеобразного удовольствия покрыть свое тело затейливыми композициями-татуировками. Татуировки в нынешней Японии обычно ассоциируются с гангстерами «якудза» или женщинами из «веселых кварталов». В старину же ими увлекались в основном носильщики, каменщики, плотники и представители других профессий, работавших большую часть года полуодетыми под открытым небом. Особыми татуировками клеймили преступников. Орнаменты со скрытыми в них именами самых любимых мужчин наносили на свое тело гейши и куртизанки.

Достигшее уровня настоящего искусства мастерство татуировщиков поражало первых иностранцев, ставших проникать в Японию после крушения изоляционистского режима. В числе пожелавших увезти на память разноцветную японскую татуировку называют имена английского короля Георга V и русского царя Николая II, которые побывали в Стране восходящего солнца, будучи еще наследниками престола.

Ямада-сан, хозяин мастерской, объяснил, что создание крупной татуировки, покрывающей, к примеру, одну только спину, занимает несколько лет и обходится заказчику примерно в миллион иен. Он с жаром отрицал, что среди клиентов большинство составляют гангстеры. «Я помогаю настоящим ценителям многовековой традиции, среди которых мужчины и женщины, поденные рабочие и богатые бизнесмены, полицейские и гангстеры, студенты и таксисты». В правоте Ямада-сан можно убедиться, посетив любую из

общественных бань, с древности выполняющих роль квартальных клубов. Если повезет, то вовсе не похожий на гангстера мужчина горделиво продемонстрирует многоцветные композиции, объяснит, кто из героев классических китайских романов сражается с нечистью на спине, какая старинная красавица украшает грудь. А сколько восхищенных возгласов вызывают группы почти полностью нагих, степенно вышагивающих «живых картин» во время «мацури»!

Как раз к концу беседы со знаменитым татуировщиком на улице послышались удары барабана и звон гонгов. Распрощавшись с Ямада-сан, мы успели догнать толпу детишек, сопровождавших бродячих музыкантов «тиндонья». Собственно говоря, «тиндонья» не только музыканты, наигрывающие несложные веселые мелодии на флейте, барабане и гонге. Как явствует из самого названия, они производят «динь-дон». А в это расплывчатое понятие входит очень многое. «Тиндонья» должны носить яркие, почти что клоунские наряды. Обычно впереди с гонгом на поясе вышагивает мужчина в утрированно самурайском наряде и парике с выбритым лбом. За ним, ударяя в барабан, движется «гейша», с лица которой, кажется, вот-вот начнут отваливаться куски грима. Замыкает шествие кларнетист в подчеркнуто западном костюме — пестрой рубашке, бейсбольной кепке, темных очках. «Тиндонья» должны уметь исполнять хотя бы несложные танцевальные номера, показывать фокусы. Вся эта развлекательная программа служит рекламой и оплачивается владельцами небольших магазинов, содержателями клубов любителей азартных игр, а чаще всего — усеявших всю Японию залов с игральными автоматами. На спине «тиндонья», встреченных в Асакуса, были укреплены щиты с названием новой лавки по продаже муляжей ресторанной пищи. Присоединившись к толпе взрослых зевак и визжащих от удовольствия детишек, мы подошли к дверям только что открывшегося заведения. Музыканты с особой силой ударили в гонг и барабан, пустились приплясывать и раздавать листовки с приглашением посетить нанявшую их лавку.

Принявший приглашение вряд ли будет разочарован. Витрины и прилавки уставлены искуснейше сделанными пластмассовыми копиями всевозможных блюд японской, китайской, европейской кухни. Испокон веков японские ресторанички выставляли в витринах муляжи, позволявшие еще с улицы познакомиться с меню и ценами. На смену старинным, восковым копиям пришли современные пластмассовые. Даже не верится, что все эти столь аппетитные на вид подносы с красиво разложенным рыбным ассорти, тарелки с яичницами, ростбифами, миски китайской лапши, кружки с готовой хлынуть через край пивной пеной — фальшивая снедь. Над ними явно потрудились настоящие мастера своего дела. «Мы можем делать муляж любого блюда, — не без гордости говорил хозяин лавки. — Все, что для этого надо — образец и три дня работы. Конечно, особо сложные заказы выполняются дольше. Например — «свадебные торты». Чем-то напоминающее по форме многоэтажное здание Московского университета белоснежное сооружение в рост человека красовалось на самом почетном месте. Оно привлекало большой интерес покупателей. Конечно, торт пластмассовый не на все сто процентов. В нем остается полая часть для заполнения настоящим тортом. Вся проблема в том, как отличить две неодинаковые на вкус, но почти неразличимые на вид части. Иногда, утверждают злые языки, взволнованные женихи путают копию с оригиналом и начинают делать ритуальный надрез вовсе не в том месте...

В двухэтажных кварталах Асакусы есть место для всего: овеянных легендами старинных храмов, вызывающих восхищение лавок и мастерских традиционных ремесел, работающих чуть ли не круглые сутки закопченных кустарных цехов, собирающих ценителей искусства прошлых веков театров, оживающих по вечерам заведений сомнительной репутации. То новое, что приходит в Асаку-су, далеко не всегда лучше старого. Знаменитый музыкальный театр «Кокусай гэкидзё», например, уступил свое место изуродовавшему всю округу 25-этажному зданию гостиницы средней руки. Угроза нависла над десятками небольших театриков, которые ведут отчаянную борьбу за выживание, за сохранение престолярных представлений. Эти театрики напоминают форты, окружившие

осажденную крепость. Падут они, и думающий только о спекуляции землей корыстный «противник» доберется и до оплота Асакусы, ее сердца — огромного буддийского храма Сэнсодзи, посвященного богине милосердия Каннон.

Удивительная популярность храма Сэнсодзи, чье название читается еще и как Асакуса, объясняется целым рядом причин. Японцы, как и многие другие народы, почитают старину, приписывают древним реликвиям чудодейственную силу. А храм Сэнсодзи — очень, очень старинный. По преданию, его основали во второй половине VII в. три брата-рыбака, выловившие в протекающей неподалеку речке Сумида статуэтку богини Каннон. Крохотная, умещающаяся на ладони фигурка и поныне хранится в глубине главного павильона почти 30-метровой высоты. По каменным ступеням ежедневно проходят тысячи людей, пришедших просить помощи у могущественной богини.

Жители Токио с особой силой уверовали в волшебные силы Каннон и ее храма, когда величественный одноэтажный павильон цвета киновари стал одной из немногих уцелевших построек во время катастрофического землетрясения и пожаров 1923 г. Правда, даже всемогущая Каннон не смогла уберечь свой храм от американских бомбежек весны сорок пятого. Только главный павильон восстановили в первоначальном виде. Пятиярусная пагода и некоторые другие здания храмового комплекса были заново отстроены, но уже из бетона. Это, однако, нимало не смущает богомольцев, привыкших к регулярному обновлению и замене частей традиционных японских храмов. Они с прежней неутомимостью швыряют монетки, хлопают в ладоши и кланяются перед пагодой, зачерпывают пригоршни «целебного» дыма из огромной бронзовой курильницы, кормят стаи голубей, подают милостыню калекам, одетым в форму императорской армии времен минувшей войны.

Прямо на территории буддийского храма Сэнсодзи действует и обширная синтоистская кумирня. Никого это не удивляет — ведь большинство японцев считают себя одновременно и буддистами, и синтоистами. Рождение ребенка и свадьбу обычно отмечают по синтоистскому обряду, призывая благословение чисто японских божеств «ками». А вот похороны всегда буддийские. Ведь Будда может помочь душе покойного «переродиться», снова появиться на Земле, хотя и в другом обличье. В лишенной религиозного фанатизма и непримиримости японской душе есть место и для других верований — растет число мусульман, иудаистов, христиан (в том числе православных), самым веселым праздником для верующих в разных богов и неверующих стало рождество.

В толпе посетителей Асакусы всегда много молодых лиц. «Асакуса с ее храмами, праздниками и традиционными ремеслами помогает нам оставаться японцами, — объяснил мне как-то предводитель группы студентов, пришедших молиться об успехе на экзамене. — Традиции служат тем плодородным слоем почвы, без которого немислим устойчивый рост нации в век роботов, компьютеров и техностресса. Смети этот слой, и окажешься в подверженной губительным засухам пустыне...» Нет, недаром Асакуса так мила сердцу столичных жителей и специально приезжающих побродить по ее закоулкам провинциалов. Не зря ни один путеводитель по Токио, ни один туристский маршрут не обходят ее стороной.

Но ведь у района, чья «специальность» состоит в сохранении национальных корней, есть примечательные соседи. Пусть они не значатся в путеводителях, пусть не видно на их улочках начищенных до блеска туристских автобусов. Но каждый из них тоже продолжает давнюю традицию, играет свою роль. Без них токийская мозаика была бы явно неполной, обманчиво праздничной и чересчур экзотичной.

Так, например, буквально в нескольких десятках метров к северу от храма Сэнсодзи начинается Йосивара, знаменитая Йосивара, воспетая многими поколениями поэтов, писателей, художников. Вот уже более трех столетий приглашение «сходить на Поля счастья», как переводится название этого района, означает одно — отправиться в «веселый квартал». С самого основания Эдо его население состояло преимущественно из мужчин: самураев, строительных рабочих, ремесленников. Проблема нехватки женщин решалась за счет создания «веселых кварталов». Сначала они располагались невдалеке от замка правителя, но затем блюстители нравственности решили изгнать представительниц

древнейшей профессии на окраину города.

На заболоченных полях Йосивары возник городок затейливых павильонов, в чьих занавешенных окнах по вечерам появлялись силуэты грациозных созданий с высокими прическами. Уютные чайные домики наполнялись посетителями, за чашкой душистого напитка обсуждавших с посредниками программу и стоимость ночи развлечений. Программа эта вовсе не сводилась к плотским утехам. Секс сам по себе никогда не был окружен в Японии притягательностью «запретного плода». Японцы, не знакомые с иудейско-христианским понятием «греха», всегда рассматривали физическую близость как обычную физиологическую функцию, подобную дыханию, приему пищи, ходьбе.

Куртизанки, особенно наиболее дорогие, соперничали в известности с самыми прославленными гейшами, были зачастую великолепными поэтессами, танцовщицами, каллиграфами, художницами, мастерицами икебаны и чайной церемонии, виртуозно владели музыкальными инструментами. Под стать им были и многие завсегдатаи этих мест: богатые купцы, известные артисты, художники, чиновники и даже придворные. Для них Йосивара была вторым, а может быть, даже первым «я». Ведь за ее стенами и обсаженными ивами воротами не действовали строгие и мелочные законы военного режима, рушились непреодолимые сословные барьеры. Нередко случалось, что бесправная куртизанка отвергала ухаживания всесильного аристократа и предпочитала ему художника или актера, чей социальный статус в эпоху Токугава был ненамного выше преступников и падших женщин. Зачастую купцы и ремесленники посрамляли знатных самураев роскошью нарядов и богатством подарков. Йосиваре в период ее расцвета многим обязаны театр «кабуки», гравюры «укиё», литература и музыка, традиционные ремесла и виды спорта.

О том, как выглядела Йосивара, ее обитательницы, обитатели и гости, можно узнать, посетив любую выставку старинных гравюр. О бесконечных любовных драмах, разыгрывавшихся на «Полях счастья», узнаешь из романов и театральных представлений. Вот как писал о знаменитом квартале литератор Каору Осанаи: «Нетрудно понять, почему драматурги Эдо так часто выбирали Йосивару местом действия своих пьес. Она была музыкальным центром, законодательницей мод. Наряды куртизанок и их клиентов соперничали в яркости цветов, изысканности фасонов. А чистота звука сямисэнов

⁴, сопровождавших выход дам, а тихая грусть старинных музыкальных школ... Старая Йосивара была истинным центром общества. Аристократы — «даймё» с их миллионами, храбрецы, чьи похождения обсуждал весь город, знаменитые грабители домов богачей-все они собирались в Йосиваре».

Нынешняя Йосивара мало чем напоминает свою знаменитую предшественницу. Сохранились лишь ива у входа на главную улицу да еще старинный храм Дзёканд-зи, известный также под названием «Свалка». В этот храм в полном смысле слова выбрасывали состарившихся и больных куртизанок. Небольшое кладбище при храме могло бы поведать немало страшных историй о загубленных молодых жизнях, о проданных в «веселые дома» дочках бедных крестьян и мастеровых, о голодных смертях некогда знаменитых куртизанок.

Бледной копией заведений старой Йосивары служит ресторан «Мацубая», где каждый вечер разыгрывается представление для туристов. Разряженная в пух и прах актриса, изображающая куртизанку высшего ранга, выходит на сцену в окружении пышной свиты. Выбрав кого-либо из гостей, она церемонно угощает его сакэ, раскуривает ему длинную трубку. Затем начинается программа традиционных песен и танцев, дегустация всевозможных яств и напитков. Но вот шоу закончено, гости выходят на залитую светом неоновых реклам улицу.

Невольно настроившись на меланхолический лад воспевших Йосивару гравюр Хиросигэ и Хокусаи, романов Кафу и пьес «кабуки», испытываешь глубочайшее разочарование, чувствуешь себя обманутым. Ведь нынешняя Йосивара превратилась в

⁴ Заимствованный из Китая музыкальный щипковый инструмент наподобие лютни.

заурядное предприятие «индустрии наслаждения», каких много в каждом японском городе.

Как и все другие районы проституции, нынешняя Йосивара контролируется хорошо организованными синдикатами гангстеров. Они поставляют публичным домам «живой товар»: убежавших из дома школьниц, вынужденных «подрабатывать» студенток из малообеспеченных семей, попавших в кабалу к ростовщикам домохозяек. Несмотря на официальный запрет в 1958 г. проституции, Йосивара без особых проблем продолжает 300-летнюю традицию «Полей счастья», хотя и в несравненно более примитивной и откровенной форме.

Санья — «Долина нищеты»

Еще выше к северу от пятирусной пагоды Асакусы, еще ниже на социальной лестнице лежат кварталы «Санья». Романтическое название «горная долина» носит район самой бедной токийской бедноты, подлинное «дно» японской столицы. У Санья нет ни начала, ни конца. Очертить ее границы так же трудно, как найти линию раздела между крайней нуждой и полной нищетой. Йосивара на юге. Кольцевая дорога Мэйдзи-дори и «Мост слез» на севере. Довольно грязная речка Сумида на востоке. Таковы сопредельные с Санья приметные места. Роль «пограничных постов» этого царства нищеты выполняют многочисленные полицейские посты, специально укрепленные на случай нередких в «горной долине» беспорядков.

Попав в Санья, не сразу ощущаешь разницу с «обычными» небогатыми районами как бы нанизанного на реку Сумида «нижнего города». Те же лишённые тротуаров узкие улочки, двухэтажные домишки, маленькие закусочные и питейные заведения, крохотные мастерские с двумя-тремя работниками. Те же груды черных виниловых мешков с мусором, те же запахи бедности. Ощущение необычности приходит лишь после встреч с обитателями «горной долины». Вот из-под кучи газет показывается босой, одетый в лохмотья не старый еще мужчина.

Он присоединяется к двум другим бродягам, роющимся в пластмассовых урнах с отбросами. На нагретом солнцем асфальте разлеглись группами по двое-трое столь же плохо одетые люди разного, но преимущественно пожилого возраста. Кто неторопливо рассматривает замусоленные журналы комиксов, кто ведет неспешную беседу, кто просто бесцельно озирает окрестности. Эти люди явно проводят много времени под открытым небом — у всех обветренные, покрытые темным загаром лица. На них проступают воспаленные глаза, многодневная седая щетина.

Поражает даже не сам вид бедствующих, опустившихся людей. В столице их можно встретить повсюду — у витрин дорогих универмагов и ресторанов Гиндзы, в лабиринтах подземных переходов «города небоскребов» Синдзюку, в парках и на придорожных скамейках. Там они резко выделяются на фоне вечно торопящихся, озабоченных и аккуратно одетых токийцев. В Санья же никто никуда не торопится. Здесь не заботятся о своей внешности и одежде. Никому уже не надо доказывать, что тебе лучше или, по крайней мере, не хуже, чем соседу. Жизнь не по правилам — главное правило в Санья. Его-то и придерживаются постоянно обитающие там 9 тыс. обездоленных.

«Как попадают в Санья? Существует ли отсюда путь обратно?» Эти вопросы я задал группе людей среднего возраста, сидевших у входа в небольшой буддийский храм и сосредоточенно разглядывавших выставленную на просушку ветхую обувь. Потребовав и получив небольшой гонорар за интервью, отвечать начал явно пользовавшийся наибольшим авторитетом мужчина в куртке строительного рабочего. Тора-сан, Тигр, как почтительно называли его мои собеседники, начал с собственной истории. Будучи студентом одного из частных университетов Токио, он активно участвовал в движении протеста против заключения нового японо-американского «договора безопасности». Во время одной из демонстраций Тигр был арестован и обвинен в нанесении увечья офицеру полиции. Выйдя из тюрьмы, он решил не причинять «бесчестья» семье и начать новую жизнь. Сначала

работал в небольшой торговой фирме, но после ее банкротства не смог найти «чистой» работы и пошел на стройку чернорабочим. Перебрался в Санъя, спит в ночлежке, когда есть деньги, или под открытым небом. Выбраться отсюда не надеется. «Мне уже скоро 50, кому я нужен там, где и молодым

нелегко устроиться. Здесь иногда можно получить работу, здесь у меня друзья».

Истории товарищей Тора-сан оказались менее экзотичными и были похожи одна на другую. Земляки, выходцы из северной префектуры Акита, одной из беднейших в Японии. Отправились в Токио искать работу. Неплохо зарабатывали на стройках до «нефтяного шока» (резкого повышения цен на жидкое топливо) 70-х годов. А потом работу находить стало все труднее и труднее. Семьям пришлось вернуться в деревню. Постепенно родственные связи нарушились, и сейчас о них напоминают лишь поздравительные открытки. Уехать из Токио, выбраться из Санъя? Разве что в следующей жизни, да и какая разница, где перебиваться случайным заработком?

Санъя словно магнит притягивает к себе обездоленных не только своими самыми дешевыми в Токио ночлежками. И не только возможностью общения с равными себе. Главная причина — надежда получить хоть какую-то работу. По многолетней традиции «горная долина» служит главным поставщиком поденщиков на самые тяжелые и грязные работы в столице и ее окрестностях. Работы, на которые соглашаются только попавшие в безвыходное положение люди.

Биржа труда Тамахимэ, одна из двух обслуживающих Санъя, каждое утро напоминает осажденную крепость. Ко времени открытия она окружена толпой в несколько сот человек. Кто-то провел перед дверями всю ночь — их свернутые матрасы и картонные подстилки сложены у одной из стен. Другие оставили скарб в ночлежках или под скамейками парков. В 6.45 заветные двери распахиваются. Но сегодня, как и вчера, как уже много дней и месяцев подряд, посчастливилось лишь кучке. Полтора десятка человек с бланками направлений в руках устремляются из общей сутолоки. Даже в лучшие дни, когда погода благоприятствует строительным и дорожным работам, биржи могут помочь лишь нескольким десяткам из примерно 7 тыс. стоящих из года в год на учете безработных.

Правда, у нуждающихся в работе есть еще и другие «помощники». Коротко остриженные молодцы с водруженными на испито-красные лица темными очками стоят небольшими группками в стороне от биржи труда. Это гангстеры. Наряду с организацией и эксплуатацией проституции, торговлей наркотиками, вымогательством одним из источников их доходов стало снабжение дешевыми руками строительных и портовых компаний, нередко связанных с бандами. Гангстеры берут «комиссионные» как с нанимателей, так и с поденщиков. Тора-сан объяснил мне, что он отдает две из шести тысяч заработанных за день иен «сэнсэям» — «наставникам», как предпочитают называть себя гангстеры. Но иного выхода нет. Ведь в переулках Санъя, особенно в зимние месяцы, нередко находят окоченевшие трупы умерших от холода, голода и болезней. Голодные и бездомные готовы работать на любых условиях. И вот уже стайки безработных окружили «наставников». Вот уже начинают отъезжать набитые завербованными микроавтобусы.

Гангстеры наживаются на поденщиках, не только «помогая» им найти работу. Бандиты помоложе обирают пьяных и заснувших на улице. Шулера же очищают карманы «разбогатевших» за столами азартной игры «мацзян», куда их нередко силком притаскивают все те же «наставники». Глубокая ненависть поденщиков к своим грабителям регулярно прорывается наружу. В ноябре

1983 г. токийские газеты писали о «восстании у Моста слез». Тогда был перевернут и сожжен микроавтобус «наставников». 700 поденщиков забрасывали гангстеров и прибывших на место происшествия полицейских бутылками, камнями и горящими хлопушками. В конце декабря

1984 г. переполняющие Санъя гнев и отчаяние снова выплеснулись наружу. На сей раз поводом для выступления стало убийство кинорежиссера, снимавшего документальный фильм о «долине нищеты». Один из гангстеров якобы «принял его за профсоюзного

активиста» и несколько раз ударил ножом в спину. Несколько сот поденщиков в знак протеста против связей гангстеров с «блюстителем порядка» атаковали полицейский участок, используя на этот раз не только камни, но даже бутылки с зажигательной смесью. Был сожжен автобус, припаркованный у полицейского участка. В январе 1986-го — новое убийство, на сей раз безошибочно выбран активист защиты прав поденщиков. Новые демонстрации, стычки с полицией, аресты. Февраль 1987-го — на моих глазах происходит столкновение специальной полиции и поденщиков, требовавших изгнания из Санъя «наставников»...

Гангстеры, шулера, хозяева ночлежек и продавцы дешевой выпивки точно пиявки сосут соки из поденщиков и прочих обитателей Санъя. Но не они приковали цепями безработицы тысячи работоспособных людей к «долине нищеты», как стоило бы переименовать «горную долину».

Главный виновник — современное японское общество. Это то самое общество, которое сделало популярными мифы о принадлежности подавляющего большинства японцев к «среднему классу», об «общности судьбы всех пассажиров корабля «Япония». На самом же деле это общество напоминает ту самую многоярусную пагоду, которой любуются посетители храма Сэнсодзи. Верхние ярусы могут существовать, только опираясь, давя на нижние. «Большой бизнес» обеспечивает сносные условия жизни и труда привилегированной части трудящихся за счет остальных 70 %. Но и те, кто работает больше, а зарабатывает меньше, знают, что многим живется еще хуже. Превышающая несколько лет подряд полуторамиллионную отметку армия «официальных» безработных. Миллионы тех, кто сумел проработать хотя бы час в течение месяца и потому попал в число «трудоустроенных». 50 тыс. поденщиков, разделяющих участь жителей токийского района Санъя, иокогамского Котобуки-тё, осакского Айрин и других «долин нищеты», разбросанных по всей Японии. Несчитанные бродяги и юродивые. Они выполняют важную для «большого бизнеса» экономическую и социальную роль, одним своим видом и существованием ежедневно, ежечасно напоминая обитателям расположенных чуть выше ярусов о необходимости работать еще усерднее, еще покорнее повиноваться приказам с капитанского мостика «корабля Ниппон-мару».

Из «горной долины» нет возврата. Но зато попасть туда так легко!

Миллионы — в «крольчатниках»

Каждое утро токийские подписчики газет получают вложенные в и без того пухлую стопку многостраничных изданий десятки рекламных листов. Помимо приглашений на сезонные распродажи, в салоны красоты или открывшийся по соседству ресторан примерно половина рекламок предлагает купить или снять комнату, квартиру, дом. Заманчиво выглядят фотографии аккуратных особнячков, внушительных многоквартирных зданий и целых микрорайонов из пятиэтажек-близнецов. Рекламные листки снабжены подробными планами квартир, схемами окрестностей и транспортных артерий, описанием соседних школ, больниц, магазинов. Может сложиться впечатление, что в Японии жилищная проблема сводится только к выбору района города, типа здания и стиля комнат — европейского или японского, с полом из циновки «татами». Увы, такое впечатление ошибочно, в чем убеждают не только редкие визиты в дома японских знакомых. И даже не только многочисленные газетные статьи и выступления политических деятелей, в которых жилищный кризис называется самой острой национальной проблемой, а жилища сравниваются с крольчатниками. Острая и хроническая нехватка жилья повлияла на складывание особого городского образа жизни, как будто специально рассчитанного на то, чтобы проводить дома как можно меньше времени.

...Окончен трудовой день. Но мало кто устремляется к домашним очагам. Большие и маленькие группы деловитых мужчин разбредаются по районам развлечений, которые примыкают практически к каждой станции метро и городской железной дороги. Служащие

рангом повыше заходят в дорогие рестораны, где развлечение идет за казенный счет и во славу фирмы. Большинство же рассаживается плотными рядами в дешевых закусочных. Заполняются многочисленные павильоны с игральными автоматами, кофейни, чайные, пивные. Заказав миску сваренной в супе лапши, несколько палочек шашлыка из курятины или просто чашку кофе, люди сидят часами, обсуждая новости, смотря телевизор. Таким образом удовлетворяется потребность в общении, которую не утолишь на работе. А пригласить в свой «крольчатник» — значит «потерять лицо», ведь приличным жильем могут похвастаться немногие. Даже в воскресенье семьи стремятся уехать как можно дальше от собственного тесного дома.

Все меньше времени уделяет дому и та половина японских женщин, которая не хочет или не может найти работу. Проводив мужа на работу, а детей в школу или детсад, покончив с утренними хлопотами, домохозяйки отправляются по магазинам в поисках дешевых распродаж. Для многих это стало даже не столько экономической необходимостью, сколько чем-то средним между хобби и манией, помогая убивать свободное время и убегать от одиночества в пустой квартире. Одиночество неработающих женщин эксплуатируют бесчисленные платные школы кимоно, икебаны, чайной церемонии, йоги, аэробики, китайской гимнастики «тайкикэн», а также религиозные кружки, секты. Свою продукцию все настойчивее адресуют домохозяйкам производители сигарет, алкогольных напитков.

Только поздним вечером происходит встреча семьи у домашнего очага. И тогда особенно чувствуется скученность, отсутствие жизненного пространства, невозможность уединиться. Теснота «крольчатников» помогает популярности «отелей любви», выросших как грибы в каждом городе и превратившихся в отрасль экономики с ежегодным оборотом в 4 трлн иен! Услугами этих многочисленных отелей, сдающих номера на несколько часов, пользуются вовсе не одни лишь пылкие любовники. По данным руководителей новой «отрасли экономики», значительную часть клиентуры составляют супружеские пары, которые ищут уединения, невозможного в перенаселенных домах и квартирах.

Конечно, времяпрепровождение в увеселительных кварталах, «охота» даже на самых дешевых распродажах, посещение платных школ и кружков обходятся недешево, увеличивают расходную часть семейного бюджета. Но расходы эти не идут ни в какое сравнение со средствами, необходимыми для приобретения или хотя бы аренды просторного жилья. То же самое относится и к таким символам принадлежности к пресловутому «среднему классу», как цветной телевизор, видеомэгафон, стереосистема, холодильник, кондиционер, персональный компьютер и «семейный» автомобиль среднего класса. Их общая стоимость в лучшем случае равна цене пяти-шести квадратных метров собственной жилплощади.

Считается, что «жилищная биография» типичного японца состоит из трех глав. Вступив в трудовую жизнь, он селится в общежитии компании либо снимает небольшую квартиру. В Токио снять квартиру из одной комнаты площадью 6–8 «татами» (японцы до сих пор измеряют площадь своих жилищ числом «татами» — циновок длиной 184 и шириной 94 см), крошечной кухни и санузла обходится примерно в 60 тыс. иен. Молодой рабочий или служащий, в том числе и выпускник университета, редко получает на первых порах больше 130–150 тыс. иен в месяц. Следующая глава открывается лет через восемь — десять, когда японскому мужчине «полагается» жениться. (Для женщин лучшим временем для брака считается период от 23 до 25 лет.) Молодожены стремятся сразу же приобрести собственную квартиру из двух-трех комнат, кухни-столовой и санузла. В Токио такое жилье в многоквартирном доме на далекой окраине стоит 20–30 млн иен, и сразу выложить такую огромную сумму практически невозможно. Обычно сбережений обоих молодоженов и взятых в долг у родителей денег хватает лишь на первый взнос — 10 млн. Остальные иены приходится собирать на стороне — в частных банках или у полугосударственной жилищной корпорации, которая взимает «только» 5,5 % годовых, что почти вдвое меньше, чем частные банки, — 8,5 %. Затем начинается выплата долга и процентов, что обходится примерно в 100 тыс. иен ежемесячно и растягивается, как правило, на 20 лет, все это время пожирая

20–30 % семейного бюджета.

Можно, конечно, не покупать, а просто арендовать квартиру. Поначалу это обойдется дешевле. Помещение площадью 10 «татами» в деревянном домике где-нибудь в окрестностях Токио будет стоить 30–35 тыс. иен в месяц. Побывав в гостях у своего знакомого в такой квартире, пропитанной запахами преюющих матрасов и книг, я понял, почему он вскоре решил превзойти свои финансовые возможности и перебраться в современную трехкомнатную квартиру в многоэтажном доме. Ему пришлось заплатить залог — 360 тыс., а еще квартплату за три месяца вперед — 270 тыс. На этом траты вовсе не прекратились. Надо ведь еще платить за электричество, газ, водопровод, горячую воду, канализацию. Отдельная плата взимается за содержание здания, прилегающих участков и крошечного садика перед домом, за лифты, освещение коридоров и холла, за стоянку машин, мотоциклов и велосипедов. Эти дополнительные поборы отнимают 40–100 тыс. иен в месяц, еще больше — зимой. И все же аренда жилья становится все более популярной среди людей, распрощавшихся с мечтой о собственном доме, осознавших невозможность многолетней выплаты колоссальных долгов. Но что ждет эти семьи в будущем? Ведь в 55–60 лет главу семьи уволят на пенсию. Хорошо, если подросшие дети не оставят стариков.

Третья глава «жилищной биографии» повествует о мечте приобрести собственный дом. Мечте, которая все реже становится явью. В 1981 г. строительство двухэтажного деревянного дома в довольно малопрестижном столичном районе Ота обошлось моему знакомому журналисту в 60 млн иен (16 млн за сам дом и 44 млн за участок земли в 110 м²). При встречах он неизменно упоминал о тяжком бремени выплаты взятых в долг денег, но и радовался своевременности разорительной покупки — с той поры стоимость земли возрастала ежегодно от 10 до 30%! Средняя цена квадратного метра столичной земли на 1 июля 1987 г. достигла 890 тыс. иен. Правда, дом можно построить подальше от центра, на окраине, на дальней окраине, в соседней префектуре. Тогда покупка обойдется не в 13–14, а в 11–12 годовых доходов «средней» семьи. Но стоит вспомнить, что совсем недавно, в середине 70-х годов, семи годовых доходов рабочей семьи хватало, чтобы обзавестись хотя и скромным, но все же собственным домом. Именно в ту пору резко выросло число людей, живущих в собственных домах, составляющее ныне примерно 60 % японцев. Набирающий темпы рост цен на землю делает мечту о собственном доме все более призрачной.

Дорого — только одно из трех слов, которыми характеризуется обстановка с жильем. Второе слово — далеко. Рабочие и служащие крупных городов ездят на работу из пригородов и так называемых «спальных городов» окрестностей. По данным министерства строительства, большинство жителей столичного района Токио Канто в середине 80-х годов ежедневно тратили на дорогу до работы и обратно полтора часа, а треть из них — от двух до четырех часов. Подсчитано, что за время поездки в переполненном транспорте «сжигается» больше калорий, чем за целый рабочий день. Вернувшись с работы, мужчины зачастую не в силах поиграть с детьми, помочь по дому, приласкать жену.

Третье слово — плохо. Его употребляют как в отношении жилищной проблемы в целом, так и ее отдельных сторон. Правительственное обследование установило: 46 % японцев недовольны своими жилищными условиями, причем в Токио и Осака этот показатель еще на 5 % выше. Почти две трети глав семейств жаловались на плохие звукоизоляцию и защиту от холода, на убогость кухонь, ванных комнат и туалетов. Почти все японские дома, в том числе и современных проектов, и вправду позволяют с раннего утра до поздней ночи «наслаждаться» всеми звуками в округе. А горожане вовсе не склонны беречь уши и нервы друг друга.

По старой традиции японские архитекторы редко учитывают и необходимость беречь тепло. О деревянных домах и говорить нечего: электронагреватель или керосиновая горелка не спасают от холодов, иногда видишь, как у людей даже дома изо рта идет пар. Но и в современном жилище очень редко бывает центральное отопление, лишь в дорогих домах устанавливают централизованную систему кондиционирования воздуха, сравнительно недавно стали утеплять не слишком-то и «мощные» стены домов.

Большое недовольство справедливо вызывает состояние канализации. Только треть японских семей (37 % в 1987 г.) может похвастаться этим удобством. Роскошью считается и горячая вода из крана. Хозяйки готовят на миниатюрных плитах с двумя газовыми горелками. Семьи пользуются крошечными ваннами с водой, лишь слегка подогреваемой зимой. Только половина городских улиц имеет тротуары, солнечный свет гостит далеко не в каждом городском доме, несколько горшков с карликовыми деревьями, цветками на крыше или вдоль стен заменяют практически отсутствующую городскую зелень. Недаром проведенное недавно обследование выявило, что из 35 млн домов и квартир Японии 4 млн не отвечают даже минимальным государственным стандартам, а две трети находятся ниже среднего уровня. У газеты «Майнити» были все основания писать: «Можно не сомневаться, что жилищная проблема — самое слабое место экономической сверхдержавы Японии. Обстановка с жильем остается покрытой мраком и на будущее, а жилищная политика властей корежит нормальное человеческое существование, заставляя его принимать уродливые формы. В создавшихся условиях... социальная несправедливость будет только усиливаться».

Газета «Майнити» упомянула только одну из очевидных причин жилищного кризиса в стране, которая ежегодно перекачивает десятки миллиардов долларов в американские и западноевропейские банки, — политику властей. Правительство часто критикуют за то, что параллельно с ежегодным увеличением военных расходов оно столь же методично замораживает и без того недостаточные программы строительства субсидированного казной жилья для малоимущих. Еще чаще слышится критика неспособности или нежелания положить конец взвинчиванию цен на землю. Та же «Майнити» писала: «Если правительство честно желает решить жилищный вопрос, то оно должно ухватить быка за рога и обуздать рост цен на землю».

Как бы полемизируя с «Майнити», газета «Асахи» выразила сомнение в реальности надежд на прекращение спекуляции землей: «Это легче сказать, чем сделать, особенно если принять во внимание длинную историю манипуляции земельными участками Либерально-демократической партией. Реальное и эффективное решение проблемы ускользает от нас». История правящей партии действительно пестрит шумными скандалами из-за разоблачений махинаций политиканов разного калибра — от деятелей местного масштаба до членов парламента, министров и даже глав правительств. Достаточно вспомнить историю падения премьера К. Танака, которая началась с разоблачения манипуляций земельными участками.

Среди читательских писем весьма характерно такое, опубликованное в газете «Асахи»: «Иногда в своих мечтаниях я задаюсь таким вопросом: что случится, если цены на землю будут урезаны на 90 %? На ум приходят три последствия. Продажные политиканы, накапливающие политические фонды на спекуляции землей, лишатся своих мест. Нажившиеся на махинациях с землей миллионеры исчезнут. Японцы станут счастливее».

Станут ли японцы счастливее? Смогут ли они выбраться из своих «крольчатников»? Похоже, что в обозримом будущем вряд ли можно ожидать утешительных ответов на эти вопросы.

Сибуя — царство токийской молодежи

Канда, Гиндза, Асакуса, Йосивара... Названия этих районов без труда находишь на ставших музейными экспонатами картах Эдо. Но тщетно было бы искать даже на сравнительно поздних планах такие районы, как Сибуя и Синдзюку, которые в наше время успешно соперничают с легендарной Гиндзой за право называться центром японской столицы. Лежащие к западу и северо-западу от императорского дворца и окружающих его старинных районов, Сибуя и Синдзюку обязаны своим расцветом бурному расширению столицы именно в этих направлениях, которое началось в конце прошлого века, а также строительству городской железной дороги Яманотэ-сэн, очертившей своим кольцом границы

нового Токио в 1885 г. Став узловыми станциями на 30-километровой окружности городской железной дороги, Сибуя и Синдзюку быстро превратились в крупные транспортные центры, связавшие Токио с западными предместьями. От них ответвились и продолжают ответвляться все новые линии железных дорог, маршруты метрополитена.

Вокзалы современной Японии по крайней мере в одном отношении напоминают знаменитые храмы старинной Японии: они очень быстро обрастают торговыми улицами, кварталами развлечений. По пути с работы домой, готовясь к довольно долгой и утомительной поездке, люди задерживаются кто в универмаге, кто в кинотеатре или питейном заведении. Владельцы модных магазинов, дорогих ателье мод и дешевых закусочных, хозяева многоэтажных торговых центров и крошечных «отелей любви» облегчают карманы путников ничуть не хуже, чем знаменитый разбойник Догэн, промышлявший в лесах на месте одной из главных торговых улиц Сибуи — Догэнд-зака. И делают это столь же элегантно и умело, как куртизанки и содержатели постоянных дворов Синдзюку, лежавшего в старые времена в целом дне пути от моста Нихомбаси.

Самую обильную жатву на Сибуе собирает гигантская корпорация «Токю», которой принадлежат железные дороги, сеть универмагов, строительные компании и иные предприятия. Серебристые вагоны «Токю» ежедневно привозят из соседних с Токио городов Иокогама и Кавасаки сотни тысяч пассажиров прямо в многоэтажное здание универмага этой же фирмы. Оранжевые поезда идущей на Гиндзу и далее до Асакусы линии метро, зеленые составы городской кольцевой железной дороги также поставляют «Токю» бесчисленных покупателей. Здание построено так, что подходы к перронам и выходы в город лежат бок о бок с торговыми залами. Нетрудно понять, чем вызвано такое соседство.

Рядом с вокзалом-универмагом соединенный с ним крытой эстакадой стоит многоэтажный «Центр культуры

«Токю», который собрал под одной крышей четыре кинотеатра, множество магазинов и даже планетарий. В радиусе 500 м от вокзала — еще четыре торговых центра, гостиница, автобусный вокзал, также украшенные эмблемой «Токю». Торговая империя, обосновавшаяся на месте несуществующего ныне самурайского замка и чайных плантаций, испытывает все более острую конкуренцию молодой и агрессивной компании «Сэйбу», по примеру «Токю» открывающей универмаги вблизи крупных транспортных узлов. В название «Токю» входит иероглиф «восток», а «Сэйбу» можно перевести как «Западное оружие». Охочие до всевозможных иероглифических каламбуров японцы окрестили соперничество двух фирм «войной Запада с Востоком».

Война эта ведется на Сибуе не только за сегодняшние прибыли, но и за господство на рынке в будущем. Ведь главный покупатель здесь — молодежь. В районе Сибуя редко встретишь обычных для Гиндзы мужчин среднего возраста в деловых костюмах, явно увлекающихся косметикой дам того же возраста в дорогих кимоно или богатых европейских нарядах. На Сибуе стариком выглядит каждый, кому за тридцать. Здесь не увидишь церемонных поклонов, кимоно появляются только по большим праздникам, три-четыре раза в год. Благодаря удобной системе транспорта на Сибую съезжаются молодые люди из разных концов столицы и даже из соседних префектур.

Что же привлекает сюда всех этих старшекласников, молодых рабочих и служащих, студентов? В первую очередь, наверное, это общество себе подобных, обилие рассчитанных на вкусы молодых кафе, магазинов, концертных залов, дискотек, кинотеатров, «центров моды», парикмахерских. Очень важна, конечно, и атмосфера веселой, продолжающейся изо дня в день незлобивой толкучки. Даже выйти из вокзального здания, особенно вечером, не так-то просто.

Молодежи, жизнь которой чем старше, тем сильнее определяется писаными и неписаными законами умело регулируемого японского общества, по вкусу даже сама планировка Сибуи. Ее улицы, в отличие от Гиндзы, не выровнены «по нитке», не пересекают друг друга под прямым углом. Широкие магистрали и совсем узенькие улицы без тротуаров бессистемно расходятся, извиваясь наподобие щупалец осьминога, от лежащей в низине

вокзальной площади к окружающим ее холмам. Хотя Сибуя, как и Гиндза, тоже застроена многоэтажными сооружениями из бетона, здешние «бетонные джунгли» не такие однообразные. Встречаются оригинальные, а порой просто уникальные здания: черный стеклянный цилиндр универмага «109», до отказа начиненное электроникой кубистское здание «Спирального дома», зеркальностенный «центр моды» мастерицы Ханаз Мори... Так что дышится на Сибуе хоть немного вольготнее.

Конечно, собирающаяся на Сибуе молодежь очень разнородна. Уровень достатка, образования, социальная принадлежность проявляются в манере одеваться, говорить, в выборе любимых мест и способов развлечений. Расслоение начинается еще на привокзальной площади, центром которой служит бронзовый памятник собаке. Трогательная история пса по кличке Хати, почти десять лет приходившего на станцию встречать с работы своего хозяина, который умер по дороге, стала символом верности — качества, очень высоко ценимого японцами. Вот уже полвека площадка перед бронзовым «другом человека» остается самым популярным местом встреч молчаливых пар и шумных компаний. Отсюда они расходятся в разные концы токийского «Латинского квартала», по соответствующим их вкусам и бюджету кафе и магазинам, кинотеатрам и дискотекам.

Самая привлекательная для местных бизнесменов часть молодежи — так называемые «хрустальные» юноши и девушки. Это название вошло в моду в 1981 г., после выхода книги и одноименного фильма «Слегка хрустальные». Молодой писатель Я. Танака изобразил жизнь и привычки части современной молодежи, которая выросла в последние 20–25 лет в условиях «экономического чуда». Их родители либо причисляют себя к «среднему классу», либо готовы взваливать на себя дополнительное бремя, чтобы их дети были «не хуже других». Эта часть молодежи зачастую избалована и изнежена, разочарована окружающим обществом и презирает «рабочих муравьев», в том числе и собственных родителей. «Мы не читаем много книг, ничем не занимаемся с энтузиазмом, — заявляет один из персонажей книги. — Наши головы не пусты, но и не затуманены... «Холодные» — неудачное определение. «Хрустальные» тоже не такое уж хорошее слово, но оно, наверное, лучше всего подходит для описания нашей сущности». И все же почему «хрустальные»? Потому, как объяснил на пресс-конференции автор книги, что хрусталь сверкает не сам по себе, а лишь отражая упавший на него свет. Ничего не представляя сами по себе как личности, «хрустальные» ребята находят самовыражение в том, что делают престижные покупки в престижных универмагах, проводят дни и ночи в престижных клубах и дискотеках.

Львиная доля книги «Слегка хрустальные» служит как бы каталогом «хрустальных» вещей, кодексом «хрустального» поведения. Выклянчить у родителей совершенно ненужные на узких токийских улицах гоночные мотоциклы или машину — это очень, очень «хрустально». Носить только заморскую одежду и обувь, перестать читать книги и перейти на сборники комиксов или фотожурналы, успеть в числе первых посмотреть новейший голливудский боевик, кочевать из ресторана в ресторан и из постели в постель, «освоить» наркотики и пересыпать свою речь словечками из лексикона американской морской пехоты — это тоже «хрустально». Само собой разумеется, что среди главных принципов «хрустальности» должны быть полная аполитичность, безразличие ко всему, что происходит за пределами холодного «хрустального» мира.

Полюбившиеся богатеньким «хрустальным» районы Сибуи часто соседствуют с теми, где толпятся и визжат «бурикко» — стайки экзальтированных девиц, чей возраст исчисляется по формуле «двадцать плюс-минус четыре». Их кошельки намного тоньше, чем у «хрустальных», многие из них не могут рассчитывать на помощь родителей и сами зарабатывают хлеб насущный. Те, кто помоложе, расцветивают однообразную школьную форму яркими зонтиками, кедами, украшениями. Те, кто постарше, уже избавились от необходимости ходить в школу и соблюдать ее строгие правила. Они расстались и с надеждой получить высшее образование, оказавшееся явно не по карману. Но и до 23–25 лет, когда «полагается» выйти замуж и превратиться в хранительницу очага и традиционных моральных устоев, остается еще несколько лет. Вот это «окно», первое и последнее в своей

жизни, многие молодые японки заполняют изобретением самых фантастических нарядов, поеданием лакомств в «иностранных» кафе, истерическим поклонением «идолам» кино и эстрады. На Сибуе есть целые улицы, застроенные недорогими забегаловками для «бурикко». Навевшись мороженого или блинчиков с вареньем, они отправляются в соседние лавочки, торгующие дешевой бижутерией, пластинками, значками и портретами «идолов» или пролежавшими на складах и снова вошедшими в моду нарядами 10-20-летней давности.

В стороне от дорогих универмагов, посещаемых «хрустальными», за двумя большими концертными залами, которые регулярно берут в осаду толпы «бурикко», неистово вопящие при виде своих любимцев, начинается царство еще одной категории молодых посетителей Си-буи — «племени бамбуковых побегов». Это царство граничит с оградой парка Йойоги, который вместе с примыкающим к нему садом храма императора Мэйдзи, «японского Петра Великого», образует на карте Токио одно из немногих зеленых пятен. «Бамбуковые побеги» не интересуются высаженными в парке редкостными деревьями, присланными в дар со всех островов Японского архипелага. Их и силком не затащить в сад ирисов, на выставку хризантем или чайную церемонию под открытым небом, которыми славится сад храма Мэйдзи. Не замечают они и построенных знаменитым архитектором Кэндзо Тангэ спортивных комплексов Олимпиады 1964 г., напоминающих гибрид «летающей тарелки» и синтоистского храма с его острой крышей. Нет, «бамбуковым» все это не интересно. Перекрываемый по воскресеньям 500-метровый участок шумного в будни шоссе — вот где предпочитают собираться члены «племени бамбуковых побегов».

Свое название это «племя» взяло по имени одной из улочек Сибуи, где бойко идет торговля товаром для этой весьма специфической группы молодежи. Черные кожаные брюки и куртки, браслеты с металлическими шипами, комплекты купленной у проходных американских баз военной формы, юбки и кофты «а-ля Мэрилин Монро», сильнодействующая краска, превращающая черноголовых «бамбуков» в соломенных блондинок и оранжево-розово-зеленых «панков»...

Ровно в час дня дорожная полиция устанавливает барьеры на въезде и выезде с шоссе, в шутку прозванного «Бамбуковым». И тут же на асфальт выходят группами по 10–20 человек «бамбуковые». Каждая группа вскладчину покупает мощный переносной магнитофон и набор кассет с любимой музыкой, чаще всего рок-н-роллами 50-х годов. У каждой группы свой стиль танца, своя «форма». Ребята практически не разговаривают друг с другом. По свистку лидера они выстраиваются либо в две шеренги, либо образуют круг. Еще свисток — и начинается бешеная пляска, напоминающая то рок, то самбу, то твист. Лишь изредка в такт движению следуют выкрики: «А сорз-сорэ, такэноко!» — «А ну-ка, бамбуковые побеги!»

Снова свисток. На сей раз он означает приказ закончить танец и отдыхать. Все так же молча плясуны разбредаются к прилавкам съезжающих по воскресеньям мелких торговцев жареной лапшой, сладостями, прохладительными напитками. Несколько минут отдыха, и опять слышится свисток командира, пора возвращаться на свой асфальтовый пяточок, продолжать пляску. Среди «бамбуковых» преобладает рабочая молодежь, которой не по карману развлечения «хрустальных». Эти ребята съезжаются на Сибую из пролетарских предместий и «спальных городов» не на собственных машинах или мотоциклах, а в переполненных электричках и метро. Воскресная пляска для многих если и не цель жизни, то, по крайней мере, ее главное украшение.

Прожив шесть лет совсем рядом с «Бамбуковым шоссе», я познакомился с некоторыми из его воскресных завсегдатаев. Поначалу не то что заговаривать, но и подходить к затянутым в черную кожу или куртки морской пехоты ребятам казалось опасным. Ведь герои американских фильмов, которым явно подражают «бамбуковые побеги», вовсе не ограничиваются отплясыванием модных танцев. Но потом стало ясно, что шансы получить кастетом по голове или бритвой по глазам равны нулю. Ни разу не пришлось видеть ни драки, ни даже перебранки из-за места на асфальте или глушения одних магнитофонов другими. Совсем не за этим приезжают они на Сибую. А за чем же?

По-разному отвечали на этот вопрос мои знакомые «бамбуки». Для 18-летнего

руководителя одной группы важна возможность хоть на один день в неделю отвлечься от надоевшей работы на заправочной станции в пригороде. Размяться, подышать столичным воздухом. Нравится быть членом организации, находиться в центре внимания туристов и зевак, тысячами собирающихся смотреть на оригинальничавших ребят, ставших одной из достопримечательностей Токио. Охотно позировавшая фотографам хорошенькая девушка в розовых шароварах и синем балахоне с вышитыми на спине золотыми драконами рассказала другую историю: «В деревне, откуда я приехала в Токио, часто устраивали шествия и танцы. Я их очень любила. В городе чувствую себя одинокой. В магазине, где я работаю, у меня нет подруг. Однажды я очутилась в ЙоЙоги и увидела танцующих «бамбуков». Вот уже год я тоже танцую. День, проведенный в ЙоЙоги, дает мне возможность отдохнуть от недели работы у прилавка. Да и обходится такой отдых дешево. А мне надо скопить денег к замужеству...»

«Хрустальные», «бурикко», «бамбуковые побеги»... Внешне очень разные, эти основные группы завсегдатаев Сибуи объединяют многие черты, присущие не только им, но и значительной части японской молодежи вообще. Эгоцентричность, апатичность, отвращение к работе и повышенный интерес к развлечениям — таковы главные черты молодого поколения, выделенные в правительственной «Белой книге». Этот взгляд основан на результатах обследований и опросов различных исследовательских центров. Оказалось, например, что менее 4 % опрошенных готовы посвятить себя служению обществу и лишь четверть видит смысл жизни в работе. Зато 38 % хотят быть богатыми и 44 % собираются делать в жизни только то, что хочется.

Тревожные результаты дают и международные обследования, в которых сравниваются взгляды молодых японцев и их сверстников в Западной Европе, США и странах Юго-Восточной Азии. Японцы прочно удерживают первые места по неудовлетворенности учебной работой в школе, службой в учреждениях и работой на предприятиях, по отсутствию взаимопонимания с родителями и старшими вообще, по степени недовольства окружающим их обществом и в то же время нежеланию бороться за перемены к лучшему. Комментируя настроения выросших в годы «экономического чуда» молодых людей, влиятельная газета «Асахи» писала: «Эгоизм, нигилизм и социальная апатия молодежи стали тревожной тенденцией, которая скажется на будущем страны». Появился даже термин «новая порода людей», которым взрослая Япония отмежевывалась от непонятных, «неяпонских» молодых людей, отказывающихся жить по чем-то смахивающим на военный устав нормам традиционного японского общества.

Среди причин, породивших «новую породу людей», чаще всего называют отсутствие у молодежи жизненных целей. Импортированные из-за океана в послевоенные годы идеалы «общества потребления» подменили духовные ценности погоней сначала за модными брюками, оглушительными стереосистемами, экзотическими ресторанными меню, а позже — за стиральными машинами, кондиционерами, автомобилями, собственными домами.

Инстинктивно, подчас бессознательно молодые души отвергают эту систему жизненных целей, но оказываются не в состоянии определить свои подлинные идеалы и ценности.

Возникший у молодежи «духовный вакуум» заметили и пытаются использовать в своих интересах крикливые и назойливые экстремисты правого и «левого» толка, всевозможные религиозные секты. Гораздо опаснее, однако, тот путь, на который все сильнее подталкивают молодежь вполне уважаемые политические партии и группы, в том числе и стоящие у кормила государственной власти. Готовящаяся правительством на 90-е годы реформа системы просвещения призвана вернуть молодежь к довоенным «традиционным моральным ценностям», усилить «патриотическое воспитание» в духе преданности императору как символу самурайского морального кодекса, в духе безусловного подчинения приказам с высших ступеней иерархической лестницы. Опасность возврата к шовинистическим, милитаристским «ценностям» все лучше видят не только прогрессивные политические партии и общественные организации, но и некоторые юноши и девушки.

...Небольшой автобус с установленной на крыше трибуной стоит перед станцией Сибуя. Юный оратор с белой повязкой на лбу и перекинутой через плечо тоже белой лентой с красными иероглифами выкрикивает в микрофон антивоенные лозунги, а затем затягивает песню о Хиросиме. Парни и девушки с названием той же организации на повязках и лентах разошлись вокруг, предлагая присутствующим поставить свою подпись под воззванием за мир, раздают листовки и красные воздушные шары с голубем мира.

Волнующе проходят демонстрации Первомай и традиционного февральско-мартовского «весеннего наступления», в которых рабочая молодежь встает в колонны вместе со своими старшими товарищами. Здесь не чувствуется проблемы «отцов и детей», приписываемых всей молодежи эгоизма и социальной апатичности. Демонстранты разного возраста идут в ногу, с одинаковым вдохновением поют «Интернационал», боевые песни японского пролетариата. Центром рабочих манифестаций в Токио по традиции служит парк Йойоги. Спортивные площадки под открытым небом да еще 500-метровый участок перекрываемого на несколько часов шоссе с трудом вмещают 300–400 тыс. демонстрантов. Но тесноту и толкучку с лихвой компенсирует приподнятое, праздничное настроение рабочих колонн.

Традиционное «весеннее наступление» проводится в несколько этапов и начинается задолго до того, как 1 апреля, в первый день нового финансового года, предприниматели введут новые ставки заработной платы, «бонусов» и других выплат на своих предприятиях. Сначала профсоюз каждого предприятия формулирует собственные требования, исходя из показателей роста цен, состояния дел фирмы, всей отрасли и экономики страны в целом. Заводские профсоюзы согласовывают свои требования с отраслевым профцентром. Затем начинаются параллельные переговоры — руководителей заводского профсоюза и хозяев предприятия, лидеров отраслевого профцентра и объединения промышленников данной отрасли. Ради подкрепления позиции профсоюзов на заключительном этапе борьбы и проводятся митинги, демонстрации «весеннего наступления».

Первомай. Полощутся на ветру красные флаги пролетарской солидарности. На них — названия профсоюзов, приславших своих представителей из разных частей огромного Токийского промышленного района. Из-за противоречий между коммунистами, социалистами и другими партиями оппозиции японское профсоюзное движение раздроблено. С каждым годом сокращается доля организованной части рабочего класса, не достигающая ныне и 30 %. Под нажимом капитала правят позиции некоторых профцентров. Но в первомайские праздники с особой силой проявляется классовое чувство рабочих, их тяга к совместным действиям, к общей борьбе. Колонны разных профобъединений, работники процветающих и медленно умирающих отраслей промышленности идут плечом к плечу, идут одной дорогой.

На головах многих демонстрантов повязки с надписью: «Обязательно победим!» На груди и спине укреплены плакаты из ткани или бумаги с карикатурами на власть и деньги имущих, с коротким лозунгом «Защитим благосостояние народа!». Вот уже более десяти лет подряд фактически заморожены реальные доходы рабочих семей. Ежегодные прибавки к зарплате «съедаются» инфляцией, ростом цен. Чтобы свести концы с концами, трудящиеся все чаще вынуждены тратить сбережения, отложенные на «черный день» или на старость, для покупки жилья или оплаты учебы детей. Все чаще люди залезают в долговую кабалу к ростовщикам, а газеты пишут о самоубийствах кормильцев, а то и целых семей, оказавшихся не в состоянии выплачивать грабительские проценты.

«Прекратить рост безработицы!» К Первомаю 1987 г. она достигла самого высокого за последние 30 лет уровня — 3 %. Годом позже этот показатель удалось снизить до 2,7 %. (Число трудоспособных японцев составило 60 млн человек, из них 36 млн — мужчины.) Если же применить методiku, используемую в США и странах Западной Европы, то эта цифра увеличится как минимум вдвое. Перспектива не очень оптимистична: перестройка структуры экономики, внедрение роботов и микроэлектроники могут привести к середине 90-х годов к резкому росту числа «лишних людей», предсказывают ученые.

«Обеспечить равенство рабочих крупных и мелких предприятий!» С каждым годом увеличивается разница в уровне зарплаты, условиях труда между работниками крупных, известных в Японии и за ее границами концернов и выполняющих роль их субподрядчиков мелких компаний. Месячная зарплата попавших в привилегированное положение рабочих почти вдвое выше, а продолжительность рабочего дня почти на час короче, чем у их товарищей с мелких предприятий. Если большинство рабочих крупных предприятий охвачено профсоюзным движением, то для мелких предприятий этот показатель не достигает даже одного процента! Велика разница в зарплате между мужчинами и женщинами, постоянными и временными рабочими. Эти различия сознательно создаются и умело эксплуатируются стратегами «большого бизнеса» для разъединения рабочего класса, уменьшения активности его борьбы за свои права. Вот почему так важна рабочая солидарность, с особой силой проявляющаяся в день Первомая.

Во многих колоннах рядом с красными стягами видны разноцветные плакаты и флаги с эмблемами борьбы за мир. Молодые демонстранты несут на плечах огромный макет ядерного гриба. Неподалеку плывет черная сигара воздушного шара с надписью: «Томагавк». Демонстранты скандируют: «Нет — новым Хиросимам!», «Нет — новым Нагасаки!», «Ядерным «Томагавкам» нет места в Японии!», «Запретить «звездные войны!»» На плакатах видны антивоенные лозунги, карикатуры. Вот тянется вслед за авианосцем под звездно-полосатым флагом привязанный на веревочке «непотопляемый авианосец», составленный из четырех крупнейших Японских островов. По курсу этой эскадры — огромный водоворот, грозящий увлечь на дно столпившихся вокруг стоящей на палубе горы Фудзи растерянных японцев. Внизу надпись: «Защитим мир, предотвратим войну!»

Праздничные колонны движутся мимо шеренг полицейских. В любую минуту могут появиться провокаторы из ультраправых организаций. Впрочем, полиция не только обеспечивает безопасность и порядок. Агенты в штатском что-то строчат в блокноты, полицейские фотографии пополняют молодыми лицами «портретную галерею» активистов профсоюзного движения. Определенно, Пер-вомай стоит костью в горле тех, кто считает себя хозяевами Японии. Правда, сейчас не 1920 г., когда первый японский праздник солидарности трудящихся был разогнан полицейскими дубинками, а тюрьмы наполнились арестованными демонстрантами. И не те долгие годы правления милитаристского режима, когда традиция Первомаев была прервана кровавыми репрессиями. Но власть имущие вовсе не собираются примириться с главным праздником рабочего класса.

Правительство, объявившее национальными праздниками дни весеннего и осеннего равноденствия и некоторые другие не менее «важные» даты, отказывается признать 1 Мая официальным нерабочим днем. Ведутся подкопы под Первомай и руками тех лидеров оппозиционных партий и профсоюзных объединений, которые все заметнее скатываются на позиции соглашательства. Это они добиваются выхолащивания классовой сущности Первомая, превращения его в народное гулянье или семейное физкультурное мероприятие.

Но достаточно зашагать рядом с колонной, услышать скандируемые тысячами голосов пролетарские лозунги, увидеть в праздничных шеренгах светящиеся радостью и решимостью лица молодых демонстрантов, чтобы понять одно: никакими диверсиями и мелкими подачками, никакими рассуждениями об «общности интересов» эксплуататоров и эксплуатируемых не удастся изменить красный цвет Первомая. Площади и улицы района Сибуя будут не только барометром настроений молодежи, но и полем битвы за ее умы, за ее будущее.

Синдзюку — не одни только небоскребы

Полчаса ходьбы. 5 минут езды на электричке. От 10 до 50 минут автомобильного «вождения по мукам» отделяют Сибую от другой станции, известной на весь мир фотографиями «толкачей», которые впрессовывают пассажиров по вагонам в часы «пик». 2,5 млн человек ежедневно пользуются гигантским транспортным узлом, в который

превратилась станция Синдзюку. От нее расходятся шесть веток железных дорог, две линии метро и десятки городских и междугородных автобусных маршрутов.

Прожив в Токио шесть лет и бесчисленное число раз пользовавшись станцией Синдзюку, я так и не разобрался во всех хитросплетениях этого колоссального многоэтажного сооружения. Несколько слоев подземных гаражей, протянувшаяся на полтора километра подземная торговая галерея, платформы метро, поездов ближнего и дальнего следования, торговые залы нескольких крупных универмагов, мелкие лавки, киоски, кассы, полицейские посты, справочное бюро, лотки продавцов лотерейных билетов, сувениров... Модернизированный вариант подземных катакомб и Вавилонской башни венчают сады Семирамиды — на крышах вокзально-торгового комплекса устроены садики с детскими площадками, пивными и кафе под открытым небом. Гибрид из нескольких чудес света привлекает иностранцев и туристов из «глубинки», но приносит мало радости самим токийцам, ежедневно совершающим утомительные путешествия из «спальных городов» в центральные районы столицы.

Лавируя в толпе пассажиров, рвущихся с одного поезда на другой, спотыкаясь об устроившихся вздремнуть в самых узких переходах бездомных, блуждая в поисках своей машины в жутковатых подземных гаражах, трудно представить себе старый Синдзюку, существовавший до открытия в 1885 г. тут первой железнодорожной платформы. Рисовые поля и малолюдные деревни, в которых по дождливым дням не было видно ни души, — так описывали Синдзюку всего сто с небольшим лет назад. Еще на рубеже XIX и нынешнего веков увлекавшиеся учением Толстого писатели и философы отправлялись в эти места из Токио вести крестьянский образ жизни. Деревню Синдзюку разбудили только паровозные гудки. Но, единожды проснувшись, она уже больше никогда не засыпала. Расцвет Синдзюку справедливо связывают со строительством крупнейшего транспортного узла. Очень важно и то, что этот район, только в 1920 г. включенный в черту Токио, лежит к западу от его центра, на главном направлении расширения японской столицы. Расположение Синдзюку настолько удачно, что он уже официально именуется вторым центром города и имеет неплохие шансы перейти на первое место. В апреле 1988 г. началось строительство двухбашенного небоскреба новой токийской мэрии взамен нынешней, расположенной неподалеку от императорского дворца. Одна из башен здания, создаваемого по проекту знаменитого архитектора К. Тенге, будет самым высоким сооружением Японии — 243 м. Через три года мэрия столицы переедет в Синдзюку.

Превращение Синдзюку в новый центр города вовсе не обездолит другие 22 столичных района, утверждают «отцы города». Они ссылаются при этом на его уникальную «специализацию», которая состоит в отсутствии специализации, типичной для большинства иных районов. Синдзюку настолько многолик и неисчерпаем, что в нем можно найти чуть ли не все те «слободы», из которых сложено традиционное ядро Токио. Здесь есть смахивающие на Гиндзу улицы роскошных ресторанов и универмагов. Есть побратимы Санъя — «лежбища» бродяг, бездомных. С «электрическим царством» Акихабары соперничает квартал магазинов и лавок, торгующих бытовыми приборами самого разного назначения. С университетами Канды поспорят кварталы вокруг одного из самых крупных и престижных частных университетов — Васэда. А западный выход станции Синдзюку, как парк Йойоги и площадь перед станцией Сибуя, стал традиционным местом проведения политических митингов, демонстраций.

У Синдзюку много лиц. Но самые примечательные и известные из них те, что обращены на запад и восток от вокзально-торгового комплекса. Людские волны, выплескивающиеся из восточного выхода станции Синдзюку, быстро разделяются на несколько потоков. Если выбрать самый мощный из них, то через пять минут ходьбы увидишь арку с надписью: «Кабуки-тё». Тщетно было бы искать в лежащем за ней квартале знаменитый японский театр, хотя в послевоенные годы его действительно собирались перенести в Синдзюку со старого, подчистую разбомбленного места между Гиндзой и рынком Цукидзи. Театр в конце концов восстановили там, где он и стоял. А выделенное под

него место в Синдзюку быстро застроилось заведениями сомнительной и несомненно дурной репутации.

Центром Кабуки-тё стала небольшая площадь, на которую выходят двери примерно десяти кинотеатров. Кучки возбужденно шумящих молодых людей, по виду и одежде старшеклассников или студентов, обсуждают, какой фильм посмотреть — очередные похождения агента «007», многочасовую мультипликацию о космических роботах-самураях или слезливую драму, несовершеннолетняя героиня которой косит своих противников из автомата. Приютившиеся в подвалах или чердачных этажах тесные кинозалы иногда показывают и серьезные фильмы, особенно японские и заграничные ленты 10-20-летней давности. Но основной удельный вес падает все же на жанр «роман-порно», так называемую романтическую порнографию.

Трагедия японского кино как раз и состоит в том, что в кино стали ходить преимущественно подростки, не способные или не желающие понимать серьезные фильмы. Кинокомпании, финансировавшие знаменитые картины Куросавы, Мидзогути, Имамуры и других режиссеров, которые прославили японское кино, дошли до грани разорения и были вынуждены переключиться на выпуск «романтически-порнографической» галиматши. Редкие настоящие фильмы снимаются на деньги иностранных кинокомпаний. Всемирно известный А. Куросава, например, снимал «Дерсу Узала» на средства «Мосфильма», а его же антивоенный шедевр «Ран» стал возможен благодаря французским и американским продюсерам. Популярный в 60-70-е годы актер Т. Мифунэ тоже попытался стать режиссером, основал собственную кинокомпанию. Но на серьезные картины денег так и не удалось собрать, и поэтому «Мифунэ продакшн» выпускает самурайские боевики-однодневки.

Есть в Кабуки-тё и такие кинотеатры, где крутят ленты, даже не пахнущие «романтикой», рассчитанные на извращенцев и людей с психическими отклонениями.

Такие заведения прячутся в боковых улочках, расходящихся от главной площади. Там же подмигивают разноцветными лампочками, гудят паровозными сиренами многоэтажные «комбинаты порока», объединяющие под одной крышей игорные дома, бары со стриптизом, рестораны с малоодетыми официантками, «турецкие бани», которые после протестов посольства Турции стали переименовывать в «специальные бани». Перед входами, напоминающими то парадный подъезд дворца, то лаз в подземелье, прогуливаются мускулистые коротко остриженные молодцы, в чьи обязанности входит зазывать прохожих, поощрять колеблющихся, вести переговоры с полицией.

Так выглядит Кабуки-тё, где на трети гектара скопилось около четырехсот эксплуатирующих секс предприятий, где, только по официальным данным, сконцентрировано 25 магазинов порнографической литературы, 16 «турецких бань», 90 кабаре с «розовыми» представлениями, 24 кафе с полуголыми официантками. Подсчитано, что этот небольшой район, где постоянно живет меньше 3 тыс. человек, в течение суток посещает от 300 до 500 тыс. клиентов. Значительную часть посетителей составляет молодежь. Юноши и девушки уносят из Кабуки-тё не только антиобщественные привычки и модели поведения, но и отлично иллюстрированные журналы и всяческие пособия для начинающих наркоманов, «уличных бойцов», рокеров...

Кабуки-тё служит своеобразной дверью в преступный мир. Желающие подработать на «красивую жизнь» старшеклассники могут получить для перепродажи мелкие партии наркотиков. Сбежавших из дома 12-14-летних девочек быстро пристраивают на «работу» в какой-нибудь бурлеск или «турецкую баню». Не приходится сомневаться, что сам Кабуки-тё и бесконечные «разоблачительные», а по существу, рекламные материалы о нем в печати и телепередачах вносят вклад в стремительный рост преступности среди несовершеннолетних. Ведь на молодежь от 14 до 19 лет уже приходится свыше половины всех правонарушений Японии, и каждый год приносит новые «рекорды». Особенно быстро растут проституция, наркомания, школьное хулиганство, в том числе издевательства над одноклассниками, нападения на учителей, сознательная порча школьного имущества.

Естественно, что объединения учителей и родителей, общественные организации пытаются бороться с рассадниками порока типа Кабуки-тё. Под их нажимом правительство и полиция время от времени принимают новые постановления, устраивают облавы, подвергают штрафам или арестам самых неосторожных руководителей гангстерских групп, которые контролируют «индустрию наслаждения». Но все эти меры воспринимаются столь же скептически, как и принятый в «день дураков», 1 апреля 1958 г., закон, впервые в истории Японии запретивший проституцию.

Конечно, далеко не все посетители вечернего Синдзюку направляются в Кабуки-тё. По соседству с ним есть районы развлечений совсем иного толка. Обсаженная ивами узкая и тенистая в самую лютую июльскую жару аллея служит границей квартала Гордэн-гай, то есть «Золотая улица» — скопления божественных кафе, баров. Гордэн-гай часто сравнивают с парижским Монмартром. Не бывавшему в Париже трудно судить, насколько обосновано это сравнение. Но каждая из уютных маленьких забегаловок «Золотой улицы» вполне заслуживает пера писателей и кисти художников, прославивших знаменитый уголок французской столицы, сделавших Монмартр Монмартром.

На Гордэн-гай царит специализация. Открывший мне этот удивительный уголок Токио издатель небольшой газеты шутливо предположил, что «где-нибудь наверняка есть бар для потерявших ноты композиторов, кафе для артистов, которые хотели стать зубными врачами, пивная для игроков в бейсбол, собирающихся поговорить о книгах Жана-Поля Сартра...».

Знакомство с Гордэн-гай началось с пивнушки «Дзэни». Все собравшиеся были журналистами. Даже хозяйка, наливавшая «мидзувари» — сильно разбавленное водой виски, подрабатывает на стороне статьями и эссе. Моим соседом оказался сравнительно молодой заведующий международным отделом популярного еженедельника, который тут же стал расспрашивать о советской точке зрения на самые свежие и важные в тот вечер мировые новости. Репортер скандальной хроники поделился своей нелюбезной оценкой этических принципов японского политического мира, а бородач средних лет пустил по кругу привезенные из Ливана фотографии залитого кровью лагеря палестинских беженцев.

Мой знакомый объяснил, что большинство хозяев и клиентов заведений Гордэн-гай — это бывшие студенты 60-70-х годов, участники борьбы против военного союза с США и американской агрессии в Индокитае. Повзрослев, примирившись с истеблишментом, а иногда даже заняв посты в редакциях влиятельных изданий, государственном аппарате или деловом мире, эти люди не приняли все же «ценностей» потребительского общества. Их притягивают друг к другу воспоминания о борьбе за высокие идеалы, стремление обсудить волнующие проблемы.

«Киношники» предпочитают закусную «Набэ-сан», принадлежащую бывшему студенту Ватанабэ, который за участие в демонстрациях попал в «черный список» и не смог устроиться на работу по специальности. Закусив «собой» — сытной лапшой из гречневой муки, посетители часто поднимаются на второй этаж, где оборудован небольшой кинозал. Прибежищем музыкантов служит кафе «Моссан». Актеры поклялись в верности дешевому виски и закуске из неочищенных арахисовых орешков бара «Маэда». Новости мира фотографии можно подслушать в закуской «Гу»...

Некоторые из заведений Гордэн-гай служат как бы клубами людей с одинаковыми увлечениями. Любители детективного жанра собираются в баре с названием «Полночь плюс один», стены которого обклеены суперобложками знаменитых книг, рекламными плакатами кинофильмов Хичкока. Ну, а в баре «Каменный цветок» молодой хозяин не только угощает гостей русским борщом, водкой и огурцами собственного посола, но еще и играет им русские и украинские мелодии на балалайке и домре...

Весь квартал Гордэн-гай уместился бы на футбольном поле. Его можно пройти за две-три минуты. Но не то что одной командировки, целой жизни не хватит, чтобы познакомиться со всеми старожилками «Золотой улицы», услышать истории их жизни, узнать их мнение о происходящем в Японии и вдали от ее берегов, ответить на заинтересованные расспросы об СССР. Как непохожа задушевная и уютная Гордэн-гай на соседний квартал

порока Кабуки-тё или на бездушно-бетонный «город небоскребов», что начинается у западного выхода станции Синдзюку!

Еще каких-то четверть века назад там находились резервуары и станции очистки пресной воды, которой традиционно не хватало и не хватает жителям Токио. Но быстрый рост цен на землю predetermined судьбу резервуаров: золото вытеснило воду. В начале 60-х годов началась перепланировка местности, а в 1971 г. свои двери открыл 32-этажный отель «Кэйо Плаза», первый из нынешних 11 небоскребов «токийского Манхэтте-на». Словно гигантские спичечные коробки возвышаются достигающие 200-метровой высоты здания гостиниц, крупнейших страховых, торговых, банковских компаний.

Любопытно гулять по холлам небоскребов — просторным, безупречно чистым, украшенным фонтанами и меняющимися в зависимости от времени года композициями из цветов. Интересно взлететь в лифте на самый верх 50-этажного гиганта и, сидя за столом корейского, русского, французского или японского ресторана, разглядывать панораму Токио, пытаться по скоплению огней найти Гиндзу, Сибую, Асакусу или определить, какому из немногих столичных парков соответствуют темные пятна. Но каково ежедневно проводить по многу часов в герметически закупоренных, обдуваемых одними лишь кондиционерами офисах? Каково ощущать себя словно в штормовом океане, когда толчки землетрясения бросают людей на пол, внезапно прерывают полет лифтов, наполняют обеденные залы перезвоним дрожащей посуды и вскриками слаонервных?

Около тысячи землетрясений в год ощущают жители Японских островов, соседствующие с 77 действующими вулканами. Число жертв в «хорошие» годы исчисляется десятками, но иногда в ход идут иные цифры. 1703 г.- 200 тыс. человек, 1792 г. — 15 тыс., 1923 г.- 140 тыс. человек. Как же рискнули японцы приступить к строительству высотных зданий? Ведь до 60-х годов законом запрещались постройки выше 30 м. Теоретическим фундаментом, на котором возведены небоскребы Синдзюку и около 200 других высотных зданий японской столицы, служат разработки доктора Киёси Муто. В начале 60-х годов он предложил строить в сейсмоопасных районах «гибкие» конструкции, в которых стальной каркас несет «эластичные» стены из бетонных блоков с зазорами. Призванные поглощать сейсмические толчки, «гибкие» небоскребы доктора Муто иногда сравнивают с бамбуком, который гнется, но не ломается.

Действительно, до сих пор ни одно из землетрясений не оставило каких-либо заметных следов на высотных зданиях. Считается, что в будущем можно будет довести высоту токийских небоскребов до 1000 м. Препятствием могут стать не технические причины, а человеческая психика, не способная выдержать длительное качание многоэтажного «бамбука» из стороны в сторону. Осенью 1983 г., когда известный сейсмолог предсказал повторение «Великого землетрясения Канто» 1923 г., многие обитатели «города небоскребов» под всевозможными предлогами старались не появляться на работе или, по крайней мере, оставаться на нижних этажах.

«Дамоклов меч» разрушительных землетрясений постоянно висит над Токио. Подсчитано, что если повторяющееся примерно через 60 лет катастрофическое землетрясение будет той же силы, что и в 1923 г., то число жертв составит 36 тыс., число раненых достигнет 63 тыс., будет разрушено 150 тыс. домов. Эта оценка городских властей считается некоторыми специалистами чрезмерно оптимистической. Называя умопомрачительную цифру в 3 млн погибших и раненых, они указывают на обилие высотных построек и уходящих глубоко под землю линий метро, гаражей, торговых улиц, на миллион легковоспламеняющихся деревянных домов в центральной части города и 3 млн столичных автомобилей, способных стать источниками пожаров. Городские власти стараются сократить число возможных жертв землетрясений. В школах и учреждениях регулярно проводятся учения, в наиболее людных местах устанавливаются системы оповещения, на улицах вывешены указатели кратчайших путей к безопасным зонам — паркам и площадям.

Наиболее эффективный путь уменьшения последствий возможной катастрофы

эксперты видят в резком сокращении числа деревянных построек, расширении улиц, играющих роль противопожарных барьеров, а также в создании парков и зеленых зон во всех густонаселенных районах. Но добиться реализации этих целей крайне трудно из-за непомерно высоких цен на землю. Неудивительно поэтому, что некоторые архитекторы и планировщики связывают основные надежды на коренную перестройку Токио именно с ожидаемым катастрофическим землетрясением, которое снова превратит столицу в «чистый лист бумаги, на котором можно писать самые красивые иероглифы».

Авторы одного проекта предусматривают создание в центре Токио многочисленных парков, превращение центра в зеленую зону. Наиболее густонаселенные районы вокруг центра столицы предлагается застроить зданиями в 15–20 этажей, а лежащие еще дальше части города — домами не ниже пяти этажей. Владельцам выгоревших участков предлагается запретить отстраивать новые здания, их в обязательном порядке будут переселять в новые жилые массивы на окраинах.

Этот план уже частично претворяется в жизнь, и помогает ему все та же дороговизна земли. Со скоростью взлетающей ракеты растут не только цены на землю, но и налоги на недвижимость. Вот почему всего за несколько лет неузнаваемо меняются целые улицы, целые кварталы, еще недавно застроенные почерневшими от времени деревянными домами с традиционными черепичными крышами. На их месте встают непропорционально узкие, похожие на карандаши сооружения, увешанные пестрыми вывесками и рекламными щитами. Крошечные храмы с их напоминающими оазисы садиками перебираются на крыши унылых бетонных кубиков, где рядом с ними гудят вентиляторы, сушится белье, плещется вода в пузатых резервуарах. Кое-где даже кладбища «переехали» на второй этаж — под ними прорыли автомобильные туннели и парковки.

Конечно, вытеснение деревянных одно-, двухэтажных домиков железобетонными постройками уменьшает опасность пожара. Зато усугубляются многие другие проблемы: скученность, перенаселенность, нехватка воды и зелени. Неудивительно поэтому, что составляются все новые рецепты лечения застарелых «болезней» огромного города.

На одной из пресс-конференций я познакомился с Киёхидэ Тэраи, автором проекта Океанского города коммуникаций. Согласно проекту, в Токийском заливе примерно в 100 км от Гиндзы к 2025 г. должен быть создан огромный искусственный остров. 10 тыс. стальных опор будут поддерживать четырехэтажный город общей площадью 100 км с населением в миллион человек. Тэраи-сан с жаром объяснял журналистам преимущества Океанского города, жители которого будут жить, работать, учиться и отдыхать в пределах пешеходных расстояний, наслаждаться чистым морским воздухом и контролируемым климатом. Единственное «маленькое» препятствие на пути к реализации фантастического проекта — его фантастическая стоимость. Одно только строительство острова оценивается в 30 трлн иен, что приблизительно равно половине госбюджета Японии.

Существуют планы подешевле, а потому пореальнее. «Всего» в 6,3 трлн иен обошлось бы строительство новой

столицы у подножия горы Фудзияма. Население Токио уменьшилось бы на 600 тыс. человек, если бы в новую столицу переехали все министерства и прочие правительственные учреждения. Но есть противники и у этой формулы. Они называют ее нереальной и ссылаются на опыт создания в окрестностях Токио «города науки» Цукуба и образцового «спального города» Тама. Несмотря на перевод в Цукуба университета и сорока с лишним научно-исследовательских институтов, его население достигло лишь трети из запланированных 100 тыс. человек. Изолированность Цукуба, отсутствие столичных развлечений сделали город малопопулярным среди ученых, снискали прозвище «научного гетто». Примерно та же история приключилась и с «Новым городом Тама»: в него пока переехали только 80 тыс. из предполагавшихся 310 тыс. жителей.

Пожалуй, самая реалистичная программа предусматривает децентрализацию Токио, передачу части его функций пяти уже существующим вблизи столицы крупным центрам: Иокогама-Кавасаки, Омия, Тиба, Цутиура-Цукуба и Татикава-Хатиодзи. Сочетая

административные методы и налоговые стимулы, в эти центры к 2025 г. планируется перевести как можно больше правительственных и городских учреждений, а также частных предприятий. Если даже численность столичного населения не уменьшится, то, по крайней мере, удастся предотвратить его дальнейший нездоровый рост, надеются авторы проекта из Национального земельного агентства.

Чего-чего, а всевозможных планов на будущее у Токио предостаточно. Фантастические, близкие к действительности и вполне реалистические — все они наталкиваются на две непробиваемые стены — на нехватку средств в городской и национальной казне и на непомерные цены на землю. Трудно ожидать крушения этих двух «стен» в обозримом будущем.

Напротив, можно с большой долей уверенности предсказать дальнейшее обострение трудностей, рост цен, уменьшение реальных доходов. Уверенность эта основана на статистике. Всего за пять лет, с 1979 по 1984 г., ежемесячная плата средней семьи за питьевую воду выросла с 1410 до 2320 иен, за канализацию — с 855 до 2155 иен, минимальная плата за проезд на метро выросла со 100 до 140 иен, а городской автобус подорожал со 110 до 160 иен. Ежемесячная плата за принадлежащее городским властям льготное жилье муниципальных служащих и малообеспеченных семей поднялась с 9900 до 16 700 иен, содержание в доме для престарелых — с 14 350 до 41 тыс. иен в месяц, учебу в старших классах школ — с 57 тыс. до 74 400 иен, обучение в принадлежащих мэрии университетах — со 144 тыс. до 252 тыс. иен за учебный год.

Еще круче взлет цен на землю, уменьшающий шансы на оздоровление жизни японской столицы. За 1988 г. токийская земля снова подорожала, на этот раз на 22 %. А в масштабах страны один лишь прирост стоимости земельной собственности составил 370 трлн иен, что превысило национальный продукт Японии за весь 1987 г. (351 трлн иен). Правительственные ведомства подсчитали, сколько стоит территория Японии в ценах 1987 г. Полученный итог в 4 раза превышает аналогичный показатель для США. Учитывая же, что Страна восходящего солнца в 25 раз меньше заокеанского гиганта, сам собой приходит вывод — японская земля в 100 раз дороже американской! Может быть, именно эти сказочные цифры имеют в виду журналисты, все чаще именующие Японию «Страной восходящей иены». Но вряд ли этим станут гордиться японцы, и особенно токийцы, сильнее других страдающие от бесконечного взлета цен на землю. А чем им гордиться?

Скорее всего, токийцы и впредь смогут гордиться своим метро, одним из самых чистых и протяженных (207 км в 1986 г.) в мире. Они, как и прежде, будут с ужасом читать в газетах о преступности, царящей на улицах городов Америки и Западной Европы, сравнивать мрачную статистику Запада со сравнительно низкими показателями своего города. Ежегодно на каждые 100 тыс. жителей Токио совершается 2 убийства, 4 изнасилования, 5 грабежей, 2007 краж, тогда как аналогичные показатели для Нью-Йорка равны 26, 56, 1520 и 8046, Парижа — 10, 11, 516, 6552, Лондона — 6, 5, 153, 6567.

И все же минусы перевешивают плюсы. Недаром две трети токийцев жалуются на постоянный стресс от шумной, суетной и тесной столичной жизни, а более половины не желают признавать Токио своим родным городом и ожидает резкого ухудшения условий обитания в XXI в. Даже мэр Токио С. Судзуки назвал свой город «пустыней». И недаром этот образ бескрайнего скопления безликих железобетонных конструкций часто повторяется в книгах, фильмах и песнях, подобных этой популярной балладе жанра «энка» под названием «Пустыня по имени Токио»:

Как будто плачет закопченное, запачканное небо.
Где-то растеряли всю свою нежность жители этого города.
Но я люблю его, потому что в нем живешь ты, с которым
можно разделить печаль.
О, пустыня по имени Токио!
В долине между небоскребами стоячая вода реки.

Течет черным потоком только толпа людей.
До нашей встречи я хотела убежать отсюда.
Но сейчас я нашла твою любовь и счастлива.
Только если ты будешь со мной, солнце снова взойдет на небе
этого города.
О, пустыня по имени Токио!

Глава третья ЕСЛИ ВЫЕХАТЬ ИЗ ТОКИО

Япония на колесах

Иокогама — город в поисках будущего

Осака переходит в контраступление

Киото — бастион японских традиций

Хиросима и Нагасаки — товарищи по несчастью

Япония на колесах

Узнавать Токио можно практически бесконечно, ведь за время, ушедшее на изучение той или иной достопримечательности, той или иной стороны жизни огромного города, где-нибудь снова возникнет что-то «самое-самое». Да и по размерам, численности населения и по экономической мощи столица Японии равна иному развитому государству средней величины. Но не только это имел в виду бывший премьер-министр Н. Такэсита, заявивший, что Япония «стала состоять из двух стран — столицы с окрестностями и остальной части государства». Да, велика разница в качестве жизни между Токио и другими городами, не говоря уж об отдаленных префектурах.

Токио связан с остальной Японией чуть ли не всеми возможными видами транспорта. Широкофюзеляжные авиагиганты и винтовые карлики, обычные поезда и несущиеся с 200-километровой скоростью «поезда-пули», неторопливые морские паромы и автобусы дальнего следования... И все же большинство японцев предпочитает в редкие дни отдыха поездки на машине.

Компактные, удобные, надежные и экономичные автомобили стали таким же символом сегодняшней Японии, какими были для Америки лет двадцать назад огромные и мощные «броненосцы на колесах», с ревом уносившиеся в неоглядную даль. Названия автомобилестроительных фирм-гигантов «Тоёта», «Ниссан», «Хонда» стали в один ряд с расхожими словами-символами Страны восходящего солнца типа «сакура», «гейша», «самурай». Стремительный взлет японского автомобилестроения вызвал ужас и озлобление среди законодателей автомобильных мод в США, ФРГ, Франции, Италии. «Курума» — «телега», как фамильярно называют японцы свои автомобили, изменила структуру национальной экономики, образ жизни обитателей Японских островов.

Глядя на стаи легковых машин, тяжелых грузовиков и автобусов, скачками перемещающиеся от светофора

до светофора по тесным токийским улицам, трудно даже представить себе, что Япония по-настоящему вступила в «автомобильную эру» совсем недавно, каких-нибудь 30 лет назад. Первое авто появилось здесь еще на рубеже двух веков — это был подарок императору, привезенный из-за границы. В 1902 г. одна японская фирма собрала из импортных деталей машину мощностью 12 л. с., а еще через пять лет в мастерской под громким названием «Токийский автомобильный завод» родилась первая автомашинка, целиком сделанная в Японии. На протяжении первой четверти нынешнего века автомобили оставались дорогостоящими забавными игрушками. Всего 12 700 автомобилей

насчитывалось по всей стране к 1923 г., ставшему важным рубежом в истории японского автомобилестроения. Дело в том, что 1 сентября того года катастрофическое землетрясение разрушило Токио, Иокогаму и десятки менее крупных городов столичного района. Сильно пострадал не только жилой фонд, но и система коммуникаций, опиравшаяся на трамваи и городскую железную дорогу. Возникла острая потребность в сотнях автобусов и грузовиков, которую не могли удовлетворить японские автозаводы, также стертые с лица земли. Вакуум заполнялся сначала закупленными в Америке «фордами», а затем автомобилями, собранными из привозных частей на заводах, которые построили широко известные американские фирмы «Форд» и «Дженерал моторе» в окрестностях Токио.

С начала 30-х годов, когда японская армия развернула захватнические войны в Китае, в других азиатских странах, правительство взяло под свой контроль всю автомобилестроительную промышленность, нацелив ее на выпуск грузовиков. Ко времени капитуляции Японии автомобилестроение, как, впрочем, и многие другие отрасли японской промышленности, почти перестало существовать. Американские бомбежки сожгли заводы, часть рабочих и инженеров погибли на фронте или попали в плен. Оккупационные власти, ссылаясь на нехватку топлива, запретили строить машины. Как и после великого землетрясения 1923 г., Япония опять остро нуждалась в грузовиках и автобусах. Их производство стало быстро расти только после окончания оккупации в 1952 г. и достигло к 1955 г. соответственно 55 тыс. и 5 тыс. штук. В том же году легковых машин «Тоёта» и «Ниссан» было построено и продано лишь 20 тыс. штук. 1955 год не случайно считается точкой отсчета «автомобильной эры» Японии. Тогда начало сказываться воздействие миллиардных военных заказов, которые японское машиностроение получало в годы корейской войны 1950–1953 гг. Автомобилестроительные заводы смогли закупить новое оборудование, технологию. Стал расти спрос на легковые «телеги» — появилась прослойка людей, нуждавшаяся в символах своей зажиточности. К 1970 г. производство легковых машин увеличилось в 15 раз и достигло 3200 тыс. штук, а общее производство автомобилей всех типов составило 5300 тыс.

Несмотря на эти впечатляющие успехи японских автозаводов, в Детройте, «автомобильной Мекке» Соединенных Штатов, царило благодушие. Японские машины не рассматривались как достойные конкуренты и служили мишенями для шуток. Популярный юмористический журнал «Мэд» («Сумасшедший») поместил шуточный отчет об испытаниях новой модели «микро-мини-карлика-Зеро» (намек на японские истребители «Зеро», доставившие много неприятностей американским летчикам во время войны). «Машина смогла пересечь Америку «всего» лишь за год, — писал автор. — При этом она не сожгла ни капли бензина благодаря усовершенствованному заводному моторчику, впервые использованному на трехколесных детских велосипедах. Особой похвалы заслуживает удобная и яркая приборная панель, единственный недостаток которой в том, что она просто нарисована на картоне...»

Но, как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. И на сегодняшний день, по крайней мере, хорошо смеются вовсе не американские фирмы. В то время как они с трудом отползают от пропасти банкротств, популярность японских машин в Америке выросла настолько, что покупателям иногда приходится «доставать» понравившуюся модель «по знакомству». Остра конкуренция и за пределами США, где американские автомобили были практически королями дорог.

В 1988 г. Япония экспортировала 6,1 млн автомашин! И разве удивительно, что в списке 15 крупнейших в мире производителей автомобилей в 1984 г. значилось шесть японских названий? «Тоёта» вышла на второе место, пропустив вперед только «Дженерал моторе». «Ниссан» закрепился на четвертом, «Мазда» и «Мицубиси» заняли соответственно десятое и одиннадцатое места, «Хонда» стоит на двенадцатом, а «Судзуки» — на пятнадцатом месте. Другие автомобилестроительные фирмы Страны восходящего солнца тоже не теряют времени даром, чтобы протиснуться в заветный список.

Закономерно возникает вопрос: в чем же причина столь феноменального успеха

японских автомобилей, наводнивших дороги всех пяти континентов? Безусловно, немалая доля успеха японских автогигантов может быть объяснена за счет исторических, национальных, культурных особенностей Японии, умело использованных при организации вовсе не одного только автомобильного производства. На японских предприятиях успешно эксплуатируют сохранившиеся от недавнего феодального прошлого модели поведения «старший — младший», «начальник — подчиненный», «все работники фирмы — одна семья»... С конвейеров «Тоёты», к примеру, сходят не только автомашины 31 модели, но и... новобрачные. Молодых рабочих и работниц поощряют вступать в одобренные руководством «фирменные» браки, беря на казенный счет часть расходов по очень дорогостоящей свадебной процедуре.

Автогиганты выделяют большие деньги на организацию коллективного досуга своих рабочих и служащих, нанимая для этого ведущих мастеров чайной церемонии, икебаны, изготовления микропейзажей «бонсэки», а также спортивных тренеров, учителей пения, танцев. Мало того, они идут на строительство жилья, клубов, спортивных учреждений. С каждым проработанным годом повышаются жалованье, выплаты за сверхурочную работу. При этом «облагодетельствованным» ненавязчиво, но достаточно внятно напоминают о выпавшем на их долю счастье — работать на крупную и процветающую фирму, о «моральном долге» перед руководством.

Немалую роль в завоевании привилегированного положения для рабочих автомобильной промышленности сыграли профсоюзы. Когда в 50-е и 60-е годы руководство фирм попыталось переложить на рабочих возникшие трудности, профобъединения ответили волной забастовок, некоторые из них длились по сто дней. Пойдя на попятный, предприниматели решили затем выхолостить классовую суть профорганизаций и, судя по всему, сумели немалого добиться. Свои впечатления от работы на заводах «Тоёта» описал молодой журналист Сатоси Камата. В нашумевшей книге «Япония идет на обгон» он рассказал о расправах над непокорными рабочими, которые устраивают «профсоюзные активисты», набранные из числа отставных военнослужащих «сил самообороны». Деятели «желтых профсоюзов» активно помогают проводить политику «жесткой экономии», недаром прозванную «отжиманием сухого полотенца». «Классовая гармония» на предприятиях автомобильной промышленности покупается за счет небольшой доли гигантских прибылей, которые извлекаются в первую очередь из эксплуатации рабочих мелких и средних субподрядных компаний, филиалов в развивающихся странах.

Ради повышения производительности и качества труда активно используются особенности психологии японцев. Например, стремление принадлежать к какой-либо организации или группе, страх перед одиночеством. Даже выработанному столетиями высокому эстетическому чувству японцев находят применение на поточном производстве. Рабочим внушают, что сварка корпусов, сборка узлов, изготовление деталей — это такое же искусство, как каллиграфия, музицирование, составление букетов. Не справиться с порученным тебе делом, не довести его до конца — значит «потерять лицо», лишиться морального комфорта.

Можно было бы еще много писать об использовании традиций, национальных и иных особенностей во имя повышения конкурентоспособности японских автомобилей. Но только ли в этом дело? Разве в Америке, ФРГ или любом другом государстве нет своих особенностей, которые используются или могут использоваться ради интересов производства? Скорее всего правы те, кто рассматривает крутой взлет автомобилестроительной промышленности как составную часть «японского экономического чуда», вызванного, так сказать, тепличными условиями развития Японии в 60-70-е годы. Несоизмеримо малые по сравнению с другими ведущими капиталистическими странами военные расходы позволили направить средства в наиболее прибыльные отрасли машиностроения, особенно в автомобилестроение. Вместо того чтобы сжигать деньги в топке гонки вооружений, японцы скупали по всему свету лучшие станки и лицензии, изучали и переносили на свои заводы самые эффективные методы организации

производства. Сотни молодых японских инженеров с фотокамерами и блокнотами в руках заполнили цехи и конструкторские бюро американских и европейских автогигантов, прилежно фиксируя снисходительные объяснения многоопытных наставников. А в это время их старшие коллеги, в годы войны поднаторевшие на создании первоклассной боевой техники, использовали свой опыт при разработке новых моделей машин, которым суждено было «торпедировать» казавшиеся непотопляемыми громады заокеанских автомобилестроительных концернов.

Завоевать сердца и кошельки западных автомобилистов помог в немалой степени «нефтяной шок» 1973 г., когда сокращение поставок топлива и последовавший резкий скачок цен заставили приспосабливаться к изменившимся условиям, искать экономичные модели машин. Покупатели не хотели, да и не могли ждать результатов весьма вяло разворачивавшихся в США и Западной Европе разработок. Тем более что им сразу был предложен целый веер существовавших в металлической плоти, а не на бумаге экономичных и дешевых машин с клеймом «Сделано в Японии».

Было бы преувеличением считать, что капитаны японской автоиндустрии заранее предвидели «нефтяной шок» и подготовились к нему. На самом деле проблема экономии горючего всегда очень остро стояла перед японскими автомобилистами. Цена бензина и до 1973 г. была в три раза выше, чем в США, и в два раза выше, чем в странах Западной Европы. Только экономичные модели имели шанс выжить на внутреннем рынке. В 70-е годы пробег средней японской машины на литре бензина составлял 11,4 км, а американской — лишь 7,7 км. Разрыв сохранился и в 80-е годы.

Японская специфика объясняет и другие преимущества «телег». Гораздо раньше, чем их заокеанские конкуренты, японские автозаводчики были вынуждены обратить самое пристальное внимание на необходимость уменьшить загрязнение воздуха выхлопными газами. Экологический кризис 60-х — начала 70-х годов вызвал мощное движение общественности, заставившее Токио ввести жесткие стандарты. Уровень загрязненности атмосферы в японских городах резко упал в немалой степени благодаря усилиям автомобилестроителей, сокративших количество выхлопных газов в 10 раз!

Дешевизна, которой на первых порах славились японские машины, тоже вызывалась особенностями внутреннего рынка — более низким, чем в США или Западной Европе, уровнем доходов населения. Если говорить о высокой проходимости и надежности «телег», то причины можно найти в сравнительно плохом состоянии японских дорог в 50-60-е годы. Маневренность же и компактность становятся понятными каждому, кто ездит по сохранившимся со средневековья узким улочкам японских городов, попытается припарковаться на площадках, каждый квадратный метр которых подчас стоит дороже самой машины. А высокое качество отделки интерьера автомобиля объясняется тем, что его владелец рассматривает свою «телегу» не просто как средство передвижения, но и как дополнительную, зачастую парадную комнату своей весьма скромной квартиры.

Специфика внутреннего рынка диктовала не только достоинства, но и недостатки экспортных моделей. Отсутствие в Японии до середины 60-х годов современных шоссе привело к тому, что «Тоёты» и «Дацуны» на первых порах плохо проявляли себя на американских «хайвэях», европейских «автобанах». Но и эта проблема была решена к началу «нефтяного шока», когда спрос на японские машины стал резко расти. К тому времени японские фирмы успели наладить широкую сеть зарубежных центров розничной продажи и обслуживания своих автомобилей, отработали доходчивую рекламу. Заняв в 1974 г. место крупнейшего в мире экспортера автомашин, Япония и по сей день прочно удерживает свои позиции.

Автомобилестроение часто сравнивают с колесами, на которых катится вперед вся японская промышленность. Это сравнение не покажется преувеличением, если вспомнить, что 700 тыс. японских рабочих непосредственно заняты в автомобилестроении, а примерно каждый десятый (5,6 млн) в той или иной степени связан с производством, эксплуатацией или обслуживанием машин. Список крупнейших промышленных компаний возглавляет

«Тоёта», ежегодно продающая своей продукции на 5 трлн иен и по этому показателю вдвое обогнавшая даже таких гигантов, как электротехнический концерн «Мацусита», сталелитейно-машиностроительный конгломерат «Ниппон стил». В 1986 г. стоимость продукции автомобилестроения составила 9,4 % валового национального продукта Японии и около 20 % стоимости экспорта.

Но с середины 80-х годов «колеса» начали пробуксовывать. Производство машин всех типов (легковые, грузовые, автобусы) замерло на уровне в 13 млн штук (12,92 млн в 1988 г.). В 1984 г. Япония перестала быть крупнейшим в мире изготовителем легковых машин, пропустив вперед США. Все сложнее обстановка на внешних рынках, поглощающих половину японского производства автомашин. Особенно тревожатся японские автомобилестроители за самый емкий и прибыльный североамериканский рынок (в США и Канаде продано 3,72 млн японских машин в 1986 г.). С одной стороны, растет конкуренция улучшивших свою продукцию американских компаний. Среди дорогих марок в моду вошли европейские, особенно западногерманские, машины, а среди дешевых растет популярность югославских и южнокорейских моделей. С другой стороны, на позиции японских экспортеров ведут наступление... сами японские автомобильные компании.

Еще в 1982 г. «Хонда» построила в США первый автомобилестроительный завод. На следующий год ее примеру последовал «Ниссан», еще год спустя — «Тоёта». В 1989 г. все ведущие автоконцерны Японии будут производить свои «телеги» на собственных заводах в США, причем их суммарное «поголовье» — 2 млн машин в год — будет лишь немного отставать от существующего с 1981 г. «добровольного ограничения» Японией экспорта машин в США (2,3 млн штук в год). Все эти виды конкуренции, считают в Токио, приведут в обозримом будущем к сокращению производства машин в самой Японии примерно на 10 %. А это, в свою очередь, повлечет сокращение валового национального продукта на один процент, «высвободит» 470 тыс. рабочих.

Ситуация осложняется, и не только для автомобилестроителей, последствиями принятого в сентябре 1985 г. в Нью-Йорке министрами финансов пяти ведущих стран Запада решения добиваться крутого понижения курса доллара и повышения курса его конкурентов, в том числе иены. Это решение в Токио недаром прозвали «групповым изнасилованием Японии». Резко подскочили цены на японскую продукцию, сократились поставки на внешние рынки, прибыли. Среди наиболее пострадавших отраслей — автомобилестроение, 11 ведущих фирм которого конкурируют не только с зарубежными компаниями, но и между собой. О том, насколько осложнились проблемы автомобилестроительной промышленности, можно судить на примере фирмы «Ниссан мотор», занимающей второе место в Японии и четвертое в мире.

Компания «Ниссан» (сокращение от «Нихон Сангё») возникла в 1926 г. и четыремя годами позже стала производить легковые машины, в название которых — «Датсун» — вошло японское слово «дат» (быстрый как кролик). «Кролик» отличался достойной своего имени прыткостью, и уже в 1934 г. на экспорт поступили первые машины.

В 1986 г. только на принадлежащих «Ниссану» японских заводах изготовлено 2,24 млн автомобилей, из которых было экспортировано 1,3 млн. Еще около 400 тыс. легковых машин было произведено в зарубежных филиалах «Ниссана» — в США, Англии, Мексике, Испании и Италии. Внушительные цифры. Но есть и иные. По сравнению с предыдущим годом производство автомобилей на заводах «Ниссана» в самой Японии уменьшилось на 10,3 %, экспорт сократился на 9 %, а продажа машин на внутреннем рынке — на 2,6 %. Особенно болезненно переживают на «Ниссане» сдачу важных позиций традиционному сопернику — фирме «Тоёта». В результате «операции Т-50», приуроченной к полувековому юбилею «Тоёты», ей удалось захватить 53 % внутреннего рынка в сравнении с 42 % годом раньше. А «Ниссан» откатился с 26,6 до 24,8 %.

В чем же причина столь резкого ухудшения дел? Чаще всего главную причину убытков видят в резком повышении курса иены. Подсчитано, что повышение курса японской валюты в отношении доллара всего на одну иену уменьшает прибыли «Ниссана» на 6 млрд иен. А

скажем, в сентябре 1987 г. за доллар давали уже не 240 иен, как в сентябре 1985 г., а всего 120 иен. Откровеннее рассуждал президент «Ниссана» Ютака Кумэ. Вдобавок к влиянию колебаний валют, признал он, «в конечном итоге серьезную роль сыграло сокращение доли внутреннего рынка». Оно началось еще в 1983 г.

Но самый точный диагноз «болезни «Ниссана», видимо, поставил журнал столичных деловых кругов «Бизнес Токио», написавший об «образе ниссановских моделей, как слишком похожих одна на другую». В условиях примерно одинаковых технических качеств, цен и условий кредита для моделей одинакового класса автомобилисты в последнее время предпочитали выделяющиеся в уличном потоке «Хонды», «Мазды» или «Тоёты» солидным и комфортабельным «сыновьям кролика», ставшим сродни разьевшимся старым зайцам. «Этот образ, — считает «Бизнес Токио», — сложился благодаря бюрократической системе «Ниссана», которая в процессе создания каждой новой модели стремилась учесть слишком много различных мнений. Разработанная целым комитетом машина неизбежно лишается к концу обсуждения остатков оригинальности».

Недостатка, впрочем, нет не только в диагнозах, но и в рецептах. О них зашел разговор еще по пути на один из пяти сборочных заводов «Ниссана» в городе Дзама, одном из многочисленных «городов-спутников» столичного промышленного района. Уверенным и хорошо поставленным голосом сотрудница международного отдела рассказывала о новых моделях, которые непременно поправят дела фирмы. «Недавно я купила в рассрочку «Санни», рекомендую его всем своим друзьям, да и вам хочу посоветовать этот наш бестселлер, ориентированный на автомобилистов помоложе. Еще до конца нынешнего, 1987 г. мы сменим практически все устаревшие модели и начнем шаг за шагом, процент за процентом возвращать свои позиции на внутреннем и мировом рынках».

Иначе видит выход из трудностей Мицуру Сиодзаки, ветеран «Ниссана», заместитель заведующего административным отделом знаменитого завода в Дзама, куда почти неизбежно попадают все именитые гости Японии. Завод прославился тем, что там действует весьма эффективная и очень эффектная поточная линия сварки корпусов.

...За решеткой ограждения каждые 24 секунды происходит небольшое чудо: сварщики-роботы без всякого участия людей двадцатью огненными прикасаниями сваривают воедино части автомобильного кузова. «Да, наша фирма была первой, еще в 1968 г. поставив робота к поточной линии сборочного завода. На сегодня на пяти таких заводах «Ниссана» работает уже 2100 роботов — это более четверти всех роботов японской автомобилестроительной промышленности. Сейчас такие малоприятные операции, как сварка и покраска корпусов, на 98 % осуществляются роботами. Механическим помощникам доверены и более сложные дела: установка ветрового и заднего стекол, задних фонарей, сидений, шин, аккумуляторов и запасного колеса, регулировка фар дальнего света, заправка бензобака и резервуаров с водой для мойки ветрового стекла. Роботы могут многое, и наши инженеры считают, что в принципе можно довести долю роботизированных операций на сборке до 40 %. Правда, это потребует дополнительно 8500 роботов и внушительных капиталовложений. Сейчас же эта доля измеряется 5-10 %. Так что за счет роботизации быстро поправить дела вряд ли удастся.

Да и вообще при всем уважении к роботам и компьютерам мы не верим в одни только технократические решения. Главным действующим лицом современного производства остается и долго еще будет оставаться человек — рабочий и инженер».

Мы подошли к главному конвейеру, по которому двигались «бестселлеры» — машины «Санни». Все они были похожи и в то же время не совсем похожи друг на друга. Количество вариаций базовой модели «Санни», рассказали мне, составляет 2100, не считая 23 вариантов цветов. Дело в том, что каждая машина производится в соответствии с конкретной заявкой агентов по сбыту в Японии и за границей. Собранные заявки вводят в главный компьютер, который составляет программу производства на рабочий день из двух смен. Подчиненные по компьютерной иерархии ЭВМ подбирают комплектующие блоки и детали, связываются с

компьютерами ведущих фирм-поставщиков, которых у завода более сорока. Обеспечить своевременную поставку не просто. Только треть деталей производится прямо на заводе, а заказы на любую из остальных деталей распределяются между двумя разными поставщиками. Если подведет один, то нехватку восполнит другой. Но наказание провинившемуся будет скорым и жестоким — лишение новых заказов. Поэтому сбоек практически не бывает.

Конвейер движется почти со скоростью пешехода. Пешеходная дорожка со стоящими рабочими тоже движется со скоростью конвейера. Точные и быстрые движения рабочих в одинаковых комбинезонах с нашитыми на них знаками различия. Ни секунды не пропадает зря. Хотя одним из условий визита на завод было не вступать в беседы с рабочими, я все-таки надеялся задать один-другой вопрос. Но, глядя на ритм, в котором работают сборщики, понял, что им и впрямь не до разговоров с журналистами. Тем более что часы в цехе уже показывают пять минут третьего, а гудка на перерыв не дают: до полудневной нормы — 400-еще не хватает трех машин.

Ровно через три минуты конвейер остановился, можно передохнуть. «Рабочий день длится восемь, часов, час — перерыв на обед, две десятиминутные «кофейные паузы», — объясняет мой спутник. — Между двумя сменами делается часовой перерыв, в случае необходимости рабочие первой смены могут поработать сверхурочно, за дополнительное вознаграждение. Делают они это охотно и переживают, когда падение заказов вынуждает администрацию сокращать или вовсе отменять сверхурочную работу. Сейчас дела фирмы начинают улучшаться, и мы надеемся скоро снова сделать субботы рабочими. Когда рабочие отдыхают? Каждое воскресенье, затем 5 дней во время так называемой «золотой недели» в конце апреля — начале мая, в августе весь завод останавливается на 9 дней, и еще 9 дней мы не работаем по случаю рождества и Нового года. Думаю, этот вариант более рационален и удобен для семейных людей, чем двух-трехнедельные отпуска в других странах.

Молодой рабочий начинает с зарплаты 120–130 тыс. иен в месяц, инженер или служащий — со 140–150 тыс. Каждый год, проработанный на «Ниссане», зарплата увеличивается. Квалифицированный рабочий-ветеран за год получает примерно 5 млн иен, но это с учетом «бонусов». Так называются премии, которые выплачиваются в зависимости от итогов работы всей фирмы дважды в год. Раньше сумма «бонусов» составляла 5,6 месячных зарплат. Сейчас выплаты сократились до 5,4 зарплат. Надо работать лучше. Это относится ко всем от рабочего до президента.

Кстати, на «Ниссане», да и практически во всех других японских компаниях, отсутствуют зияющие пропасти между рабочими и управляющими, которые так характерны для западных стран. Начальник цеха, где мы находимся, получает 700–800 тыс. иен в месяц, то есть в шесть раз больше начинающего рабочего. Для нас немыслимо иметь разные столовые для рабочих и управленческого аппарата, мы все ходим в одинаковой спецодежде, а недавно на «Ниссане» введена новая форма обращения друг к другу, которая исключает ранее употреблявшийся титул. Меня теперь называют просто Сиодзаки-сан, а не «заместитель заведующего отделом Сиодзаки». Это и демократичнее, и быстрее.

Вообще мы стараемся создать на работе домашнюю, семейную обстановку. Она возможна только при минимальной текучести кадров. Как правило, рабочие и служащие приходят в нашу фирму на всю жизнь, хотя от знаменитой японской «системы пожизненного найма» стали постепенно отказываться даже крупные компании.

Мы берем на работу далеко не любого желающего: рабочий должен иметь законченное 12-летнее среднее образование, должен постепенно овладеть всеми специальностями, которые встречаются на его участке. Мы делаем упор именно на рабочего, на его квалификацию, изобретательность и энтузиазм. А мастера, инженеры, управляющие... Они не подстегивают рабочих, как в США и Западной Европе, а вдохновляют их. Без взаимного уважения не обойтись, и мы искренне уважаем рабочих, обедаем с ними, отдыхаем семьями во время общезаводских праздников и турпоездки, беседуем, спрашиваем их мнение о том, что надо улучшить. Наша модель менеджмента — снизу вверх. Идеи должны рождаться

внизу и лишь утверждаться наверху. Я слышал, что в Советском Союзе идет перестройка экономики, так вот и у нас на «Ниссане» своя перестройка. И рабочие очень активно в ней участвуют. Примеры? Ну вот в голову пришли такие. Мы стали по предложению сборщиков при определенных операциях наклонять корпуса машин, так как под них было трудно подлезать снизу. И еще. Рабочие заказали крепящиеся на поясе сумки с деталями и инструментом, за которыми им раньше приходилось сновать взад-вперед к столикам. Но это лишь капля в море. Предложений сотни и тысячи — ведь практически все рабочие участвуют в деятельности «кружков качества». Что это такое?

Шесть — восемь человек из одной бригады, с одного участка объединяются на добровольной основе в кружок и раз-два в месяц собираются, чтобы обсудить возникшие в процессе работы идеи. Они преследуют три цели: улучшить качество продукции, условия труда, повысить производительность. Во главе кружка стоит избранный руководитель. Как и все члены кружка, он участвует в этой деятельности бесплатно и в нерабочее время. Они действуют независимо от администрации, но мы чувствуем необходимость поощрять кружки и поэтому каждый месяц оплачиваем два часа их занятий. Если выдвинутое предложение высокоэффективно, то оно специально оплачивается в разовом порядке. Благодаря инициативе рабочих-рационализаторов в прошлом году мы получили 8 млрд иен. Вот мы как раз подходим к так называемой «секретной комнате», где занимаются «кружки качества». Войти туда мы не сможем не только потому, что она открывается лишь после рабочего дня. Представителям администрации не полагается «навещать» помещения кружков, где хранится их документация, стоят станки и иные приспособления для технического экспериментирования».

Дверь действительно была закрыта, но и то, что было вывешено на фанерной стене «секретной комнаты», оказалось интересным. Цветные фотографии наиболее отличившихся рабочих, технологические карты. Написанные какой-то яркой, чуть ли не фосфоресцирующей краской иероглифы лозунга провозглашали: «Наша цель — в сведении брака к полному нулю!» Под лозунгом висели показатели работы обеих смен за минувшую неделю. «Понедельник — 1 дефект (зазор между кузовом и бампером). Вторник — без дефектов. Среда и четверг — по одному дефекту (без уточнений). Пятница — без дефектов». А во взятой в аккуратную рамочку грамоте значатся обязательства бригад на текущий год: добиться роста производительности труда на 14,9 %, свести рекламации к нулю, продать родственникам или знакомым по одной машине «Ниссан» на каждого члена бригады, работать без несчастных случаев, водить собственную машину без дорожных происшествий. А чуть поодаль от «секретной комнаты» и расставленных рядом скамеек и стульев с присевшими отдохнуть рабочими стояли две машины «Санни» производства предыдущего дня. Каждая смена может посмотреть на плоды своего труда, сравнить его качество с качеством работы коллег-сменщиков.

«Не только рабочие, но и все служащие компании участвуют в движении за рост качества, за повышение производительности труда и экономию, — стал объяснять Сиодзаки-сан. — Как правило, названия и формы движений меняются раз в два года, чтобы лозунги не приедались. Сейчас развернулось движение «кэти-кэти». Некоторые говорят, что это, мол, повторение проходившего раньше на «Тоёте» движения: «Отжимать даже высохшее полотенце». Может быть, смысл движений одинаков: экономия, за счет которой мы хотим повысить конкурентоспособность продукции. Но формы различаются. «Кэти-кэти» — это подражание пisku комара, который вот-вот укусит. Мы хотим быть настойчивыми, въедливыми, как комар, не брезговать самыми маленькими реформами. Нередко мы сами ощущаем боль от укуса. Управленческому аппарату в прошлом году понизили зарплату, произошли массовые перестановки в соответствии с заслугами, способностью генерировать идеи и энергично претворять их в жизнь. Части управленцев — вместе с некоторыми инженерами и рабочими — пришлось заняться торговлей машинами, изучением потребностей наших покупателей. Введена система полной финансовой ответственности каждого завода, каждого управленческого звена, как будто они полностью

самостоятельные компании. Осуществляется экономия электроэнергии, летом наши заводы устраивают выходные в будни, а в субботу и воскресенье, когда электричество продается со скидкой, работают. И так мы экономим 300 млн иен. Клерки токийской штаб-квартиры придумали обменять ставшие ненужными документы на туалетную бумагу... Так комары превращаются в слонов. Из отдельных иен складываются тысячи, из тысяч миллионы...»

Можно дополнить сказанное Сиодзаки-сан примерами из газеты «Асахи», корреспондент которой побеседовал с рабочими, ощутившими «боль от укуса» особенно сильно. Одни жаловались на ставшие полутемными туалеты, другие — на 30-градусную жару помещений, в которых ради экономии не включили кондиционеры. Подсобный рабочий сетовал на низкое качество и небезопасность дешевых рукавиц, которыми заменили дорогие — из чистого хлопка. Вызванные в воскресенье красить полы цеха управляющие не успели закончить работу вовремя, и рабочих после смены оставили докрашивать, да к тому же бесплатно. Вполовину урезаны компенсации для пользующихся транспортом. Газета приводит и такое высказывание: «В январе 1986 г. 2900 рабочих нашего завода изготовили 28 тыс. легковых машин. Но в июле 30 тыс. машин было изготовлено рабочими, число которых сократили до 2300. Этого добились за счет роста сверхурочных работ».

Наверное, примеров такого рода можно отыскать еще больше. Но и без того ясно, что намерение руководства «Ниссана» сократить расходы за год на 200 млрд иен будет осуществляться в первую очередь за счет интенсификации труда рабочих и служащих, а не путем лишь экономии электричества или обмена старых документов на туалетную бумагу.

Весь вопрос не в том, увенчается ли успехом кампания «кэти-кэти», удастся ли «Ниссану» сэкономить заветные 200 млрд иен и благодаря новым моделям удержаться в числе лидеров. Вопрос, скорее, состоит в том, какие новые сюрпризы готовят «Ниссану» и другим гигантам японской экономики те, кто из-за океана по-прежнему определяет правила игры в «свободную торговлю».

И еще один вопрос: удастся ли компенсировать застой и грядущий спад в экспорте автомобилей за счет расширения продаж на внутреннем рынке? По насыщенности автомобилями Япония (одна машина на 2,8 человека) все еще отстает от США (одна машина на 1,4 человека) или ФРГ (одна машина на 2,3 человека). Но мало кто надеется на существенное увеличение торговли «телегами», достигшее 6,5 млн штук в 1988 г. Даже этот уровень продаж считается чудом в условиях не просто насыщенности, но даже перенасыщенности внутреннего рынка.

Начавшаяся с середины 50-х годов автомобилизация Японии уже к началу 60-х годов приобрела характер эпидемии. Тогда в условиях небывалого роста экономики и повышения денежных доходов еще недавно полуголодного населения была изобретена формула «трех си». Обладание автомобилем, цветным телевизором и кондиционером воздуха было объявлено символом принадлежности к «среднему классу». Погоня за ними должна была стимулировать именно те отрасли промышленности, к развитию которых стремились стратеги «большого бизнеса». Кроме того, «три си» были в общем-то вполне досягаемы, в отличие от фантастически дорогого жилья.

Сейчас уже практически каждая японская семья имеет цветной телевизор, две трети — автомобиль и примерно половина — кондиционер. И хотя все больше людей понимает, что обладание «тремя си» не улучшает в корне качество жизни, что проблемы жилья, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения и образования не исчезают с зачислением в «средний класс», множество обывателей удовлетворяется достигнутым. Ведь соседнее семейство тоже живет не лучше, их земное богатство состоит из тех же трех заветных фетишей.

Похоже, что обладание машиной становится для многих японцев одним из главных средств самовыражения, проявления индивидуальности. Ради покупки этого символа благополучия люди нередко залезают в долги к ростовщикам, втягиваются в бесконечную уплату процентов. Проблемы этих людей символизируют те жертвы, которые приносят японцы на алтарь «общества потребления». Оценивая плюсы и минусы этого общества,

газета «Асахи» писала: «Конечно, мы немало приобрели. Но в то же время мы утратили нечто очень ценное... Похоже, мы расстаемся с чувствами справедливости и художественного восприятия, с духовной тонкостью...»

Перенасыщенность «телегами» лучше всего видна по воскресеньям, когда простоявшие всю неделю на приколе машины пытаются найти себе место на парковках перед модными магазинами, парками, храмами, когда скорость на шоссе падает до 20–30 км, а аварийные службы еле успевают выезжать на вызовы. Но и в будние дни на дорогах очень тесно. В 1988 г. в Японии насчитывалось 52 млн 490 тыс. автомашин всех типов, в том числе около 30 млн легковых автомобилей. Уместно вспомнить, что еще в 1965 г. легковых машин было всего 2181 тыс. Рост — в 14 раз! Строительство же дорог велось все это время гораздо медленнее. Если в 1972 г. их общая протяженность составляла миллион километров, из которых менее четверти были с твердым покрытием, то 15 лет спустя соответствующие цифры равнялись 1115 тыс. км и 48 %. Скоростных шоссе введено в строй 4280 км, то есть по 8 см на автомобиль...

Но это — статистика, теория. На практике же, особенно в Токио, Йокогаме, Осаке, Нагое и других крупных городах, на машину зачастую приходится столько метров дороги, какова длина самой машины. Четырехкилометровое расстояние от моего корпункта до советского посольства, например, только ранним утром удавалось преодолеть за четверть часа. Днем же это расстояние требовало в лучшем случае полчаса. Проскочить пару светофоров без остановки — удача! Не попасть в пробку — везение! Езда на машине вообще была бы бессмысленна и практически невозможна, если бы не «три кита», на которых пока держится японский автотранспорт. Эти «три кита» — скоростные шоссе, предельная строгость дорожной полиции, беспредельная вежливость водителей.

Что делать, если надо быстро добраться из одного конца Токио в другой? Вся надежда только на столичную скоростную дорогу, девять линий которой лучами расходятся от кольца вокруг лежащего в сердце гигантского города императорского дворца. Строительство скоростных дорог началось в преддверии Токийской Олимпиады 1964 г. С тех пор покоящиеся на опорах 10-метровой высоты бетонные желоба стали неотъемлемой, хотя и малопривлекательной частью городского пейзажа. Трудно переоценить значение 200 км «хайвэя» для столичного транспорта. Ежедневно им пользуются около 800 тыс. автомобилистов.

Заплатив 600 иен для легковой машины или 1200 иен для грузовиков и автобусов, водитель выезжает на огражденную бетонными бортами дорогу, по которой двумя рядами в одном направлении движется поток машин. На городском «хайвэе» практически не бывает светофоров, дозволенная скорость на большинстве участков 80 км в час, а не 50, как внизу, на обычной улице. В действительности же машины движутся с наибольшей возможной в данный момент скоростью — от 100 до 5 км в час. Увы, замечательная дорога тоже не избавлена от заторов и пробок. С замиранием сердца подъезжаешь к очередному электронному табло, сообщающему об обстановке на дороге. Вот зажглись роковые иероглифы «пробка», название места, где она поджидает, длина затора в километрах. «Тормози, успокойся, послушай радио» — самый лучший совет, который можно дать самому себе в этой ситуации. Ведь до очередного съезда с шоссе надо еще добраться, это не «на земле», где знание объездов может помочь опытному шоферу. Хорошо, если затор вызван просто слиянием двух линий шоссе, тогда после 10–15 минут езды с черепашьей скоростью снова устремляешься к цели. Но если впереди ведутся ремонтные работы или произошла катастрофа... Бывают случаи, когда приходится простаивать в «пробках» часами. Стоит пойти сильному дождю или выпасть снегу, и сразу образуются заторы в 5–10, а то и в 20 км. И хотя такое случается не часто, воспоминаний хватает на много обычных, экономящих время поездок.

«Хорошо, да мало». Таково единодушное мнение водителей о скоростной дороге, темпы строительства которой безнадежно отстают от прироста автопарка. Разработаны планы строительства новых и удлинения действующих линий, создания трех

концентрических колец, которые свяжут наиболее важные районы Токио и его окрестностей. Если хватит денег, то к началу будущего века протяженность городских платных дорог вырастет еще на 380 км.

Несколько радиальных линий токийского «хайвэя» переходят за пределами столицы в скоростные шоссе национального значения. Одна линия ведет на север, обрываясь у города Аомори, лежащего на берегу Сангарского пролива, который разделяет острова Хонсю и Хоккайдо. Что такое 675 км езды по отличному шоссе, на котором совсем не чувствуешь скорости и только встроенный колокольчик намеренно противным звоном обращает внимание на превышение последнего допустимого предела скорости в 105 км в час? Но до осени 1987 г. было бы серьезной ошибкой просто поделить дистанцию на скорость и понадеяться прибыть в город Аомори через 5–6 часов после выезда из Токио. Прежде всего до въезда на «хайвэй» надо было проехать около 40 км по вечно забитой тяжелыми грузовиками обычной дороге. Накидываем два часа. Неподалеку от живописнейшего озера Товада, уже совсем недалеко от цели путешествия, скоростное шоссе обрывалось и снова приходилось спускаться на грешную землю, встраиваться в хвост неспешно катящей по узкой дороге череде грузовиков и крестьянских тракторов. 30-километровый перерыв до въезда на остальную часть «хайвэя» отнимал в лучшем случае дополнительный час.

Та же история с путешествием на юг. Только весной 1988 г. уже после моего возвращения домой вошел в строй один из участков скоростного шоссе, который раньше «разрывал» его трассу по северу острова Кюсю. Пройдет еще несколько лет, и от Аомори на севере острова Хонсю можно будет без остановок домчаться по «хайвэю» до города Кагосима, самого крупного на юге острова Кюсю. Протяженность трансяпонского скоростного шоссе составит 2135 км!

Но все это сегодня и завтра. А еще вчера, когда мне приходилось совершать поездки на юг, картина была совсем иной. Сначала 6–7 часов монотонной езды от Токио до Киото. Еще час до Осаки. Оттуда до Хиросимы — 4–5 часов. Полтора-два часа спустя уже въезжаешь на мост через пролив между островами Хонсю и Кюсю. Без малого тысяча километров за день — это очень неплохо. Но вот на Кюсю скоростные шоссе действовали только на разрозненных участках, между которыми все те же узкие и вечно забитые обычные дороги с рычащими встречными грузовиками, чуть-чуть не задевающими тебя бортом, с сизыми клубами дыма, мешающими любоваться рисовыми полями и причудливыми южными горами. Очередного участка «хайвэя» ждалось как избавления. Бело-зеленые щиты еще издали предупреждают: «До въезда на скоростное шоссе осталось 15 км». Вот уже только 10 км, 5 км. И наконец показались ворота контрольного пункта, на котором вручается карточка с отметкой о месте въезда.

Вместе с этой карточкой получаешь право пользоваться не только двухрядной в каждом направлении скоростной дорогой, но и построенными вдоль нее площадками отдыха, кафе и столовыми, заправочными станциями, телефонами междугородней и аварийной связи. Расположенные через каждые 15–20 км в наиболее живописных местах площадки отдыха обеспечивают водителей местом для парковки, недорогими и вкусными обедами и завтраками, безалкогольными напитками, местными сувенирами и бесплатными дорожными картами с указанием расстояний, окрестных достопримечательностей, гостиниц, проселочных дорог. После 2–3 таких площадок, то есть через каждые 40–60 км, оборудованы станции техобслуживания, где наряду со всеми услугами обычной площадки отдыха можно позаботиться и о машине. В отличие от своих городских сестер, большинство станций обслуживания на «хайвэях» работают круглосуточно все дни недели, включая и воскресенье. Клиенту, особенно залившему целый бак, предложат массу бесплатных услуг: помыть машину в автоматической мойке, подкачать шины, проверить аккумуляторы, помочь с мелким ремонтом. Конечно, все эти удобства в конечном счете обходятся недешево: литр бензина стоит чуть дороже, чем на обычной заправке. 60-литровый бак, которого хватает на 500-километровый путь между Токио и Киото, обойдется в 8 тыс. иен. Да еще при выезде с «хайвэя» полученную в начале путешествия карточку вставят в счетную машину и назовут

стоимость проезда — 9 тыс. (Так было в начале 1987 г., с тех пор стоимость проезда увеличилась.)

Высокая и быстро растущая стоимость пользования скоростными шоссе конечно же огорчает автомобилистов. Но, по крайней мере, они могут найти утешение в размышлениях о столь же крутом взлете цен на авиабилеты и поездки знаменитым железнодорожным суперэкспрессом «синкансэн», линии которого зачастую проложены параллельно основным маршрутам «хайвэев».

Еще одно, может быть, самое главное огорчение — все те же «пробки». Они возникают реже, чем в городах. Но, единожды попав в затор, проводишь в нем гораздо больше времени. Причины? Серьезные аварии, вызванные лихачеством или усталостью водителей. Обвалы на горных участках. Тайфуны. Землетрясения. Снежные заносы на севере. Наводнения на юге. Национальные праздники, когда сотни тысяч горожан направляются в родные деревни, к семейным кладбищам и храмам. Новый год и рождество, буддийский праздник поминовения усопших «Бон» и весенняя «золотая неделя» — это дни, когда о путешествии по скоростному шоссе лучше и не думать.

Не всегда удается отвести душу и до отказа вдавить педаль газа и в будние дни. Ведь автотранспорт стал в Японии главным средством доставки грузов. Ежегодно 1300 тыс. машин, в основном тяжелых грузовиков, перевозят по скоростным шоссе 500 млн т всевозможных грузов. И хотя общая протяженность сети «хайвэев» Японии достигла в 1988 г. 4880 км, а к концу века должна составить более 7 тыс. км, надежды на коренное улучшение дел невелики. Кризис государственных финансов заставляет правительство урезать все статьи расходов, за исключением конечно же военных. В число главных жертв попадает и программа строительства новых скоростных шоссе. Новые линии открываются с многолетним опозданием, обходятся гораздо дороже первоначальных смет. И все же только благодаря местами перегруженным, местами прерывающимся «ниткам» скоростных шоссе можно пересечь всю Японию вдоль с севера на юг за 3–4 дня и поперек с востока на запад — за 3–4 часа. Без этих «ниток» машины были бы просто ненужной забавой или верным средством сойти с ума.

Водители и дорожная полиция всегда и везде находятся по разные стороны баррикады. Но японские автомобилисты признают, что без облаченных в голубые комбинезоны мотоциклистов, строгих девушек-регулирующих в кокетливых пилотках и мрачноватых водителей черно-белых патрульных машин на дорогах Японии царил бы хаос. Первая встреча с полицией происходит в ходе длительной, суровой и стоящей немалых нервов процедуры экзаменов на водительские права. Но, прежде чем встать в длинную очередь на строгий медосмотр, на состоящий из ста заковыристых вопросов устный экзамен и на поездку по учебному полигону, необходимо потратить много времени и денег на занятия в автошколе. Полный курс обучения включает 30 часов лекций и столько же времени за рулем тренировочного автомобиля. Он обойдется в 200–300 тыс. иен.

Несколько уроков в одной из токийских школ, которые я решил получить прежде, чем перейти на левостороннее движение, были очень поучительны. Инструктор обращал внимание не только на особенности езды в условиях Японии: обилие мотоциклов и велосипедов, узость и извилистость улиц. Он постоянно напоминал о необходимости соблюдать писанные и неписанные правила автоэтикета. Главные же из них — уважать других водителей и беспрекословно подчиняться указаниям полицейских. Сдав экзамены (далеко не с первой попытки) и прождав пару недель выдачи запаянной в целлулоид небольшой карточки водительских прав, я вступил в следующий круг испытаний. Необходимо было зарегистрировать машину, получить номер. Для этого пришлось отнести в районный полицейский участок целый ворох всевозможных справок, квитанций, сертификатов: об уплате дорожного, весового и государственного налога, о техническом осмотре машины, об обязательном и дополнительном страховании. Но главная бумага — это свидетельство о наличии места постоянной парковки. Без нее номер просто не выдадут. А ведь найти несколько квадратных метров пространства для машины далеко не просто и уж тем более не

дешево. Место в гараже дома, где размещен корпункт журнала «Новое время», который я представлял, обходилось в 30 тыс. иен ежемесячно.

Но вот наконец все формальности завершены и можно выехать на улицу. Осторожность, и еще сто раз осторожность! Бдительное око следит за тобой. Карающая, длань готова в любой момент опуститься на нарушителя, причем дважды за один и тот же проступок. Прежде всего, за каждый из 60 типов нарушений надо уплатить штраф. Превышение дозволенной скорости до 15 км обойдется в 6 тыс. иен, до 25 км — 10 тыс. Проезд на красный свет — 5 тыс., перегрузка машины пассажирами или багажом -5-8 тыс., создание помех пешеходам — 5-6 тыс. иен. Езда в состоянии опьянения обходится не только в 30 тыс. иен штрафа, но еще и влечет за собой три месяца «штрафного времени» в тюрьме. Однажды на пустынной улице я не остановился у начертанных на асфальте иероглифов с призывом поступить именно таким образом. Выросшая словно из-под земли девушка-полицейская сначала долго делала выговор, а затем выписала штраф в 5 тыс. иен. Условия езды в Токио таковы, что даже самый дисциплинированный водитель рано или поздно нарушит какое-либо правило и будет вынужден раскошелиться.

Но дело в том, что нарушение карается вовсе не одним только штрафом. Параллельно действует еще и система штрафных очков. Достаточно накопить в течение трех лет 6-14 очков, чтобы лишиться прав на несколько недель. 15-24 очка караются годичной дисквалификацией, 25-34 очка — двухлетним, а свыше 35 очков — трехлетним запретом водить машину. Заработать штрафные очки очень просто. Проезд на красный свет — 2 очка, превышение скорости на 15 км — одно, на 25 км — 6, езда на незастрахованной или не прошедшей техосмотр машине — 6, появление за рулем в состоянии наркотического или алкогольного опьянения — 15 очков. Кстати, любое нарушение, совершенное в состоянии даже слабого опьянения, влечет умножение числа штрафных очков в два-три раза. Почти каждый серьезный контакт с полицией ведет к проверке числа очков — карточку прав можно вставить в компьютер в полицейском участке — и горе «рецидивисту»! Еще одна возможность узнать свой «послужной список» предоставляется раз в три года во время обмена старых прав на новые. Чтобы водители не забывали об этой важной формальности, предельным сроком обмена всегда назначается их день рождения.

Само собой разумеется, что серьезные нарушения, повлекшие за собой увечья или гибель людей, караются очень строго — тюремным заключением. В Японии действует восемь тюрем для провинившихся автомобилистов. В одной из них, расположенной неподалеку от Токио, было разрешено побывать иностранным корреспондентам. Две трети из 244 заключенных были осуждены за нанесение травм и катастрофы со смертельным исходом. Остальные — за езду в нетрезвом состоянии, систематическое нарушение правил движения, особенно за превышение предельной скорости.

Заключенные не только размышляют о своей судьбе, но в обязательном порядке участвуют в дискуссиях о недопустимости нарушения правил движения. Кроме того, ежедневно устраивается церемония перед памятником жертвам дорожных катастроф. Бывшие лихачи низко кланяются перед монументом, на котором высечены слова: «Я сожалею о своем прегрешении и обещаю искупить вину перед обществом». После рабочего дня в мастерских по изготовлению соевого соуса и алюминиевых оконных рам заключенные получают весьма скудную пищу и либо расходятся по камерам трех степеней строгости (в зависимости от величины оставшегося срока), либо отправляются на урок вождения машины.

Как ни строга дорожная полиция, как часто ни проводятся кампании за безопасность движения, число несчастных случаев, в том числе и со смертельным исходом, сейчас растет из года в год. В 1986 г., например, было зарегистрировано 500 тыс. происшествий, погибло 9317 человек. Много это или мало? Мало, если сравнивать с аналогичной статистикой из США или других высокоавтомобилизованных стран. Много, если учесть, что введение жестких мер контроля за поведением водителей, улучшение автомобилей и дорог позволили в 70-е годы резко сократить число жертв по сравнению с предыдущим десятилетием — с

16–17 тыс. человек в год. Публикуемые цифры отражают устойчивую тенденцию к росту всех видов транспортных происшествий, но основные источники беспокойства для полиции — это неправильное поведение мотоциклистов, велосипедистов и пешеходов.

С конца 60-х годов стала возрождаться былая популярность велосипедов, мопедов, мотоциклов. Тогда же в японский язык вошло новое слово «босодзоку». Так стали называть группы или просто банды подростков, которые в подражание американским рокерам носились на мощных мотоциклах, не соблюдая никаких правил и норм, оглашая густонаселенные районы грохотом моторов со снятыми глушителями. Сложилась нетерпимая обстановка, и в 1978 г. был принят специальный закон против «босодзоку». Хулиганы на мотоциклах затихли, но ненадолго. Уже через год полиция признала, что уровень активности рокеров превысил все прежние рекорды. Число банд растет и будет продолжать расти в обозримом будущем, считает полиция. Признает полиция и то, что корни проблемы — социальные. Среди членов банд велик процент безработных юношей и девушек, неуспевающих школьников. «Молодежь без веры в завтрашнее общество». Так озаглавлен специальный раздел в «Белой книге» полицейского управления, посвященной хулиганству на дорогах.

Страшно и опасно ехать по дороге, когда в узком промежутке между движущимися со скоростью 50–60 километров в час машинами проносится кавалькада ревущих мотоциклов, увешанных сиренами, зеркалами, огромными запасными баками и антеннами приемников. И все же еще страшнее и опаснее вполне благонамеренные домохозяйки, школьники, служащие, которые шныряют на своих велосипедах и мотороллерах то в уличной толпе, то неожиданно выскакивают на дорогу сбоку, впереди, позади движущихся машин. Хотя для владельцев двухколесных транспортных средств тоже необходимы права, они сдают только простые устные экзамены. Разве удивительно, что почти четверть смертельных случаев на дорогах приходится именно на них?

Еще треть смертей на дорогах вызвана неспособностью автомобилистов наладить мирное сосуществование с пешеходами. Пешеходы, как правило, очень дисциплинированы. Редко можно увидеть человека, переходящего улицу в неполюженном месте или идущего на красный сигнал светофора. Это, правда, относится главным образом к большим городам с их широкими улицами и площадями. Во время же поездок по японской «глубинке» приходилось быть исключительно внимательным — старушки в традиционных нарядах, весело щебечущие молодые матери с детьми за спиной могут с невозмутимым спокойствием пойти наперерез потоку автомобилей да еще и сделают обиженный вид, если кто-то из водителей недовольно просигналит. Примерно то же самое можно сказать и о торговых улицах, изобилующих в жилых районах столицы. Оставленные порезвиться у входов в лавки дети, приказчики с кипами ящиков в руках, покупательницы на велосипедах, презрительно поглядывающие на автомобили еле-еле ковыляющие старушки — все они отлично знают, что с точки зрения полиции пешеход всегда прав. Положение усугубляется еще тем, что на многих японских улицах до сих пор нет тротуаров и пешеходам остается только соперничать с автомобилистами за жизненное пространство.

Постоянно увеличивающиеся «ножницы» между ростом числа автомобилей и строительством новых дорог осложняют еще одну крайне серьезную проблему — паркование машин. И хотя чуть ли не под каждым банком, универмагом, учреждением в центре городов построены подземные стоянки, они очень быстро заполняются, несмотря на довольно высокую стоимость услуг (200–300 иен за полчаса). Найти стоянку, где в разгар рабочего дня не висела бы табличка «Мест нет», весьма непросто. Очень часто приходится нарушать правила и ставить машину у обочины с прерывистой желтой или — того хуже — сплошной желтой полосой. Как правило, весь крайний левый ряд важнейших городских магистралей и наиболее популярных боковых улочек заставлен прижавшимися бампер к бамперу машинами. Это не только сужает проезжую часть, снижает скорость движения, но и ведет к частым столкновениям, особенно вблизи перекрестков. Треть дорожных происшествий со смертельным исходом случается при наезде движущихся автомобилей на

припаркованные. По данным столичной полиции, число стоящих на улицах Токио машин достигает в дневное время 250 тыс., 200 тыс. из них — нарушители. Нарушителей полагается наказывать. Этим занимаются милостивые девушки-полицейские, разъезжающие парами на миниатюрных автомобильчиках. Они движутся кругами по районам, где скапливается больше всего «добычи». Через мощный репродуктор на крыше патрульной машины одна из девушек называет номера взятых на заметку машин и с использованием самых вежливых форм японского языка просит водителей убрать свои автомобили. Другая блюстительница закона тем временем длинной тростью с куском мела на конце делает отметки на колесе машины-нарушителя и асфальте. Если помеченные машины остаются на том же месте и во время следующего круга, то по рации вызывается буксировщик, который снабжает клиентурой какой-нибудь платный гараж. На асфальте остается номер увезенной машины и телефон, по которому можно узнать ее дальнейшую судьбу.

Однажды я попал на незапланированную пресс-конференцию в пресс-клубе и провел в нем около часа. На улице вместо машины меня ждали аккуратно написанные мелом цифры и иероглифы. Мне сильно повезло: полицейский участок, чей телефон значился на асфальте, оказался совсем рядом. Всего через полчаса, заплатив 6 тыс. иен штрафа, примерно столько же за «услуги по транспортировке» да еще утроенную стоимость стоянки в гараже, я уже выезжал из подземелья. Другой раз везение изменило, потеря времени и денег была гораздо чувствительнее.

Конечно, порядок на дорогах во многом зависит от усердия и строгости полиции. Но равновелика и роль самих водителей. Подавляющее большинство японских автомобилистов — вежливые, дисциплинированные, выдержанные люди. Они не станут молотить по клаксону в знак протеста против попытки обгона, не будут выскакивать и выяснять отношения с создавшим опасную ситуацию. В случае столкновения, например, обе стороны прежде всего обменяются поклонами, затем визитными карточками и лишь потом пойдут вызывать аварийную службу. Не забуду, как глядели на разъяренного водителя-иностранца, пытавшегося объяснить пожилой японке ее вину в столкновении. По существу, иностранец был прав, но взрыв эмоций заставил его «потерять лицо» и симпатии других водителей.

Неписаных правил «хорошего тона» очень много. Вечером во время остановки перед красным светом,

скажем, следует выключить фары дальнего света. Зачем? Чтобы не слепить водителей встречного ряда и стоящих впереди. При слиянии двух потоков машин полагается пропускать друг друга через одного. При необходимости сменить полосу достаточно включить сигнал или, в крайнем случае, помахать рукой из окна. Вам не придется ждать. Но надо не забыть и отблагодарить за вежливость — поднять в приветственном жесте правую руку, а еще лучше — слегка поклониться. Вы непременно получите ответный поклон.

Особенно ценна вежливость и водительская солидарность в критических ситуациях. Застряв однажды на напряженном перекрестке с вышедшим из строя аккумулятором, я вызвал «пробку» не столько тем, что создал помеху движению, а тем, что водители сразу нескольких машин остановились узнать, в чем дело, предложить помощь. Появившийся полицейский возглавил добровольцев, которые подтолкнули машину в безопасное место, вызвал летучку техпомощи и только затем произнес традиционные слова: «Ваши права?»

Старая истина гласит: не бывает правил без исключений. Истина эта действует и на японских дорогах. Чаще всего дорожный этикет нарушают водители тяжелых грузовиков и таксисты. При разборе катастроф с участием трейлеров и тяжелых грузовиков все чаще выясняется, что их водители пытаются бороться с усталостью при помощи стимулирующих напитков, лекарств, а то и самых обыкновенных наркотиков. На «хайвэях» не раз приходилось видеть, как тяжеленная махина вступала в опасную «игру» с легковой машиной, то прижимая ее к бетонному ограждению, то мешая оторваться от преследования.

Поведение же японских таксистов не только напоминает их коллег в других странах, но вообще наводит на мысль, что таксист — это не профессия, а особая порода людей. Машина с горящими красными иероглифами «свободно» — опасный сосед. Она может еле плестись,

сдерживая весь ряд, — водитель высматривает седока. Таксисту ничего не стоит резко и неожиданно затормозить при виде поднятой руки или, уподобившись танку, въехать в движущийся поток машин без всяких общепринятых церемоний. Особенно опасны те водители, которые работают на большие фирмы.

Немногочисленные же частники берегут свои машины как зеницу ока, и на их заднем бампере нередко видны

сразу несколько разноцветных наклеек за безаварийное вождение. Таксисты-частники отличаются также и особой вежливостью, предупредительностью к пассажирам. Вот такси тронулось с места. Водитель вежливо приветствует «почтенного гостя». В зависимости от настроения пассажира он может занять его беседой или предложить посмотреть установленный в некоторых машинах телевизор, спеть популярную песню под аккомпанемент записанного на магнитофоне музыкального сопровождения. Иногда частники могут предложить жевательную резинку, таблетки от головной боли, тонизирующий напиток, электробритву, а в дождь — фен.

Некоторые такси оборудованы для перевозки инвалидов, и у всех двери распахиваются без усилий пассажиров — нажатием кнопки водителем. В такси, как и во всей сфере услуг, не приняты чаевые. Шоферы отсчитывают сдачу с абсолютной точностью. Расплатиться с водителями большинства такси можно не только деньгами, но и специальными купонами, которые выдают фирмы своим сотрудникам, задерживающимся на работе. Ну и конечно же невозможно представить себе ситуацию, при которой пассажир почтительно осведомляется у шофера, не соблаговолит ли тот отвезти его по такому-то адресу.

Стоит заметить, однако, что пользование такси весьма накладно и быстро дорожает. Одна только посадка, которая в 1981 г. стоила 380 иен, в 1985 г. подорожала до 470 иен. Ходят слухи о готовящемся новом повышении. Так что таблетки от головной боли вполне уместны после поездки на более или менее большое расстояние. А потребность в успокоительных средствах может возникнуть поздним вечером, когда таксисты начинают выбирать «выгодных» пассажиров, отказываются везти калек, иностранцев и прочих «нетипичных» клиентов.

Несмотря на продолжающееся строительство новых скоростных шоссе, ужесточение правил уличного движения и беспрецедентную вежливость большинства автомобилистов, езда по японским дорогам становится все более невыносимой. С каждым годом растут доходы храмов, которые торгуют талисманами и амулетами, «гарантирующими» безопасность на дорогах. И все же из года в год становятся длиннее «пробки», разбухают списки погибших в автокатастрофах. Критическая обстановка на дорогах Японии становится таким же символом, как и удобные, экономичные машины с клеймом «Сделано в Японии».

Иокогама — город в поисках будущего

Иокогама стоит особняком среди шести с половиной сотен городов Японии. Ее не отнесешь к наиболее распространенному типу «замковых городов», которые разрослись вокруг укрепленных резиденций феодальных правителей, подобно Киото, Осаке, Нагоя, Токио. Нет в Иокогаме и знаменитых храмов, которые дали жизнь «храмовым городам». Об Иокогаме не скажешь, как о Хамамацу, Одавара, Хатиодзи, что город обязан своим возникновением почтовой станции на старинном тракте. История Иокогамы уникальна, как уникален и сам город, проделавший за 120 с небольшим лет путь от убогой рыбацкой деревушки до второго города Японии с населением в 2900 тыс. человек.

В 1853 г. к японским берегам подошла эскадра американского коммодора Перри, прозванная японцами «черными кораблями». Язык судовых батарей без всяких переводчиков рассказал властителям отгородившейся от внешнего мира страны, что политике самоизоляции пришел конец, поскольку Америке нужны новые рынки сбыта. По условиям продиктованных американцами договоров японские власти должны были открыть порты для внешней торговли. Выбор пал и на Иокогаму, располагавшую идеальной якорной стоянкой и

еще одним преимуществом — деревенька была расположена на легко контролируемом острове и удалена от города Эдо, нынешнего Токио, куда стремились американцы.

Открывшийся в 1859 г. порт поначалу состоял из двух причалов и таможенной заставы. Постепенно склады, здания торговых компаний, иностранных консульств, жилые кварталы вытеснили рисовые поля, заполнили остров, окруженный водами Токийского залива и нешироких речек. Власти пытались изолировать иностранцев и предотвратить их контакты с местными жителями. Пользовавшийся правами экстерриториальности иностранный селтльмент был отгорожен от японской части города полицейскими постами и заставами.

Но никакими заставами и запретами невозможно было сдержать алчность заморских купцов, наживавших огромные состояния на перепродаже шелка и чая, шерстяных и хлопчатых тканей. Никаких границ не знало и любопытство жителей Эдо, совершавших неблизкое по тем временам 30-километровое путешествие, чтобы посмотреть на диковинные дела, которые творились в Иокогаме. Там все было необычным от невиданных доселе дымящих кораблей и матросов в непривычной одежде до каменных домов и конных экипажей.

Через Иокогаму в Японию хлынул поток новшеств западной цивилизации. Жители города-порта с гордостью перечисляют все то, что впервые появилось в Иокогаме: электричество, водопровод, здания западного типа, телефон, мыло, канализация, госпиталь, железная дорога... До сих пор вспоминают случай, происшедший с одним знаменитым исполнителем женских ролей в театре «кабуки». Начавшаяся гангрена ноги грозила лишить поклонников его таланта возможности видеть своего кумира на сцене. Японские врачи в то время ампутаций не делали. Поэтому актера привезли в Иокогаму, где сведущий в медицине миссионер не только сделал операцию, но даже снабдил актера легким протезом.

Иностранцы пришли в Иокогаму в переломный момент японской истории. Обострялась борьба между сторонниками консервации феодальных порядков, которые группировались вокруг ставки военного правителя в Эдо, и самурайскими кланами, выступавшими за проведение реформ и выдвигавшими требование вернуть власть императору, лишь номинально правившему страной. Среди лозунгов реформаторов был призыв «изгнать варваров». В Иокогаме произошли нападения на иностранцев, несколько человек было убито. Однако, придя к власти в результате «революции Мэйдзи», реформаторы изменили отношение к иностранцам. Было решено использовать их знания, чтобы осуществить программу создания «богатой страны, мощной армии». В Иокогаме и ее окрестностях стали возникать военные заводы, верфи. Промышленность и внешняя торговля стали «двумя ногами», на которых город-порт зашагал вперед.

Впрочем, развитие Иокогамы далеко не всегда шло семимильными шагами. Природа и история ставили труднопреодолимые барьеры. Еще в 1866 г. иностранный селтльмент и часть японского города были уничтожены «пожаром свиной лавки», прозванным по месту, где занялся огонь. Гораздо большее бедствие обрушилось в 1923 г. во время знаменитого «землетрясения Канто», разрушившего Токио, Иокогаму, другие города. 20 тыс. человек погибли в Иокогаме, было уничтожено 60 тыс. домов. Гуляя по вытянувшемуся вдоль берега парку Ямасита, можно отчетливо представить себе масштаб катастрофы, ведь он создан на месте той части залива, куда сбрасывали остатки зданий. Расчистка, перепланировка и восстановление потребовали шести лет. Но и на этом не кончились беды Иокогамы. В мае 1945 г. она разделила участь Токио, Осаки, Нагоя и десятков других городов, разрушенных американскими тяжелыми бомбардировщиками.

А через несколько месяцев, в августе 1945 г., началась американская оккупация. В городе реквизируют лучшие из уцелевших зданий, в порту — девять десятых всех причалов и складов. Звездно-полосатый флаг все еще развевается над несколькими участками порта, над соседним городом Йокосукой, где базируется львиная доля атомных подводных лодок и авианосная группа 7-го флота ВМС США.

Иокогама была и остается портовым городом. В соседнем Токио тоже есть порт, но там почему-то не чувствуешь того особого морского запаха, того романтического настроения,

которое присуще портовым городам. Токио начинается с императорского дворца, лежащего теперь в 3 км от берега. В Иокогаме порядок иной. Город начинается с порта. После окончания оккупации у моря отвоевали большие куски суши, построили на них новые причалы, реконструировали старый порт.

В самом центре города — причал Осанбаси, к которому швартуются только пассажирские суда. Заход красавцев лайнеров «Куин Элизабет», «Федор Шалапин», «Канберра» становится событием в жизни всей Иокогамы. Тысячи жителей и специально приехавших токийцев стекаются к Осанбаси, чтобы полюбоваться кораблем, побывать на его борту. Частые гости Осанбаси — советские теплоходы, связывающие регулярной линией Иокогаму с Находкой, везущие туристов из СССР, Австралии, Канады. Советские лесовозы, сухогрузы, танкеры практически ежедневно становятся у причалов Ямасита, Хонмоку, Канадзава, Такаси́ма. А от контейнерного причала на насыпном острове Дайкоку начинается знаменитый транссибирский «контейнерный мост». Грузы для Советского Союза, стран Восточной и Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока доставляются судами-контейнеровозами совместной советско-японской пароходной компании до порта Находка, а оттуда через всю Сибирь отправляются по назначению уже по железной дороге. Проехав на катере мимо вооруженных современной техникой причалов, узнав от представителя дирекции порта, что здесь ежегодно обрабатывается около 1 20 млн т грузов и 70–80 тыс. судов, начинаешь лучше понимать ритм жизни Иокогамы, крупнейшего в Японии и третьего по величине порта мира.

Иокогама требует пешей, неторопливой прогулки. Хорошо, когда рядом идет «хамакко», коренной йоко-гамец, знаток и патриот своего города. Именно таким оказался мой знакомый, пригласивший однажды пройтись по своим любимым уголкам. Прогулка началась отсюда, откуда начиналась биография порта — с причала Осанбаси. Сейчас он ничем не напоминает те времена, когда к нему швартовались стремительные почтовые клипера, дымящие всеми трубами усталые трансокеанские пароходы. По обеим сторонам причала покачиваются целые выводки близнецов-буксиров, корабли береговой охраны. Лишь изредка они уступают насиженные места пассажирским лайнерам. Ничего не подделаешь, путешественники теперь предпочитают самолеты. Изменился и сам причал. На нем возвышается двухэтажный, похожий на прогулочную палубу лайнера стеклянно-бетонный павильон для таможенных и пограничных формальностей. Сразу за ним стоит арка с приветствием гостям Японии, а за ней начинается короткая улочка чудом уцелевших старинных особнячков, фасады которых украшены затейливыми вензелями, гербами и вывесками «экспорт-импорт».

Тихая улочка впадает в круглую площадь, постоянно бурлящую водоворотом машин. Преодолев опасные завихрения, попадаешь в старинную, историческую часть города. Вот стоит на невысоком постаменте полированный гранитный шар. Здесь был подписан договор 1854 г., вызвавший к жизни порт Иокогама. О «черных кораблях» американской эскадры напоминает не только памятник, но и чайная «У Перри». Она примостилась у изящного здания городского архива, где раньше располагалось английское консульство. На другой стороне площади — «Шелковый центр», построенный на месте, где еще не так давно проверяли качество вывозимого за границу шелка, первого богатства Иокогамы. Здесь под одной крышей собраны десятки магазинов и музеев, в котором не только показана история японского шелкоткачества, но и образцы этого благородного материала. Перед «Шелковым центром» стоит памятник в честь шелководов, ткачих, творцов всемирно известных шелковых кимоно: бронзовая женщина как будто еле удерживает наполненную морским ветром ленту ткани.

От середины площади перед «Шелковым центром» ведется отсчет иокогамских дорог. Причем не только тех, что соединяют 14 районов города. «До города-побратима Одессы 8473 километра» — гласит надпись на указателе. Тут же расстояния до других породненных городов: Лиона, Констанцы, Шанхая, Бомбея, Манилы, Сан-Диего, Ванкувера.

...«Чтобы ощутить аромат дальних стран, не обязательно уплыть из нашего

города, — говорит мой знакомый и в подтверждение своей правоты показывает на ресторан русской кухни «Самовар». — Магазины и рестораны в Йокогаме славятся обилием заморских яств на любой вкус и достаток». Мы стоим на знаменитой улице Басямити. Когда-то здесь проносились диковинные для японцев конные повозки, прогуливались одетые по парижской или лондонской моде пары иностранцев и европеизировавшихся местных жителей. Совершая променады, они наведывались в модные лавки, выросшие по обеим сторонам Басямити. Теперь о былом напоминают только постоянно мелькающие то в витрине магазина, то на спинке скамейки рисунки лошадей и фэзтонов. Но улица осталась торговой. От солидных, облицованных серым гранитом зданий крупной страховой компании и превращенного в музей бывшего банка начинается непрерывная вереница магазинчиков, магазинов и многоэтажных торговых центров.

Пройдя под грохочущей эстакадой железной дороги и над упрятым в туннель скоростным шоссе, входим на Исэдзаки-молл, торговую улицу, которая фактически продолжает Басямити. Единственное различие между ними состоит в полном отсутствии транспорта на отданной в распоряжение пешеходов Исэдзаки-молл. Эта улица рай для покупателей, не рискующих попасть под колеса «конных повозок» XX в. Вот бродячий торговец на глазах зевак лепит фигурки птиц и сказочных зверей из патоки. Уже получившие сладкую игрушку дети обступили другое развлечение — движущуюся скульптуру, рассматривают проплывающие фигурки ремесленников, музыкантов, шарманщиков средневекового европейского города. Чуть подалее приказчики, одетые в традиционные короткие куртки с названием лавки, зазывают клиентов. Они подбрасывают в воздух рулоны шелка, а затем ловко сматывают разноцветные ленты. «Подешевело, подешевело!» — надрываются приказчики. Но их старания не приносят ожидаемых плодов. В нынешней Японии не так уж много любителей кимоно, да и стоят они дороговато.

Пройти вдоль двухкилометрового торгового радиуса Басямити — Исэдзаки и побывать во всех любопытных, зачастую овеянных историей лавочках и магазинах — на это не хватит и целого дня. Куда быстрее идти обратно в центр по параллельному с торговым «зеленому радиусу» парка Оодори, созданного над веткой метро. «Оодори» по-японски значит «большая улица». Парк и в самом деле скорее напоминает обсаженную деревьями и кустами широкую улицу, в лучшем случае — бульвар. Но по меркам лишнего зелени большого города и это парк. Пара пожилых, одетых в зимние кимоно женщин разглядывают почки на деревьях. Чисто выбритые и аккуратные, хотя и бедновато, одетые старички сгрудились вокруг игроков в шашки «го».

Если дойти до конца Оодори и миновать гигантскую бетонную чашу бейсбольного стадиона, то скоро увидишь резные ворота китайского квартала Тюка-гай. Он похож на своих «родственников» в Нью-Йорке и Сингапуре, Лондоне и Сан-Франциско. Лавки с аппетитно пахнущей едой, рестораны, магазины сувениров. Они теснят друг друга, соревнуются в яркости витрин и неоновых реклам. Туристы выстраиваются в очереди перед украшенными золотыми драконами дверями знаменитых ресторанов, сгибаются под тяжестью пакетов со съедобными сувенирами. Прямо на улице выставлены глиняные жбаны со знаменитым шаосинским вином. Всем желающим предлагают по чарке подогретого желтого вина, отведав которого мало кто не раскошелится на бутылку-другую. Облаком пара окутан прилавок продавца пампушек. Рядом жарятся тяньцзиньские каштаны, с крюков свисают пекинские утки. Китайские аптеки трав обещают если не бессмертие, то, по крайней мере, долгие годы жизни без болезней. А хозяева лавки древностей выкатили на тротуар снабженные колесами прилавки с новехонькими статуэтками из яшмы и слоновой кости, вазами перегородчатой эмали, фарфоровой посудой, соломенными корзинками. Шум, гам, толчея, смешение языков и архитектурных стилей — таков китайский квартал, где живет 2,5 тыс. китайцев и действует 500 ресторанов пекинской, шанхайской, кантонской, сычуаньской и прочих кухонь.

Неширокий канал отделяет китайский район от знаменитого квартала Мотомати. Сюда, на склоны невысоких гор, в свое время выселили обитателей рыбацкой деревушки Йокогама.

Бывшие рыбаки быстро освоили различные ремесла, улицы их нового поселения превратились в кварталы портных и пекарей, столяров и парикмахеров, мясников и торговцев заокеанским товаром. Продолжавшемуся много десятилетий процветанию Мотомати чуть было не положила конец война. Резко сократилось число иностранных покупателей, а самим японцам стало не до дорогостоящих диковинок. Потом небо заполнилось гулом бомбардировщиков, заревом пожаров.

Мало кто верил, что в Мотомати снова вернется жизнь. Но его жители посрамили скептиков. Взяв денег в банке, потомки рыбаков взялись за восстановление. Расширилась главная торговая улица, поднялись новые магазины. Мотомати «породнился» со знаменитыми торговыми улицами Европы: лондонским Стрэндом, амстердамской Калвер Страат, римской Вельвенини... «Улицы-сестры» помогли привлечь внимание, создать первоклассные магазины. Сейчас Мотомати снова заполнен покупателями, туристами и просто празднующими зеваками.

Довольно крутые ступеньки ведут от Мотомати вверх, на знаменитый Утес. Нависающая над портом гора с самого начала была облюбована иностранцами побогаче. Здесь они строили свои особняки, церкви, парки, школы. Здесь хоронили моряков и коммерсантов, дипломатов и миссионеров. На могильных камнях Иностранного кладбища, ставшего достопримечательностью города, видны русские, английские, немецкие, французские имена. Пройдя мимо кованой железной решетки кладбища, мимо украшенных флагами европейских государств старинных зданий, попадаешь на смотровую площадку. Отсюда в ясный день можно разглядывать почти весь огромный город-порт. С высоты Утеса не видно ярких вывесок и реклам, и унылые серые кубики бетонных зданий делают Иокогаму менее экзотичной и приветливой, какой-то усталой.

Спуск по лестнице занимает считанные минуты, и вот уже видна небогатая зелень парка Ямасита, исполняющего роль набережной. Все другие прибрежные участки города застроены складами, подъездными путями, служебными зданиями. Поэтому променады по не достигающему и километровой длины парку-набережной всегда совершает много людей. Кто фотографируется на фоне некогда фешенебельного трансокеанского лайнера «Хикава-мару», ныне поставленного на прикол. Кто подкрепляется жареными кукурузными початками, сосисками, жареной лапшой у многочисленных лотков. Парочки на скамейках ведут неспешный разговор. У фонтана с криком бегают дети. Умиротворение несколько нарушает источающий шум и бензиновый дух бетонный желоб скоростного шоссе. А по другую его сторону выстроились здания морского фасада Иокогамы: здания дорогих отелей, торговых центров, новехонький Музей кукол, ультрасовременный концертный зал. И, конечно, «Шелковый центр», с которого началась прогулка. Именно здесь хорошо заканчивать знакомство с Иокогамой: в асфальт мостовой вделаны керамические плитки с рисунками городских достопримечательностей, сценками из истории. Причал Осанбаси, главная таможня, «конные повозки» улицы Басямити, резные ворота «китайского квартала», парусные джонки, маяки, рикши, длинноносые иностранцы в котелках верхом на старинных велосипедах...

Романтичные улочки старинной части Иокогамы привлекают тысячи туристов из других мест Японии, из-за границы. Но 3 млн жителей видят и другое лицо города. Чересполосица жилья, заводов и складов, острая нехватка зелени, скученность, неразвитость транспорта, шум, загрязнение воздуха и воды — таковы последствия бессистемного развития огромного индустриально-портово-жилищного комплекса, каким стала современная Иокогама. Если 10 послевоенных лет были для нее периодом летаргического сна, то с конца 50-х годов началась строительная лихорадка.

Участок побережья между Токио и Иокогамой еще до войны был облюбован для строительства крупных заводов металлургической, машиностроительной, химической промышленности. Бесконечные закопченные заводские корпуса, дымящие трубы, лязг железа и облака зловонных испарений — далеко не самое удачное соседство для крупного города. Синие пятна индустриальных районов на карте в мэрии покрывают не только

побережье, но разбросаны практически по всему городу. Они соседствуют с желтыми участками жилых массивов, вгрызаются в и без того редкие зеленые островки парков. Много неприятностей причиняет горожанам транспорт. Строительство железных дорог и скоростных шоссе не поспевает за увеличением потока грузов. Тяжелые грузовики круглосуточно тянутся по узким улочкам, доставляя к причалам экспортную продукцию не только местных заводов, но практически всего колоссального промышленного района вокруг Токио. Неудивительно, что сходящиеся веером к центру города и порту улицы все чаще называют «контейнерными реками». -Число дорожных происшествий ежегодно растет на треть.

Незавидна участь и тех четырехсот с лишним тысяч жителей Йокогамы, которые ежедневно совершают 30-километровую поездку на работу в Токио и обратно. Поезда семи железных дорог переполнены в часы «пик», по «хайвэям» проехать вообще мало шансов. Ежедневное перемещение огромной людской массы объясняется несколькими причинами. Во-первых, цены на жилье в Токио выше, чем в Йокогаме. Кроме того, до сих пор ощущаются последствия американской оккупации, вызвавшей падение деловой активности в Йокогаме, отток в столицу фирм, которым трудно было конкурировать с оккупационными властями за здания контор и предприятий. Реквизиция порта привела к падению его значения во внешнеторговых операциях, укрепила Кобе и другие порты-соперники Йокогамы. С конца 50-х годов она стала превращаться в «спальный город» для токийских рабочих, служащих, студентов.

Но есть и еще одна причина для массовых перемещений, правда не ежедневных, а еженедельных. Острой социальной проблемой больших промышленных городов стали так называемые «переезды в одиночку». Фирма с интересами в разных частях Японии переводит дельного менеджера, скажем, из иокогамской штаб-квартиры в свой хиросимский филиал. Приказ руководства в Японии всегда безоговорочно принимается служащими, даже если это сопряжено с неудобствами. А они действительно велики. Не перенесешь ведь на несколько лет из одного города в другой свой дом или квартиру, в которые уже вложены сбережения и за которые еще предстоит выплатить миллионы иен. Труднопреодолимые препятствия возникнут при переезде для детей-школьников — программы и учебники в разных городах могут существенно отличаться друг от друга. Эти и другие причины чаще всего обрекают людей на «переезд в одиночку».

Поселившись в гостинице или общежитии фирмы, служащий лишь несколько раз в месяц навещается домой. И это при том, что далеко не все фирмы выплачивают идущим на самопожертвование людям компенсации транспортных и иных расходов, связанных с жизнью «на два дома». В середине 80-х годов в Японии насчитывалось 150 тыс. «женатых холостяков». Как правило, это были 40-50-летние менеджеры, приближающиеся к зениту своей карьеры. «Переезды в одиночку» нередко становятся причиной распада семей, болезней и даже самоубийств мужчин, выбитых из привычной колеи и лишенных семейного уюта, заботы. Об этой проблеме все чаще пишут газеты и журналы, снимаются телепрограммы и кинофильмы. А представителей новой породы жертв «экономического чуда» все чаще можно видеть на вокзалах больших городов с объемистыми сумками, в которых домой отвозятся скопившееся белье и подарки домочадцам...

И все же «переезды в одиночку» несравнимы по масштабам с миграцией населения в «спальные города», к которым относят и Йокогаму. С 1960 по 1972 г. численность ее населения возросла ежегодно на 60–80 тыс. человек. Всего за два десятилетия этого века, шестое и седьмое, число жителей Йокогамы выросло вдвое — с 1,37 до 2,77 млн. В 1978 г. Йокогама обогнала Осаку и стала вторым городом Японии. Еще 7 лет спустя был зарегистрирован трехмиллионный житель. А к началу следующего века, как ожидается, число йоко-гамцев достигнет 3,3 млн.

Эти рекордные цифры не очень радуют «хаммако». Ведь им сопутствуют иные рекорды. Пятая часть квартир и домов по метражу и качеству ниже минимальных стандартов жилья, 70 % — ниже средних стандартов. Остро не хватает больниц — на 100 тыс. населения

приходится 443 больничные койки при норме в 700 коек. Городские школы и детские сады переполнены, особенно в пригородах. Не развиты системы канализации, сбора бытовых отходов.

Много проблем с городским транспортом: трамваи еще в 60-е годы были принесены в жертву автомобилям. Автобусы обычно переполнены и движутся медленно из-за постоянно возникающих «пробок». Муниципальное метро, строительство которого началось с 1968 г., представляет собой всего одну «нитку» длиной 11,5 км (завершается сооружение 11-километрового продолжения). Иокогамское метро, как и метро в других городах Японии, построено на небольшой глубине под землей. Оно такое же аккуратное и чистое, лишённое архитектурных и иных излишеств. Стандартные цельнометаллические вагоны достаточно комфортабельны, снабжены системами кондиционирования воздуха. На стенах станций и вагонов немислимо найти выцарапанные или намалеванные краской надписи. (Когда городские власти Нью-Йорка решили закупить японские вагоны метро, заводу-изготовителю пришлось разработать специальное покрытие, на котором невозможно оставить «автограф».) Пусть иокогамское метро мало чем выделяется на фоне многочисленных подземок Японии. Оно не превратилось, как в Токио, в разветвленную сеть муниципальных и частных линий, перевозящих свыше 2 млрд пассажиров в год и начавших даже выходить за административные границы стольного города. Оно не может похвастаться такими диковинками, как уменьшающие шум и тряску резиновые колеса метро в Саппоро, главном городе Хоккайдо. И все же иокогамская подземка облегчила жизнь «хаммако», уменьшила давление многочисленных забот.

Муниципальные власти хорошо видят проблемы на пути развития города-порта. Видеть-то видят, да сделать могут не очень много. Хронические трудности — нехватка средств, частная собственность на землю, необходимую для улучшения планировки города и создания нормальных условий существования людей.

В конце 1981 г. был принят разрабатывавшийся с середины 60-х годов план развития Иокогамы до будущего века под названием «Минато Мирай XXI» («Гавань будущего — XXI»). «При помощи этого плана мы хотим утвердить за Иокогамой роль международного центра судоходства, коммерции, науки и культуры, — рассказывал во время встречи мэра Митикадзу Сайго. — Уникальный для Японии план полной перестройки крупного города призван ликвидировать две самые серьезные угрозы будущему Иокогамы. Во-первых, покончить с превращением в «спальный город». Для этого надо создать рабочие места, привлечь к нам новые фирмы, учреждения, институты, правительственные и международные организации. Во-вторых, восполнить недостаток современных средств связи, транспорта и общественных учреждений, коммунальных услуг. За оставшиеся до прихода следующего века годы предстоит выполнить колоссальный объем работ — расчистить площадь в 110 га, застроенную старыми заводами и другими постройками, да еще осушить 76 га земель, над которыми пока плещут волны Токийского залива.

На этой строительной площадке будет создана ультрасовременная инфраструктура — централизованная система отопления и охлаждения зданий, пневматическая система сбора отходов. Связь будет обеспечиваться при помощи оптических волокон, потоки пешеходов и автомобилей будут отделены друг от друга, причем планируется создать несколько торгово-пешеходных аллей, движущихся тротуаров. Почти четверть площади нового центра Иокогамы, который вберет в себя и оба ныне существующие центра, будет отведена под парки, скверы. Они будут обрамлять набережную, создавать хорошие условия для работы 190 тыс. служащих всевозможных учреждений, которые разместятся в красивых и удобных зданиях «Минато Мирай XXI». С входящих в гавань судов еще издали будут видны 30-этажный Центр международных конференций, куполообразный Международный выставочный центр, гостиницы-небоскребы. Поднимутся также красивые современные здания в специализированных районах административных учреждений, торговли, спорта и культуры. Еще один район будет выделен под жилье, там поселится 10 тыс. человек».

Помощники мэра быстро меняют схемы и диаграммы, на экране появляются эскизы

улиц, парков, зданий, транспортных путей. «Предусмотрено создание двух шоссе. Одно из них, часть кольцевой скоростной дороги вокруг Токийского залива, пройдет по внешней, приморской части города и примет на себя основной поток портовых грузов, — продолжает мэра. — Другое проложат по самому центру города. Оно будет связано с существующими городскими улицами и скоростными шоссе — «хайвэями», ведущими в Токио, аэропорты Ханэда и На-рита. Будет построена также еще одна линия железной дороги, связанная с системой трансяпонского суперэкспресса «Синкансэн». Вот такими мы видим контуры «Гавани будущего — XXI», — заключает мэра и приглашает познакомиться с состоянием работ.

Отслужившие свой срок цистерны, горы проржавевших труб, старые экскаваторы, бетонные плиты, прокопченные краснокирпичные здания и почти полное безлюдье. Так выглядела в октябре 1983 г. одна из центральных частей «Гавани будущего», известная местным жителям как «Доки». До недавнего времени здесь действительно были доки и причалы судостроительной верфи «Мицубиси». Построенные еще в 1899 г., доки дали жизнь многим десяткам военных и торговых кораблей. Еще 10–15 лет назад со стапелей сходили суда водоизмещением 100–150 тыс. т. Но резкое сокращение заказов, конкуренция зарубежных верфей сделали дальнейшее существование доков невыгодным. В 1980 г. хозяева решили проявить «гражданские чувства» и пошли на уступки мэрии в переговорах, которые шли 10 лет. В обмен на участок осушенных за счет мэрии земель на окраине города они согласились уступить территорию «Доков», разделяющую два нынешних центра Йокогамы. «Мицубиси» ничего не проиграла — на осушенных землях уже построен и дает продукцию крупный завод по производству турбин, дизелей и котлов. А на старом месте еще предстоит разобрать множество строений, провести планировку. И все же «отцы города» довольны. Если бы «Мицубиси» продолжала упрямяться, то проект «Гавань будущего» просто пополнил бы список несбывшихся планов реконструкции города.

Впрочем, и сейчас далеко не все йокогамцы уверены в реальности создания «Гавани будущего». Откуда взять деньги — этот вопрос чаще всего слышится от скептиков. В самом деле, стоимость проекта оценивается как минимум в 2 трлн иен. Сумма огромная. После бесед в мэрии создалось впечатление, что там надеются главным образом на силу инерции огромного проекта, на счастливое стечение обстоятельств. «Надеемся, что у нас захотят разместиться иностранные компании... Надеемся, что удастся привлечь из Токио часть правительственных учреждений... Надеемся, что проектом заинтересуются научно-исследовательские институты...» И все же проект «Минато Мирай XXI» стоит не на песке, а на довольно солидном фундаменте. Начальные стадии строительства уже решено оплатить частично из государственной казны, поскольку попытка отвлечения хотя бы части многомиллионного населения Токио отвечает долгосрочным планам более равномерного распределения японцев по стране. Значительные расходы, естественно, понесут и уже несут городские власти Йокогамы. Во много миллиардов обошлось осушение земель, часть которых стала обменным фондом в сделке с «Мицубиси». Остальная часть будет продана частным фирмам, а вырученные деньги пойдут в бюджет «Гавани будущего». Говоря о финансовых стимулах для частного сектора, мэра подчеркивал, что желающие обосноваться в «Гавани будущего» должны будут за свой счет построить только сами здания. Создание же фундаментов, дорог и коммунальных служб оплатят государство и муниципалитет.

...Весной 1987 г., накануне отъезда из Японии, я вновь оказался в Йокогаме и прошел к огромной стройке, единственным украшением которой остается продуваемый ветром пустотелый куб из бетона — модернистский памятник в честь начала работ по созданию «гавани XXI века». Вокруг кипела работа, бульдозеры разравнивали строительные площадки, в сухой док на вечную стоянку уже встал известный каждому японцу парусник «Ниппон-мару». Интереснейший проект реконструкции крупнейшего индустриального города становится реальностью.

Осака переходит в контрнаступление

Стоит побыть в Осаке даже совсем недолго, чтобы понять, что влюбленные в свой город «нанивакко» сильно обижены на судьбу. В разговоре на любую тему они все равно постараются мимоходом упомянуть, что Осака (тогда Нанива) была одной из ранних столиц Японии в то время, когда о рыбацкой деревне Эдо знали только ее ближайшие соседи. Возвышение Токио воспринимается ими как ошибка истории, а недавнее оттеснение Осаки со второго на третье место в реестре крупнейших городов страны — чуть ли не как оскорбление от «иокогамских выскочек». Обо всем этом говорил пожилой фотограф, показавший мне свои заветные точки для съемки знаменитого осакского замка и за четверть часа успевший прочитать прямо-таки «вводный курс в осаковедение».

«Осака — это не просто город. Осака — это особая цивилизация, особый образ жизни. Если вы верите в богов, то я скажу, что Осака — их творение. Если вы неверующий, то считайте, что уникальность нашего города предопределена природой. Одна из немногих в Японии равнин, полноводные реки, удобный залив — наши древние предки не могли не заметить эти преимущества. Три раза Нанива становилась столицей, хотя и ненадолго. Это было давно, между IV и VI вв. Но и тогда, когда двор перебирался в Нара или Киото, Нанива оставалась очень важным центром торговли и транспорта. Через порт Сакаи, что сейчас практически стал частью города, в столицу со всей страны поступали рис и прочие подати. А из Китая, Кореи, других заморских стран текли не только диковинки, но еще и сведения о достижениях соседних цивилизаций.

Мы считаем, например, что именно через наш город в Японию пришел буддизм. Доказательства? Хотя бы самый древний в стране буддийский храм Ситэннодзи, построенный в 593 г. принцем Сётоку. Этот храм уникальной для Японии архитектуры и по сей день украшает южную часть Осаки, а мы с вами сейчас стоим на месте другого знаменитого храма — Исияма Хонгандзи. Он принадлежал одной буддийской секте, набравшей в XVI в. такую силу и влияние, что генералу Ода Нобунаге пришлось несколько раз водить свои армии в бой, прежде чем в 1580 г. воинственные монахи были перебиты, а их храм превращен в развалины. На этих развалинах как символ победы было решено построить огромный замок Осака, «Большой склон».

Но счастье отвернулось от победоносного генерала. Всего два года спустя после этой победы он сам испытал горечь поражения и был вынужден покончить жизнь самоубийством. Другой генерал, Хидэёси Тоётоми, унаследовал мечту об объединении раздробленной страны и строительстве самого большого замка. В 1583 г. наконец было завершено это восхитительное сооружение с его мощными стенами, широкими рвами, изящной и в то же время грандиозной главной башней. С тех пор вот уже четыреста лет замок Осака служит символом города, разделяя его взлеты и падения, символизируя гордость жителей своей историей и надежды на будущее.

Посудите сами. Первый удар нашему замку и городу был нанесен человеком, которому Токио обязан своим возвышением, — Токугава Иэясу. Этот хитрец отказался участвовать в неудачных экспедициях своего благодетеля Хидэёси Тоётоми против Китая и Кореи, накопил силы и в конце концов стал фактическим правителем всей Японии. Он взял приступом замок Осака в 1615 г. и сжег его дотла. Второй роковой удар обрушился на замок и город в 1945 г., когда американские бомбардировщики методично стирали с лица земли один район за другим. Ну а сейчас наш замок, вновь отстроенный на пожертвования горожан, стал отправной точкой программы «Осака XXI века», которая должна вернуть городу былое значение. Мы часто повторяем предсмертное стихотворение, сложенное влюбленным в свой замок Хидэёси Тоётоми: «Все сущее есть сон, людские амбиции есть сон снов, с думой об Осака я исчезаю, как роса». Зайдите в замок, там вы увидите свиток с этим стихотворением и многое другое».

Простившись с радушным фотографом, я долго бродил по полутемным залам городского музея, что создан внутри железобетонного замка, восстановленного по рисунку на чудом сохранившейся складной ширме. Эта ширма, свиток со стихотворением, старинные

пушки на бастионах, позолоченные красавцы дельфины на загнутых краях крыши и иные пощаженные временем отпечатки минувших веков помогли хоть слегка представить жизнь старых владельцев замка и города. Зато никаких усилий и игры воображения не потребовалось, чтобы почувствовать ритм жизни обитателей Осаки наших дней.

Поначалу создается ощущение, что Осака абсолютно ничем не отличается от Токио. Стартовав рано утром на столичном городском «хайвэе», проехав 600 км скоростного шоссе до Осаки и после обеда финишировав там на точно таком же городском «хайвэе», чувствуешь, будто и не выезжал из Токио, а просто кружился битый день в бетонном желобе скоростной дороги. Отличия в городском пейзаже минимальны — наряду с вывесками действующих во всеяпонском масштабе универмагов и банков лишь изредка попадаются рекламы с вкраплениями двух иероглифов — о-сака. Квартал за кварталом двух-трехэтажных домов в предместьях. Квартал за кварталом шести-пятиэтажных бетонных коробок ближе к центру. Та же скученность. То же отсутствие зелени. Те же «пробки» на дорогах, толпы торопящихся деловых людей. Небольшие отличия замечаешь на главной улице Мидосудзи, пересекающей город с юга на север. Выполняющая примерно ту же роль токийская Тюо-дори, включающая и знаменитую Гиндзу, не такая просторная, на ней нет хотя и узких, но все равно спасающих от жары зеленых аллей. Двинувшись по Мидосудзи на север от театра «кабуки», минуешь бесконечные здания торговых, промышленных, финансовых фирм. Невольно внушающие мысль о солидности тяжелые каменные дворцы банков с вековой историей. Слепящие стеклом и сталью, похожие на абстрактные скульптуры штаб-квартиры химических, текстильных, электронных гигантов. Все они как-то сливаются в однообразную ленту.

Лента эта обрывается у северного конца Мидосудзи широкой рекой Йодогава, два рукава которой окаймляют длинный и узкий остров Наканосима — «Внутренний остров». Реки и мосты всегда украшают город. В Осаке эту красоту не урезали, как в Токио, насыпными островами, не затемнили унылыми лентами бетонного «хайвэя». Часть острова Наканосима отвели под парк, часть застроили современными зданиями гостиниц, редакций газет, торговых центров. Их модернизм удачно оттеняется классическими контурами городской библиотеки в английском стиле. Архитектурную гармонию острова удачно дополняет облицованное серым гранитом внушительное здание муниципалитета.

Заместитель мэра Масая Нисио начал свой рассказ о проблемах и достижениях города с такого заявления: «Осака — город мира. Война — самый злой враг Осаки». Из последовавших объяснений стало ясно, что за этими словами стоит не просто понятное каждому нормальному человеку настроение, но еще и факты истории, экономические выкладки. «С началом модернизации Японии в конце прошлого века Осака и окружающие ее префектуры района Кансай стали центром хозяйственной жизни страны. Текстиль, транспорт, торговля были «тремя китами» Кансаю. Однако примерно в середине 30-х годов дела пошли все хуже и хуже. Реальную власть в стране захватили тогда военные, вся экономика была поставлена на военные рельсы, над всеми сферами деятельности людей, в том числе и над предпринимательством, был установлен жесткий контроль. А десятилетие спустя пришла другая беда — страшные бомбежки июня — июля 45-го года выжгли треть Осаки, лишили жизни 14 тыс., а крова — свыше миллиона человек. Потом началась оккупация. Штаб генерала Макартура был в Токио, поэтому проблемам восстановления Осаки, ее экономики не уделялось должного внимания. Оккупационные власти размещали заказы на предприятиях Токио еще и потому, что там как до, так и во время войны процветала военная промышленность, а американцы с началом войны в Корее нуждались именно в этой продукции. Таким образом, подготовка к войне, сама война, а потом ее последствия вычеркнули из нормальной жизни почти 20 лет — оккупация закончилась только в 1952 г.

Мы извлекли из прошлого урок, и сейчас в Осаке совершенно не производится оружие. Это, конечно, хорошо, но не решает проблему возрождения города и района Кансай. По-прежнему сокращается население Осаки, в 1961 г. оно составляло 3 млн, а два

десятилетия спустя — на 400 тыс. меньше. По численности населения наш город обогнала Йокогама. Продолжается «погружение» экономики. Еще в 1971 г. наша доля в общенациональном промышленном производстве достигала 11 %, а сейчас — меньше 9 %. Падают доходы на душу населения, доля Осаки во внешней торговле. Мы очень встревожены оттоком талантливой молодежи, знаменитых ученых, писателей, артистов в Токио. Само собой разумеется, все это мало приятно для жителей Осаки. Но тенденция к концентрации деловой, культурной и научной жизни страны в одном лишь Токио не может считаться здоровой и остальными японцами. Вот почему мы считаем программу «Осака XXI века» мероприятием общенационального значения. Что это за программа?» — Нисио-сан явно обрадовался возможности поговорить на любимую тему. Он послал помощников за картами, диаграммами, брошюрами, а сам устроился поудобнее в кресле, готовясь к долгой беседе.

«В Осаке давно поняли, что нельзя позволить нашему городу продолжать катиться под гору, что надо предпринимать что-то. Но к конкретным делам удалось приступить только в апреле 1982 г. Руководители мэрии, префектурального управления, торговой палаты города и экономической федерации района Кансай образовали ассоциацию «Осака XXI века». На первых порах ее возглавлял Конноске Мацусита, основатель электротехнической империи, чьи изделия известны на весь мир под фирменными знаками «Мацусита», «Нэшнл», «Панасоник», «Зенит», «Виктор». Мацусита-сан недаром получил прозвище «Хидэёси наших дней». Как и основатель Осацкого замка, он начал свою карьеру с нуля. Солдат из крестьян Тоётоми Хидэёси стал генералом и влиятельнейшим человеком в стране. Инженер Конноске Мацусита начинал с тесной мастерской по ремонту электроплиток. Не случайно программу возрождения Осаки было решено начать с торжеств по случаю 400-летия замка Осака в октябре 1983 г.

Что касается самого города, то к северо-востоку от замка быстро растут этажи небоскребов нового центра, который называется «Осака бизнеспарк». В современных зданиях разместятся конторы промышленных и торговых компаний, банки, информационные центры, театры и концертные залы. Лет через десять там будет работать 100 тыс. человек. В западной части города, на искусственном насыпном полуострове, планируется создать «Техно-порт Осака», который будет состоять из исследовательских центров и предприятий электроники, биотехнологии и других перспективных отраслей науки и техники. Там же будут действовать столь необходимые в век информатики центры накопления, обработки и передачи компьютерной информации. В 1983 г. состоялось открытие самого большого в Азии многоцелевого «Зала культуры и спорта», где с тех пор регулярно проходят международные соревнования, выступления артистов. Строятся центр международных обменов, постоянный павильон торговых ярмарок, Дом зарубежных гостей.

Отдельно хочется рассказать о создании «Академического города Кэйханна». Он раскинется на 2500 га в холмистом районе на стыке границ префектур Киото, Осака и Нара, каждая из которых внесла часть средств на строительство. Рассчитанный на 100–150 тыс. жителей город был задуман еще в 70-е годы, однако из-за нехватки средств работы начались только в 1984 г. «Кансайский город науки, культуры и исследований» не будет выглядеть как обычный город. Скорее, он станет походить на обширную зону из зачастую даже не соприкасающихся друг с другом мини-городов, которые мы называем «кусты».

У каждого из девяти «кустов» будет своя специализация. Университетские комплексы, исследовательские комплексы и лаборатории, международный институт для преподавания и научной работы гостей — ученых калибра лауреатов Нобелевской премии, новая национальная библиотека, комплекс институтов прикладных исследований, институт биотехнологии с экспериментальной фермой, индустриальная зона с заводами, на которых будут незамедлительно внедряться результаты научных разработок, а еще исследовательский центр проблем жилищного строительства, социальной среды обитания и информатики.

Как известно, в окрестностях Токио действует крупный город науки Цукуба. Но наш «академгород» будет отличаться от него. Во-первых, мы опираемся на средства главным

образом городских и префектуральных властей, фирм и академических заведений, а не на статьи госбюджета. Во-вторых, мы будем делать акцент не только на фундаментальные исследования в области естественных наук и техники, как в Цукубе, но и на их теснейшую связь с прикладными разработками и на скорейшее внедрение в производство. Мы надеемся, что сможем воспользоваться начавшейся структурной перестройкой японской экономики от доминирования выплавки стали, химии и машиностроения, которые сильно развиты вокруг Токио, на электронику, робототехнику, биотехнологию, информатику и другие «чистые» и наукоемкие производства.

Для будущего района Кансай и нашего города исключительно важен еще один проект в рамках программы «Осака XXI века». Речь идет о строительстве первого в мире международного аэропорта на насыпном острове. Нынешний аэропорт хотя и способен принимать самолеты любых существующих типов, но работает только с 7 часов утра до 9 вечера — ограничения шума рядом с жилыми кварталами в Японии довольно жесткие. Само собой разумеется, что на внутренних линиях это если и создает неудобства, то не слишком большие, ведь и все другие аэропорты работают в том же режиме. Но вот с международными линиями положение гораздо сложнее. Большинство рейсов прибывает в новый аэропорт Нарита в 70 км от Токио, а уже оттуда пассажиры летят другим самолетом в Осаку. Чтобы расширить прямые связи Осаки с зарубежными странами, надо построить новый аэропорт, который был бы и недалеко от города, и вдали от жилых массивов.

Решить эту трудную проблему можно только одним способом — создать искусственный остров в Осацком заливе. Проектные работы начались в 1968 г., шестью годами позже было выбрано подходящее место в 5 км от южного побережья Осаки. Еще весной 1986 г. на месте будущего острова площадью 1200 га покачивался и подмигивал одинокий бакен. Но уже в начале 1993 г. новый Кансайский международный аэропорт примет первые самолеты. Сначала будет использоваться одна взлетно-посадочная полоса длиной 3500 м, потом к ней добавятся еще две, и все вместе они смогут обеспечивать 240 тыс. взлетов и посадок в год. Это будет первый в Японии аэропорт, действующий круглые сутки. Стоимость проекта от одного до двух триллионов иен, включая сооружение моста между Осакой и аэропортом. Эту колоссальную сумму возьмут на себя центральное правительство, местные деловые круги. Жители Осаки и соседних префектур района Кансай с нетерпением ждут открытия уникального аэропорта, который позволит добиться одной из главных целей программы «Осака XXI века» — расширения международных связей города.

Впрочем, не дожидаясь 1993 г., мы успешно развиваем свои международные связи уже сейчас. В Осаке действуют генеральные консульства многих стран, в том числе таких крупных, как США, СССР, КНР. Развиваются отношения и по линии породненных городов. Еще в 1979 г. такие отношения были установлены между Осакой и советским городом Ленинградом. С тех пор мы вместе неплохо потрудились. Визитами обменялись мэры и делегации городских собраний, спортсмены и артисты, художники и фотографы. Но мне особенно нравится то, что в последнее время явно наметился переход от так сказать церемониальных контактов к деловому сотрудничеству на благо обоих городов. Специалисты из Ленинграда приезжали изучать наш опыт создания насыпных островов, а также подземных торговых улиц и иных общественных сооружений. Наши инженеры ездили в командировку перенимать опыт строителей ленинградского метро и новых жилых микрорайонов.

Думаю, что это только начало. Мы бы очень хотели расширить сотрудничество, установить взаимовыгодные связи и обмены между университетами, музеями, морскими портами, газетами и телестанциями. А почему бы не подумать и о прямых деловых связях фирм и предприятий двух городов? Это трудно, но вовсе не невозможно. Мы испытываем искреннее уважение к ленинградцам. Наши два города, разделенные тысячами километров, Удивительно похожи. Похожа история двух бывших столиц, похожа трагическая судьба их жителей во время минувшей войны, похожа и та любовь, с которой осакцы и ленинградцы восстановили красоту своих родных городов, а теперь стремятся ее умножить. Осаку с ее

полноводной рекой Йодогава, каналами и мостами в Японии называют «город воды». Я слышал, что Ленинград за его красавицу Неву, бесконечные каналы и ажурные мосты величают «северная Венеция». От имени 2,5 млн граждан «города воды» я шлю привет друзьям в «северной Венеции» и призываю их помнить, что дипломатия — это дело не только дипломатов».

Удивительно, но примерно теми же словами начал разговор председатель совета директоров в компании «Мацусита дэнки бозэки» Сёдзо Иимура. Руководство торговыми операциями знаменитого концерна он совмещает с активной деятельностью по налаживанию прямых связей фирм района Кансай с советскими внешнеторговыми организациями. «Мы решили взять инициативу в свои руки потому, что крайне не удовлетворены нынешним состоянием японо-советской торговли, которая явно не соответствует возможностям двух соседних высокоразвитых государств. Ждать помощи от чиновников в Токио просто некогда. Посудите сами, на район Кансай приходится более трети японо-советского товарооборота. Но торговля идет преимущественно через токийские торговые дома, что не позволяет полностью реализовать возможности как экспорта, так и импорта, ставит в неблагоприятное положение средние и мелкие фирмы. А ведь особенность нашего района в том и состоит, что наряду с такими гигантами, как «Мацусита», «Санъё», «Сумито-мо», активно действует множество мелких и средних фирм, объединенных в хорошо организованные и влиятельные во всех отношениях ассоциации. Они, к примеру, обеспечивают 70 % торговли Кансая с Китаем.

География и история распорядились так, что наш район ориентирован на торговлю с Китаем, странами Юго-Восточной Азии, Азией в целом, в то время как Токио и весь район Канто живут торговлей с США и Европой. Мы сейчас планируем широкий прорыв на рынки СССР и других стран Восточной Европы, добиваясь не только увеличения своей доли этого «пирога», но и размеров «пирога» в целом. Буду откровенным, на это нас толкает не только стремление внести вклад в улучшение отношений между Японией и СССР, Западом и Востоком, но еще и необходимость приостановить неблагоприятные тенденции экономической жизни района Кансай.

Сейчас, в середине 80-х годов, этот район с центром в Осаке дает 20 % валового национального продукта Японии, который, в свою очередь, составляет десятую часть мирового ВВП. Выходит, что Кансай — это 2 % мировой экономики! Это равно ВВП Австралии или Таиланда. Можно было бы ликовать, да не приходится. Ведь еще недавно удельный вес нашего района был гораздо ощутимее. С начала 80-х годов Кансай перешел в контратаку. Разработана долгосрочная программа увеличения объема производства и торговли. И очень большие надежды возлагаются на торговлю и сотрудничество с Советским Союзом.

В марте 1986 г. была образована федерация японо-советской торговли района Кансай. В ее учредительном съезде участвовали представители почти 2 тыс. компаний, в том числе «Мацусита», «Санъё», «Сумитомо», «Итоман», «Итотю», а также отраслевых ассоциаций мелких и средних фирм. Надежды деловых кругов на рост торговли с СССР увеличились после принятия XXVII съездом КПСС программы экономического и социального развития СССР до конца века. Нам нравятся партнеры, которые мыслят смело, перспективно и масштабно. Кансай и Россию разделяет только неширокое Японское море, и мы готовы энергично наводить через него мосты сотрудничества, добрососедства, мира».

...Смеркается, и Осака показывает свое другое, ночное лицо. Многие считают его гораздо более привлекательным и оригинальным, чем бетонную маску дневного города. Взять, к примеру, один из немногих уцелевших районов «города воды» — Дотомбори. Днем вид заполненного грязноватой водой канала 30-метровой ширины не вызывает положительных эмоций. Нуждающиеся в ремонте здания, кучи мусора, мрачно поглядывающие на прохожих заросшие щетиной бездомные. Зато с наступлением вечера Дотомбори просто преображается. Темнота скрадывает морщины самого оживленного центра развлечений и его завсегдаев обоих полов. Зато разноцветные неоновые рекламы

переливаются, подмигивают, отражаются в ставших вдруг романтическими водах канала. Кинотеатры обычных и сомнительных фильмов, театрики со знаменитыми на всю страну шуточными пьесами «кансай-манзай» на характерном диалекте, а еще рестораны, рестораны, рестораны...

Здесь представлены все знаменитые кухни мира: французская, китайская, русская, немецкая, итальянская, мексиканская. О японской кухне и говорить не приходится. За счет особых соусов и приправ практически каждое «общепонское» блюдо — рисовые колобки с сырой рыбой «суси», рыбная строганина «сасими», куриные шашлыки «якитори» имеют особенный осакский вкус. Но тонко нарезанные ломтики китового мяса, сваренные в котле с добрым десятком разных овощей, — это уже символ Осаки. Прекращение промысла китов угрожает этому символу, но есть и другие — это зажаренные на железном листе блинчики с начинкой из овощей и морепродуктов «окономияки», в чугунных формах запеченные шарики из осьминожьего мяса «такояки». Копченая свинина в сладком соевом соусе «по-буракумински» — тоже символ, ведь в Осаке и вокруг нее особенно много поселений японских «неприкасаемых». Город славится своими соленьями — в ход идет длинная японская редька «дайкон», корейская капуста, цветы и травы, а еще корни, стебли, листья каких-то неизвестных на Западе растений, множество сортов морской капусты...

Надо сказать, что в Осаке вершины гастрономического искусства других стран, равно как и других районов Японии, воспринимают не более как фон, на котором еще ярче блещут достоинства местной кулинарии. Похвалить пекинскую утку — значит вызвать тонкую улыбку. Ну, а сказать, что и в Токио можно вкусно поесть, — это уже просто оскандалиться. Совершив именно такую ошибку, я услышал отповедь от соседа, примостившегося, как и я, у длинного прилавка продавца «якитори». «В Токио не умеют готовить по одной простой причине — там не умеют жить. За всю свою историю Эдо — Токио смог изобрести чуть ли не одно характерное угощение — засахаренные водоросли «цкудамоно». Испокон веков «кухней Японии» был наш город, снабжавший продовольствием все большие города. Наши повара изобретали новые блюда, диктовали гастрономические моды всей Японии. Пусть император и правительство сидят в Токио, зато столица настоящих гурманов — это Осака».

Отведав «фирменные» блюда в одном-двух ресторанчиках, начинаешь серьезней относиться к подобным рассуждениям. Готовят в Осаке действительно вкусно. К тому же ужин обходится, скажем, раза в полтора дешевле, чем в Токио. Правда, токийские рестораны обставлены пошикарнее, у каждого свое лицо, свое настроение. В Осаке же обращают внимание не на развешанные по стенам картины или оригинальные наряды официантов, а на тарелки и тарелки, вернее сказать — на их содержимое.

В этом проявляется одно из многих различий между «эдокко» и «нанивакко», которые так любят обсуждать по всей Японии. Если в Эдо — Токио люди испокон веков проматывали состояние на модные наряды и обитательниц «веселых кварталов», то в Осаке состояния «проедались». У района Дотомбори есть еще одно название — Куидаорэ, что значит «место, где разоряются от обжорства». В городе коммерции Осаке принято торговаться, вести разговоры о деньгах, прибылях. «Нанивакко» даже приветствуют друг друга словами: «Сколько сегодня удалось заработать?» В Токио с его все еще осязаемыми самурайскими традициями говорить о деньгах вообще неприлично, ведь финансовыми делами воина занималась его жена, а торговцы стояли на низшей ступеньке общественной лестницы. Начать торговаться в Токио — значит «потерять лицо», спросить о зарплате, доходах — прослыть хамом. Выходцы из Осаки пользуются в столице репутацией людей неискренних, никогда не говорящих правду. Если даже малознакомый токиец приглашает вас пообедать, то отказываться нельзя, слова почти всегда идут от чистого сердца. В Осаке же сразу соглашаться на спонтанное, неофициальное приглашение не принято.

В незлобивых шутках и подсмеивании друг над другом отражается вековое соперничество двух городов, двух важнейших центров Японии. Пусть наверху сейчас оказался Токио, но Осака уже переходит в контрнаступление.

Кнотто — бастион японских традиций

Национальное сокровище. Эти слова, пожалуй, чаще всего употребляла миловидная девушка-гид, сопровождавшая иностранных журналистов в поездке по Киото. Стоя на смотровой площадке храма

Киёмидзу, которую поддерживают над крутым склоном мощные деревянные сваи, она называла причисленные к национальным сокровищам храмы, пагоды, сады. Возникший 12 веков назад Киото с самого начала строился как столица. Прямые как стрелы проспекты, пересекающие их под прямым углом широкие улицы. Чем не Ленинград? У соседа по автобусу, китайского журналиста, ассоциации несколько иные — Пекин, Сиань.

Действительно, император Камму, перенесший в 784 г. столицу государства из Нара в соседний Киото, создавал ее по китайским образцам градостроительного искусства. Город имел форму строго ориентированного по сторонам света прямоугольника. В центре северной части стоял императорский дворец, от которого шел 80-метровой ширины проспект, деливший столицу на восточную и западную половины. Хотя строительство Киото совпало с периодом усиления японского государства, полностью осуществить грандиозный проект так никогда и не удалось.

Киото был столицей Японской империи на протяжении 1074 лет! Город то становился жертвой междоусобных войн и пожаров, то переживал времена расцвета. Волны истории смыли многие уникальные постройки. Но и то, что сохранилось, поражает либо строгостью линий и скупостью цветов, либо пышностью, размахом, богатством красок. На 1,5 млн жителей сегодняшнего Киото приходится около 2 тыс. храмов, сотни парков, десятки дворцов. Пятая часть причисленных к национальным сокровищам архитектурных памятников и примерно такая же доля особо ценных произведений искусства Японии сконцентрированы в Киото.

Какое же сокровище самое ценное в этой сокровищнице? Одни считают, что храм Рёандзи с его знаменитым садом пятнадцати камней затмевает все остальные чудеса Киото. Другие из чувства противоречия или по более существенной причине утверждают, что среди десятков садов камней древней столицы сад храма Рёандзи прославился лишь благодаря красочному описанию одного из первых заморских туристов, у которого просто не хватило времени на соседние храмы. Только благодаря этому толпы иностранцев и школьников-экскурсантов щадят гораздо более знаменитый среди самих японцев сад камней храма Самбо-ин, три самых красивых камня которого передают «три разных настроения воды в реке Камо». Принесенный в жертву туристам храм Рёандзи отвлекает хотя бы часть вооруженных фотокамерами орд от сада песка в храме Гинкакудзи. А великолепный сад мхов храма Сайходзи защищен не только высокими стенами и дорогими входными билетами, но еще и обязательной для всех церемонией переписывания буддийской сутры (священный текст).

К числу труднодоступных красот Киото относится императорская вилла Кацура Рикю, которая и поныне изредка используется живущими в Токио членами монаршей семьи. Посетить виллу далеко не просто. Надо получить письменное разрешение ведомства императорского двора, которого приходится ждать несколько недель. Для иностранных журналистов, однако, процедуру ускорили, и в назначенный час мы ждали у ворот.

«Вы увидите Кацура Рикю в первозданном виде. Недавно завершилась ее полная реставрация, потребовавшая шести лет упорной работы многих десятков художников, ремесленников, садовников, искусствоведов, — объяснил сопровождавший нас чиновник ведомства императорского двора. — Мы надеемся, что второй ремонт виллы потребует не раньше чем через 350 лет, через столько, сколько она простояла в первоначальном виде».

Посещение Кацура Рикю рассчитано по минутам и состоит из недолгой, примерно часовой прогулки по причудливо извивающимся дорожкам парка, с каждого изгиба которых открываются все новые ландшафты, куда гармонично вписываются павильоны, беседки, каменные фонари, мосты. Собственно говоря, парк и был задуман для прогулок и любования

пейзажами. Идея первого в Японии парка такого типа приписывается принцу Тосихито, тонкому знатоку литературы и военного дела. Члены императорской семьи, включая и ее главу, редко когда обладали реальной властью, а потому посвящали свой практически неограниченный досуг упражнениям в изящных искусствах. Эстетические принципы Тосихито претворил в жизнь знаменитый в XVII в. архитектор Энею Кобори. Легенда гласит, что он поставил перед согласившимся оплатить каприз принца военным диктатором из династии Токугава три условия. Предоставить неограниченные деньги. Не торопить со сроками. Не впускать никого до полного окончания работ. Прошло четыре года, прежде чем на дорожки виллы Кацура вступили первые посетители. И с той поры, с 1624 г. по европейскому календарю, не затихают возгласы восхищения. Дорожки парка заслуживают отдельного описания. Начинаясь с мощенной булыжником довольно широкой аллеи у главных ворот, по которой вносили императорский паланкин, они затем переходят то в посыпанные мелким гравием, то в обычные земляные тропинки. Кое-где на ленте тропок врыты в землю плоские камни — так отмечены места, с которых открываются особенно красивые садовые пейзажи: миниатюрные «горные перевалы», «водопады», «морские берега», «горные деревни»... По мере приближения к центру Кацура Ри-кю — трем павильонам-кабинетам «сёин» череда крупных или мелких, круглых или продолговатых камней становится чаще. Камни причудливых форм уступают место квадратным и прямоугольным плитам, а затем плотно подогнанному каменному «паркету». Контраст немощеных дорожек с четкими геометрическими формами плит призван настраивать на серьезные мысли. Недаром эта мостовая называется «камни строгости». Перед самым входом в павильон натыкаешься на перевязанный крест-накрест соломенной веревкой булыжник — это не проделка шаловливого посетителя, а знак, что дальше идти нельзя. Для осмотра павильонов изнутри нужно особое разрешение.

Впрочем, тремя построенными в разное время, но составляющими единый архитектурный ансамбль павильонами можно любоваться и снаружи. Эти одноэтажные строения покоятся на довольно высоких сваях, напоминающих о том, что часть далеких предков японцев пришли из тропических лесов Юго-Восточной Азии. Сваи не только защищают павильоны от нередких разливов речки Кацура, но и придают им элегантность, легкость. Это впечатление еще больше усиливается обклеенными белой бумагой раздвижными решетчатыми стенками, которые чередуются со стройными балками и неширокими деревянными панелями. Кажется, не будь сверху массивной крыши из кедровой драки, павильоны оторвались бы от земли при первом же порыве речного ветерка.

Наиболее значительные сооружения Кацура Рикю — павильоны и чайный домик любования Луной — стоят на берегу пруда, без которого немислимо представить традиционный японский сад. Гладь воды становится дополнительным материалом для создания бесконечного чередования пейзажей и микропейзажей, рассчитанных на разное время года и дня, на разную погоду. Одна часть пруда, например, славится романтическим, воспетым многими поэтами отражением осенней Луны.

Фантазия архитекторов проявляется и в мостиках — то высеченных из цельного куска камня, то горблящихся насыпанной на деревянный каркас замшелой землей. Они переброшены между большими и маленькими островами, через глубоко вдающиеся в линию берега узкие заливчики. С мостами всех форм и размеров сочетаются и соперничают каменные фонари. Как и каменные валуны, они очень ценятся японцами. Оставить редкий камень в наследство, подарить знаменитый каменный фонарь любимой женщине, продать коллекцию валунов за многие миллионы иен — это вовсе не экстравагантно в сегодняшней Японии. Стоимость камней и фонарей, имеющих собственную родословную, достигает подчас миллионов не только иен, но и долларов. Эстетическая же ценность многих из них вообще безгранична.

Это относится и к некоторым каменным фонарям виллы Кацура Рикю. Фонарь трёх сияний «Санко» освещает по ночам одну из набережных пруда. У него три окошка: в форме Солнца, серпа Луны, небесной звезды. Фонарь «Три угла» стоит на каменной треноге, его

основная часть тоже треугольная. Родоначальник особой разновидности каменных фонарей «Юкими», предназначенных для любования в снежную зиму, украшает подход к маленькой буддийской часовне. У него необыкновенно широкая крыша, на которой собирается пухлая шапка снега.

«Думать глазами». Этот призыв одного знаменитого посетителя виллы становится понятен даже после короткой прогулки по ее дорожкам мимо отражающихся на спокойной глади пруда старинных, но созвучных и нашему времени павильонов, фонарей, мостиков. А какие чувства «работают» во время чайной церемонии? Все пять: зрение, обоняние, осязание, слух, вкус. Так нашу журналистскую группу учили в школе Урасэнкэ.

Чему учат в этой школе? Пониманию «тядо», «пути чая». Первый иероглиф «тя» означает просто чай и никакому толкованию не подлежит. Зато о втором, «до», можно писать длиннейшие трактаты. Самый простой перевод означает «дорога», «путь», но подразумевает еще и комплекс теоретических принципов, практических приемов овладения тем или иным искусством. «Тядо» — это вся совокупность вытекающих друг из друга философских и эстетических понятий, правил этикета, сервировки, архитектуры, оформления интерьера, приготовления чая, аранжировки цветов и многого, многого другого, которую за пределами Японии называют «чайная церемония».

Кого учат в школе Урасэнкэ? Главная школа в Киото, занимающая построенное четыре века назад здание традиционной архитектуры и расположенную через дорогу многоэтажную, смахивающую на элеватор постройку, является как бы вершиной пирамиды. В разных концах Японии действует 48 ее школ-филиалов. В последние годы зарубежные центры Урасэнкэ открылись в ФРГ, США, Италии, Австралии, Бразилии, Франции и других странах. Только достигшие выдающихся успехов или намеревающиеся стать профессиональными наставниками — «сэнсэями» приезжают в Киото. Здесь они в течение нескольких месяцев, а то и лет получают наставления от Великого Мастера или других высших чинов Урасэнкэ. После сдачи трудного экзамена им выдают специальные грамоты, дающие право надеть строгое черное кимоно «сэнсэя». Каждому в довершение присваивают еще так называемое «чайное имя» и ранг, определяющий положение в сложной иерархии школы.

...Высокий статный мужчина средних лет с зачесанными назад седыми волосами и пронзительным взглядом представляется визитерам как Сэн Сосицу XV. Он и есть нынешний, пятнадцатый по счету глава школы Урасэнкэ, ее Великий Мастер. Родоначальником династии потомственных мастеров «тядо» и основателем Урасэнкэ был Сэн Рикю, живший в XVI в. философ и эстет. Он сыграл роль реформатора пришедшей за сто лет до этого в Японию чайной церемонии. Сам чай завезли из Китая еще в X–XI вв. Массовое заимствование китайской духовной и материальной культуры шло главным образом через буддийских монахов-миссионеров, которые отправлялись в дальнее путешествие в Среднюю империю в поисках священных сутр и наставлений знаменитых китайских патриархов. В китайских монастырях японцы познакомились с напитком, который применяли в борьбе со сном во время многочасовых молитв. Недаром японская легенда объясняет происхождение чая таким образом: патриарх буддийской секты Дзэн по имени Дарума Дайси размышлял о смысле жизни, об Истине. Но глаза его непроизвольно закрывались, навеяв сон, мешая концентрации. Тогда он в гневе отрезал веки и бросил их на землю. Веки проросли чайными кустами...

Легенды легендами, но чайная церемония и в действительности всегда была тесно связана с буддизмом. Из монастырей она проникла ко двору императора, во дворцы знати. Баснословная цена чая и завозившихся из Китая чайных принадлежностей ограничивала круг поклонников чайной церемонии несколькими сотнями человек. Эти церемонии сопровождалась состязаниями в распознавании сортов чая, азартными играми, пышными банкетами, обильными возлияниями горячительных напитков и даже купанием в бане. Знать соперничала в богатстве чайной утвари. За редкими чайниками, чашками, очагами в Китай или Корею отправлялись специальные экспедиции. Но мало-помалу питье чая распространялось и среди простонародья, особенно его зажиточной части — купцов.

Купеческая среда выдвинула немало тонких ценителей и знатоков чайной церемонии, среди которых выделяются имена Сэн Рикю и его учителя Такэно-Дзё-о. Они разделяли убеждение в том, что пониманию Истины могут помочь не только молитвы и посты, но также любые другие формы деятельности человека, включая и питье чая. Эта философская предпосылка привела к эстетическому выводу о том, что красота жизни олицетворена не столько в дорогостоящих произведениях искусства, сколько в самых простых предметах быта. Например — в грубых глиняных чашках, сколоченных из неотесанных стволов чайных домиков. Стремление к поиску совершенства в несовершенном сформулировано в изречении одного из Мастеров чая: ярко блещущей в чистом небе Луне предпочту полускрытый за облаками диск...

Эстетические принципы реформаторского течения в «тядо» носили и довольно заметный классовый характер, отражая взгляды набиравшего силу купечества. Акцент на использование японской, а не дорогостоящей китайской утвари, нарочито грубых сосудов делался для того, чтобы поставить под вопрос имущественные различия. Изменилась и архитектура чайных домиков: теперь все гости, вне зависимости от ранга, должны были чуть ли не проползать через низкую дверь. Воины-самураи, символом господства которых был запрещенный для других сословий меч, должны были оставлять оружие снаружи.

Некоторое время старое и новое течения в «тядо» сосуществовали друг с другом. Военный диктатор Ода Нобунага, например, создал в своем новом замке в Осаке две чайные комнаты. Одна была большая и из чистого золота, из того же благородного металла была сделана вся чайная утварь. Другая комната создавалась в соответствии со взглядами занявшего высокий пост Наставника чайной церемонии Сэн Рикю и была маленькой, площадью всего в две циновки — «татами». Скромностью отличались и все необходимые для чаепития предметы. Окончательную победу реформаторское течение одержало уже после того, как Сэн Рикю, неоднократно доводивший диктатора до бешенства, по его приказу совершил ритуальное самоубийство «харакири» в 1591 г.

Сейчас в Японии крупнейшей школой чайной церемонии является школа Урасэнкэ, унаследовавшая не только традиции Сэн Рикю, но и часть его имения с несколькими чайными комнатами, которые объявлены «национальным сокровищем». В них-то и проходила церемония для иностранных журналистов. Собственно говоря, церемония началась еще тогда, когда мы вступили на влажные камни дорожки, ведущей от крытых тростником ворот к старинному дому внутри тенистого сада. Шагая по врытым то близко, то далеко друг от друга камням «росяной дорожки», какие не встретишь на городской улице, невольно настраиваешься на что-то необычное. Влажность же камней в жаркий безоблачный день объясняется просто — их специально полили, подчеркнув этим чистоту помыслов и намерений. Дорожка ведет к небольшому японскому саду. Здесь гость отдыхает на скамейке, наслаждается красотой собранных хозяином или его предками каменных фонарей, валунов, колодцев, прудов с разноцветными карпами.

Подбор этих произведений садового искусства, их расстановка могут многое рассказать о характере, темпераменте, вкусах хозяина. Вон стоит каменный фонарь с отбитым углом крыши. У него такая история. Внук основателя школы Урасэнкэ несколько дней не мог решить, куда поставить новый светильник, переставлял его из угла в угол. Затем в порыве озарения он схватил молоток и добился «красоты несовершенного». Чуть дальше, полускрытый ветвями деревьев, виднеется здоровенный валун. В нем выдолблен круглый, объемом в литр-два бассейнчик с чистой водой, которая нужна для омовения рук и рта, очищения от «мирской пыли».

Закончены последние приготовления, и хозяин приглашает гостей в чайную комнату. Раздвинув оклеенные бумагой дверцы, прямо из сада попадаем в небольшую комнатку. Весь смысл чайной церемонии состоит в том, чтобы обрести спокойствие, отвлечься от повседневной суеты, отгородить себя от всего постороннего, лишнего, насладиться общением с приятными тебе людьми, а еще лучше — одним человеком. Не случайно поэтому настоящие знатоки «тядо» всегда стремились уменьшать размеры чайных домиков и

комнат. Если до Сэн Рикю стандартная комната измерялась четырьмя с половиною «татами», то он узаконил пространство около двух «татами». В самой знаменитой комнате школы Урасэнкэ под названием «Коннитиан» нет и этих двух циновок. Десяток крупных иностранцев «выпуска XX века» не поместился бы в комнате, рассчитанной на двух-трех японцев размеров XVI в. Поэтому нас разделили на несколько групп. Подогнув ноги и неуклюже рассевшись на квадратных тонких подушках, гости стали разглядывать комнату. Простота ее убранства призвана помочь не отвлекаться, концентрировать мысли на самой церемонии, на общении с хозяином. Приятно пахнущие свежей травой нежнозеленые «татами», свиток с написанными каллиграфическим почерком иероглифами да еще скромная чайная икебана из нескольких вставленных в вазу из бамбукового ствола цветов. Вот и все убранство. Но сколько времени и размышлений стоило хозяину выбрать подходящий случаю свиток, аранжировать цветы икебаны, подобрать чайную утварь согласно сезону, погоде, настроению. А ведь еще надо было привести в идеальный порядок сад, полить дорожки, запasti воды из самого вкусного колодца.

Чайная церемония состоит из набора последовательных действий, называемых «ката». Можно обойтись и всего несколькими «ката». Но если овладеть многими, то появится легкость и естественность, откроется возможность импровизаций, творчества. Одна из первых «кат» чайной церемонии состоит в разжигании огня и кипячении воды. Поскольку на дворе стоял апрель и весь Киото был осыпан начавшими опадать лепестками вишни-сакуры, гости не нуждались в столь приятном зимой тепле. Поэтому на очаг, поставленный в вырезанную прямо в полу квадратную нишу, водрузили широкий, покрывавший практически весь огонь безносый чайник. Под ним пылали бруски древесного угля, по комнате плыл приятный аромат подмешанных благовоний.

Настоящий ценитель чайной церемонии успел бы уже насладиться видом специально подобранных чайника и корзинки для угля, обсудить с хозяином их историю. Они поговорили бы и о тонкостях приготовления древесного угля из ценных пород дерева, о секретах составления благовония, в котором смесь меда и пыли древесного угля уснащена добавками камфоры или мускуса, алоэ или аниса. Но мы, не посвященные в таинства «тядо», видели во всем происходящем ритуализованное и сильно затянутое чаепитие.

Пробуя поданные на утонченных в своей простоте блюдах сладости, которые призваны подготовить органы вкуса к питью чая, мы с интересом следили за происходящим в том углу комнаты, где уже шумел чайник. Наш хозяин достал из лакированного ящичка чашку и лакированную коробочку с перетертой в порошок заваркой. Специальным маленьким полотенцем он тщательно вытер чашку, а затем снял крышку чайника. Из следующего лакированного ящичка появилась похожая на помазок для бритвы бамбуковая мутовка, предназначенная для взбивания растворенной в кипятке заварки. Мувовку и чашку обдают кипятком, который достают из чайника деревянным черпаком на длинной ручке. Использованную воду сливают затем в особый сосуд. Чашку опять тщательно вытирают, в нее специальным черпаком всыпается порошок заварки. Сверху наливается кипяток и в дело пускается мутовка, при помощи которой хозяин быстрыми движениями взбивает ароматную зеленую смесь, ничем не напоминающую привычный нам чай. Чашку ставят на салфетку и с церемонным поклоном передают самому уважаемому гостю. Им является тот, кто сидит ближе всего к нише в стене, в которой повесили картину, свиток либо поставили вазу с икебаной. С поклоном приняв и трижды повернув чашку на салфетке, а затем извинившись перед соседом, почетный гость не спеша, в несколько глотков выпивает терпкий напиток. Затем вся процедура повторяется столько раз, сколько присутствует гостей.

Обычно чайная церемония продолжается свыше четырех часов. За это время подается два вида чая: жидкий и густой. Та пенообразная, почти вязкая изумрудная жидкость, что была налита в наши чашки, относилась ко второй разновидности. По словам мастера церемонии, выпитые подряд три-четыре чашки густого чая могут вызвать сердечный приступ, настолько он крепок.

Получив обратно последнюю чашку, хозяин ополаскивает ее. В это время воспитанный

гость должен произнести вежливую фразу с просьбой закончить угощение. Хозяин кланяется в знак согласия и произносит ответную учтивость. Наступила пора осмотреть чашку и иные использованные сегодня предметы, обменяться мнениями о мастерстве их создателей. Хозяин церемонно складывает утварь на поднос и ставит его перед почетным гостем. Тот, завершив осмотр, передает поднос своим соседям. Тем временем хозяин отвечает на относящиеся к церемонии вопросы, показывая свою эрудицию и помогая гостям тоже проявить свою осведомленность. Когда осмотр и обсуждение утвари заканчиваются, хозяин тщательно складывает все предметы в ящички и ящики, ставит их на поднос и поднимается. Прежде чем выйти из комнаты, он опять встает на колени и обменивается с гостями поклоном. После прощания хозяин проводит некоторое время в размышлении, а затем приводит чайную комнату в порядок, убирает все украшения, оставляя голые стены и чистые «татами» в ожидании следующей церемонии.

Чем объяснить несколько не уменьшающуюся популярность чайной церемонии? Ведь только школа Урасэнкэ, крупнейшая, но далеко не единственная школа «тядо», насчитывает около 3 млн последователей. Чем объяснить влиятельность объединений поклонников чайной церемонии, чьей поддержки ждут политические (обычно консервативные) партии? Сын Сэн Сосицу XV недавно женился на родственнице императора. Сам же Великий Мастер дает аудиенции только самым влиятельным гостям. Школы «тядо» платные. Они располагают много-миллионными счетами в банках, издают газеты, журналы, книги.

Причин несколько. Прежде всего, вобравшая в себя ключевые элементы традиционной культуры чайная церемония отвечает потребности японцев остаться японцами в век фронтального наступления «цивилизации кока-колы». Именно чайная церемония сохраняет в неизменности традиционный японский костюм — сидеть в чайном домике в европейском костюме или джинсах неуместно и неудобно. Сохраняются основы национального интерьера — даже в самой западной квартире обязательно будет выстланная «татами» комната с нишей, в которой, как в домашнем музее, вывешиваются свитки с живописью или каллиграфией, выставляются икебана, вазы с цветами. Чайная церемония требует японского языка столь же чистого, как и вода из колодца, формы и термины вежливой беседы несовместимы с вульгарными выражениями. Популярность чайной церемонии, особенно среди молодежи и женщин, имеет еще и социальные причины. Страдающие от одиночества, неустроенности жизни и неуверенности в будущем молодые люди видят в школах «тядо» уютное место встреч. Школы ведь не ограничиваются изучением одних лишь способов приготовления чая, а организуют поездки в мастерские знаменитых гончаров, встречи с прославленными каллиграфами, художниками, архитекторами, поэтами. В самых красивых местах — бамбуковых рощах, на берегах рек и озер, у водопадов и горных ущелий — проводят особую чайную церемонию под открытым небом. Знание чайной церемонии служит хорошей рекомендацией невесте, повышает авторитет среди соучеников или сослуживцев. Что касается женщин, многие из которых вынуждены оставаться домохозяйками из-за растущей безработицы, то церемонии «тядо» помогают им занять свободное время по утрам, когда мужья на работе, а дети в школе.

Немаловажно еще и то, что изучение чайной церемонии поощряется властью и деньгами имущими. Каждая уважающая себя фирма содержит чайный домик либо снимает его в аренду для проведения совместных чаепитий, в которых по очереди участвуют все сотрудники — от президента до сторожа. «Большому бизнесу» не может не нравиться призыв Мастеров чая соблюдать отношения «хозяин — гость», «старший — младший», «начальник — подчиненный». То же самое относится и к другому принципу этики «тядо», который призывает довольствоваться тем малым, что у тебя есть, не пытаться изменить судьбу. Мне не раз приходилось слышать мнение о связи японской эстетической традиции, воплощенной и в чайной церемонии, с экономическими успехами Страны восходящего солнца. «Что бы ни делал японец, стоял ли у сборочного конвейера или угощал гостей чаем, он стремится довести свое дело до совершенства. Недоделки или брак вызывают у него чувство неудовлетворенности собой, — говорил, например, инженер фирмы «Ниссан», с

которым я познакомился на чайной церемонии в одном из красивейших парков Токио. — Очень важно и то, что чайная церемония приучает к бережливости, она не терпит неправильного употребления ни одной капли воды, ни одной щепотки заварки. Как важно это для Японии, лишенной большинства полезных ископаемых...»

Что и говорить, в Японии умеют ставить традиции на службу современности. В этом лишний раз убеждаешься

во время похода по сконцентрированным в Киото мастерским по изготовлению кимоно и шелка, идущего на их шитье. Кимоно — дословно «вещь, которую надевают», многие сотни лет было подлинно национальной одеждой японцев. Теплые и легкие, шелковые и хлопчатобумажные, парадные и повседневные, женские и мужские. Разновидностей кимоно десятки, сотни. Однако в сегодняшней Японии встретить одетого в него человека удастся не часто. Кимоно противостоит «заокеанская одежда», обычный европейский наряд.

Первой разновидностью европейского наряда, который надели японцы, была военная форма. Ее ввели в конце прошлого века после «открытия Японии» западными эскадрами. Затем форму надели государственные служащие, школьники, студенты, железнодорожники, полицейские. И все же только после второй мировой войны «заокеанская одежда» стала по-настоящему повседневным нарядом большинства, оттеснив кимоно на роль парадного, церемониального костюма. Лишь в глубокой провинции в кимоно еще облачаются каждый день. В городах же лишь пожилые женщины носят теплые кимоно в холодные месяцы. Согласно опросу газеты «Йоми-ури», лишь один из двадцати жителей страны надевает кимоно почти каждый день, зато каждый четвертый ни разу не надел его в течение целого года. Половина мужчин и женщин использовали кимоно три-четыре раза в год, а пятая часть мужчин вообще никогда не облачалась в национальный японский костюм.

В чем же дело? Чем провинился этот элегантный и милый наряд, идеально подходящий к особенностям телосложения японцев, климату их островов? Обычно перечисляют несколько причин. Среди них и довольно высокая стоимость. Действительно, парадное шелковое кимоно стоит не меньше 200–300 тыс. иен, а чаще всего около миллиона иен. За кимоно непросто ухаживать, чтобы постирать это произведение портновского искусства, его надо распороть и стирать каждый кусок отдельно. Очень трудно даже надеть кимоно. Только одна из десяти японок способна проделать эту операцию самостоятельно, без помощи родственниц или специально вызванных консультанток из школ кимоно.

Такие школы действуют повсеместно. Их ученицы в основном девушки на выданье. Ведь предстоящая свадьба немыслима без кимоно, а точнее нескольких кимоно, которые полагается сменить за время свадебной

церемонии. После свадьбы кимоно надевается по таким случаям, как новогодние праздники и визиты к родственникам, похороны и поминальные службы в храмах, церемонии по случаю поступления детей в школу, окончания университета. А как грациозны маленькие японочки, семенящие в кимоно мелкими шажками по дорожкам храмов во время праздника «сити-го-сан» (семь — пять — три, столько лет, сколько исполнилось в этом году)! Как преображаются достигшие 20 лет девушки, сменившие в день праздника совершеннолетия зачастую нелепо сидящие на своеобразной японской фигуре мини-юбки или джинсы на пылающее всеми цветами радуги шелковое кимоно! Да и мужчинам церемониальные шелковые кимоно со складчатой юбкой «хакама» и курткой с семейными гербами или легкие летние халаты из хлопка «юката» идут гораздо больше, чем ставшие формой для всех служащих деловые костюмы.

Дороговизна кимоно? Да. Трудность ухода и одевания? Да. Изменившийся ритм жизни? Тоже да. И все же, сдается мне, что отход от национальной одежды объясняется еще и влиянием «американского образа жизни», который, точно едкая кислота, разъел, уничтожил многие добрые традиции, уникальные культурные особенности японцев. И кимоно стало одной из главных жертв.

Так что же, кимоно обречено на исчезновение? Ни в коем случае, убежден Дайдзиро Нисимура, президент крупнейшей в Киото и всей Японии компании по изготовлению

кимоно «Тикити». Ежегодно в Японии продается кимоно на 2 трлн иен. Этот уровень позволяет быть уверенными в завтрашнем дне не только «Тикити», контролирующей десятую часть рынка, но и остальным 300 фирмам, производящим в Киото кимоно или шелк для них. Киото испокон веков занимал позиции главного изготовителя и законодателя мод кимоно. И сегодня шелк обеспечивает около пятой части валовой продукции города, помогает решать проблему занятости.

А есть ли какие-то пути возвращения былой популярности кимоно, так сказать «контрнаступления»? На этот вопрос Нисимура-сан отвечает с заметным энтузиазмом: «Да, изготовители кимоно не собираются сидеть сложа руки. Разрабатываются более дешевые сорта ткани, менее сложные фасоны, проводятся рекламные кампании. Вот, например, до предела упростили мужское кимоно — «хакама», которое теперь можно надеть за десять секунд. Стараемся упростить и женские наряды. Правда, есть риск того, что кимоно утратят часть притягательности, кроющейся в переданной из глубины веков строгой последовательности одевания нижнего и верхнего костюма, завязывания узлов, кушаков, поясов. Эксперименты идут и в области цвета, рисунков ткани. Даже иностранных художников и модельеров приглашаем поработать. Важно, конечно, искать новое, современное. Но еще важнее не утратить традиций, не снизить качество вещей, само прикосновение к которым должно становиться праздником».

Вместе с президентом «Тикити» идем в выставочный зал фирмы. От красоты свешивающихся с потолка длинных кусков шелка захватывает дух. Вот на серо-золотом фоне пляшут свой весенний танец журавли-красношапочники. Вот букет из ста самых красивых цветов Японии, как бы разбросанных по угольно-черному фону ткани. Плывут по водам осеннего пруда утки-неразлучницы, символ супружеской верности. Мимо цветущих деревьев сакуры куда-то спешат парадные колесницы.

«Это работа знаменитого художника Сасаки, — поясняет самая красивая девушка Киото, 18-летняя студентка Мидзуко Исида. В том году она была избрана «Мисс Кимоно», и аудиенция иностранным журналистам — это часть ее новых обязанностей. — На обычное кимоно идет двенадцатиметровый кусок шелка, а на парадное, с длинным рукавом, — 18 м. Иногда рисунок наносится не на весь кусок, а лишь на те части, которые на готовом кимоно будут на видных местах. Мне такие кимоно нравятся больше. Вот смотрите, — показывает она на одетый в кимоно манекен, — как красиво выделяются на строгом черном фоне золотые веера и белые цветы сакуры. Как чудно гармонируют они с поясом из бело-розового шелка!»

Рядом с вдохновившим Мидзуко кимоно сидели на корточках с полдюжины пожилых мужчин и с не меньшим воодушевлением обсуждали разложенные перед ними шелка, мяли ткань, разглядывали рисунки, делали в блокнотах какие-то пометки. «Это оптовые торговцы, — пояснила «Мисс Кимоно». — Фирма «Тикити» тоже оптовая, но она не только торгует, но и производит шелка. А эти оптовики калибром поменьше, они снабжают крупные универмаги и мастерские по пошиву кимоно. Есть еще крупные и мелкие розничные торговцы. Такая структура торговли шелками освящена традицией...» Традицией освящена столь же многоступенчатая лестница производства шелков. Оптовая фирма заключает контракты с субподрядчиками, мелкими мастерскими, где занято 10–20 человек. Одни мастерские создают образцы по рисункам художников. Другие занимаются «массовым производством» — делают до 20 кусков шелка одинакового рисунка. Система субподрядов позволяет оптовой фирме удерживать себестоимость шелка на сравнительно низком уровне, ведь зарплата в мелкой фирме всегда заметно ниже. В случае затруднений краткосрочный контракт с ней можно не продлевать и избежать конфликта со своими собственными рабочими и служащими. «Все мы одна семья, даже зовем друг друга братьями, — говорил президент «Тикити». — Никаких профсоюзов, никаких забастовок». Да, видно мечта о «классовом мире» одинаково занимает умы бизнесменов Японии, будь то производители автомобилей или шелковых кимоно.

Еще до похода в напоминающий музей прикладного искусства выставочный зал фирмы

«Тикити» мы побывали в гостях у ее «бедного родственника». В мрачноватых, пропахших крепкими незнакомыми запахами мастерских «Осима» работают уже не художники, но еще и не ремесленники. Они получают рисунки будущих кимоно от прославленных художников, таких, как Сасаки. Но очень многое зависит и от остроты глаза, твердости руки мастера, который перерисовывает изображение с лежащего перед ним эскиза на кусок белого шелка. Макая тонкую кисточку в слабую краску из сока трав, мастер, а чаще мастерица наносит голубоватую паутину рисунка. Прежде чем приступить к раскрашиванию, пастой из клейкого риса покрывают контуры рисунка. Теперь разные цвета не будут наплывать друг на друга. Подготовленный таким образом кусок шелка поступает на раскраску. Перед специальным мастером расставлено на низком столике десятка два неглубоких площадок с красками всех цветов и оттенков радуги. Неспешными движениями кисти закрашиваются лепестки цветущей сливы, прорисовываются орнаменты на веере. Если кусок не должен быть целиком покрыт рисунком, то его «пустые» участки тонируют кисточками, похожими уже на инструмент не каллиграфа, а маляра. Когда и эта операция закончена, вся штука ткани покрывается специальной пастой и погружается в «парилку», где при температуре около 100 градусов краски навсегда закрепляются, приобретают особую яркость. А потом шелк полощут в холодной проточной воде, снимают пасту и сушат. Работа закончена, но часть рисунка украшается вышивкой, сусальным золотом.

Насколько сохранены традиции характерного для Киото стиля «юдзэн», зародившегося еще в XVII в.? На этот вопрос ответил управляющий мастерской Мицуя Китагава: «В целом вся производственная цепочка осталась без изменений. Но вместо натуральных красителей стали применять искусственные. Раньше шелка полоскали в текущей рядом речке Камо, а сушили на ее же каменистых берегах. Представляете, какая это была красота! В прозрачных струях извивались десятки длинных полотнищ. Теперь это стало невозможно. Камо заплатила дорогую цену за индустриализацию Киото. Пришлось построить бетонные бассейны с проточной водой прямо в мастерской. Что еще нового? Для нанесения контура рисунка стали использовать бумажные трафареты. Ради удешевления продукции часть шелков разрисовывают не поштучно, а, так сказать, печатают. Качество «печатных» кимоно ниже, рисунок на них только с одной стороны ткани. Как видите, ради того, чтобы сохранить традицию, мы вынуждены иногда отступать от нее, делать уступки современности...»

Делая уступки современности, приспособляясь к новому темпу жизни, Киото тем не менее остается бастионом японских традиций и явно гордится этой ролью. Эта мысль не выходила из головы при расставании с церемонно кланявшейся «Мисс Кимоно», которая пришла проводить нас на вокзал.

Хиросима и Нагасаки — товарищи по несчастью

...Все, как тогда. Утро. Безоблачное синее небо наливается августовской жарой. По мосту Айой катят на велосипедах стайки беспрестанно щебечущих школьниц в матросках и молчаливых бритоголовых парней в гимназических мундирах. Все, как тогда. Проводившие мужей на работу хозяйки заканчивают утреннюю уборку и уже поливают из леек асфальт перед дверями. Грохочет набитый до отказа выдавший виды трамвай.

Все, как тогда. Восемь пятнадцать утра. Откуда-то сверху накатывается гул моторов. К мосту приближается черная точка. Она растет, превращаясь в четырехмоторный самолет. Серебристая машина разворачивается и уходит в сторону моря.

Нет, не все так, как тогда. Не блеснула вспышка «ярче тысячи солнц». Не взметнулся ввысь кроваво-красный, впитавший в себя десятки тысяч жизней кулак грибовидного облака. Просто приметный отовсюду мост Айой, как и в то страшное утро, послужил отличным ориентиром для пилота. Просто очередной мирный день пришел в Хиросиму.

Каждое утро в восемь пятнадцать утра раздается скорбная мелодия курантов на Часах мира у моста Айой. Сами часы шарообразные, похожие на глобус. А покоятся они на

десятиметровой железной конструкции, средняя часть которой как бы закручена рукой великана. Символика вполне понятная. Ведь неподалеку был эпицентр того взрыва, что в восемь часов пятнадцать минут утра 6 августа 1945 г. стал точкой отсчета ядерной эпохи. От этих часов начинается хиросимский Парк мира. Он разбит на острове Накадзима на месте бывшего делового центра города, превращенного за несколько секунд в сгустки спекшейся земли, оплавленного бетона и теней испарившихся людей. Рядом с часами — Колокол мира. Каждый посетитель парка может раскачать подвешенное на тросах бревно и послать не нуждающийся в переводе призыв к миру. На скамейках под тенистыми деревьями сидят парочки, размышляют о чем-то одинокие седовласые горожане, накрывшись газетами спят бездомные.

Тогда, после нашествия всепоглощающего огня, после смертоносного «черного дождя», жители были уверены, что ни одна былинка не пробьется сквозь мертвую землю. В тот раз природа одержала победу. Небольшие рощи, аккуратные лужайки и клумбы заполнили всю северную часть острова Накадзима. Зелени много. Но это зелень не веселой детской площадки или романтического городского парка над рекой, а хорошо ухоженного кладбища. Об этом ежеминутно напоминают памятники, курганы братских могил, Вечный огонь, проглядывающий сквозь листву остов Атомного дома.

Атомный дом... Построенное в 1915 г. чешским архитектором Яном Летцелем здание Зала развития промышленности было одним из красивейших в Хиросиме. Оно и сейчас элегантно своеобразной элегантностью скелета из анатомического театра. Известное всему миру как «Атомный дом», это здание получило право называться так потому, что оно одно оставлено таким, каким его сделала атомная бомба. Но атомных домов в Хиросиме на самом деле гораздо больше. Это не только бетонные здания, что были частично разрушены и восстановлены после войны. Это, по существу, все постройки в границах 1945 г. Только 8 % жилья осталось тогда в городе, чтобы дать приют обезумевшим от ужаса и страданий людям. Я прошел все кварталы, где была старая Хиросима, прошел с севера на юг и с востока на запад. Только такое путешествие позволяет осознать смысл слов: «полное разрушение в радиусе 2 км». Час ходьбы в одном направлении, еще час — в другом. Сотни, тысячи домов. И все это была пустыня! И все это наделала одна лишь маломощная по нынешним меркам бомба!

Конечно, сегодняшняя Хиросима — это не только Атомный дом и Парк мира, как Ленинград не может быть одним только Пискаревским кладбищем, а Сталинград — Мамаевым курганом. Город возродился, быстро растет. Накануне атомной бомбежки в нем жило примерно 350 тыс. человек. Сейчас население приближается к миллионной отметке. В Хиросиме строят океанские корабли и отличные автомобили «Мазда», варят вкусное пиво и плетут знаменитые «татами». Город по праву гордится Бульваром мира стометровой ширины, новыми парками и проспектами, стадионами и многоэтажными жилыми массивами, восстановленным из руин изящным замком. Деловой центр, примыкающий к Атомному дому, застроен теми же многоэтажными коробками из стекла и бетона, какие выстроились на центральных улицах любого японского города. На них развешаны вывески тех же банков, страховых компаний, универмагов.

Если сравнивать Хиросиму с другими городами-«мил-лионерами», то сравнение часто будет в ее пользу. Хиросима просторнее, в ней больше зелени и меньше машин, воздух чище, а люди, как мне показалось, спокойнее и приветливее. Если глядеть на город холодными глазами, то вообще можно заявить, как это уже делают в Соединенных Штатах, что в Хиросиме не произошло ничего страшного, что ее возрождение служит доказательством приемлемости «ограниченной ядерной войны». «Но так ли это?» — спросил я мэра Хиросимы Такэси Араки.

«С американской точки зрения, может быть, это и выглядит так. Но я думаю иначе, — говорил мэр, сам переживший бомбардировку 6 августа. — Если будет сброшена хотя бы одна атомная бомба, то начнут рваться и другие, все более мощные. Они будут рваться до тех пор, пока все страны, весь мир не будут уничтожены. «Ограниченной ядерной войны»

быть не может. Касаясь же последствий атомной бомбардировки для развития нашего города, я, как глава администрации, хочу подчеркнуть, что они остро ощущаются до сих пор. Если перейти на цифры, то ущерб жилому фонду, транспортной системе, водоснабжению и другим муниципальным службам оценивался примерно в 900 млн иен в ценах 1945 г. Напомню, что тогда на душу населения в год производилось национального дохода чуть больше, чем на тысячу иен. Хиросиму пришлось восстанавливать в полном смысле слова с нуля. Мы до сих пор сильно отстаем от других городов в обеспеченности водопроводом, канализацией, транспортными артериями. Недостает учреждений культуры. Но суть трагедии Хиросимы, смысл предостережения Хиросимы остальному миру не только в этом. В отличие от разрушенных домов, парков и дорог, страдания жертв атомной бомбардировки не видны глазу, не поддаются измерению ни в каких известных единицах. Но от этого они не становятся слабее. Эти страдания не ушли в историю. Они — сегодняшний день многих «хибакуся».

«Хибакуся» — это дословно означает «подвергшиеся взрыву бомбы». В момент ядерного взрыва более 80 тыс. человек (точных данных до сих пор не существует) испарилось, превратилось в пепел, обугленные куски мяса, кучки костей. Через четыре месяца число жертв достигло 140 тыс. К 1950 г. — 200 тыс. человек. Болезни волна за волной стали атаковать оставшихся в живых. Сначала это была лейкемия. Собрав самый большой урожай смерти в начале 50-х годов, она притаилась, продолжая и сейчас выхватывать то одну, то другую жертву. Вслед за лейкемией начались различные формы рака. И по сей день рак возникает среди «хибакуся» в три раза чаще, чем в среднем по стране. В 1948 г. был описан первый случай «атомной катаракты» — увидавшие «одновременный блеск миллионов фотовспышек» стали терять зрение. На месте шрамов от заживших ран стали появляться уродливые наросты, неумолимо возникавшие снова даже после новых и новых операций.

«Хибакуся» страдали безмерно. Страдания умножались отсутствием квалифицированной медицинской помощи. И дело не только в том, что многие хиросимские болезни были ранее неизвестны медикам. Правительство Японии, находившееся под пятой американского оккупационного режима, предпочитало «не замечать» проблем «хибакуся». О них было запрещено говорить, писать. Американская контрразведка охотилась на отснятые тайком ленты фотографов, уничтожила подготовленный документальный кинофильм. Врачам подвергшегося небывалой напасти города остро не хватало лекарств, перевязочных средств, медицинской техники. А американские оккупационные власти отклонили предложения о помощи Международного Красного Креста. Зато на вершине горы Хидзияма уже в первые послевоенные недели появился американский госпиталь, ставший известным по первым буквам своего названия на английском языке «Эй-Би-Си-Си» (комиссия по исследованию жертв атомной бомбы).

Посулами бесплатной помощи, уговорами, а то и более решительными способами «хибакуся» заманивались на Хидзияму. Там их подробно расспрашивали, фотографировали, делали многочисленные анализы и опыты. Делали все что угодно, только не лечили. Более того, страдавших от лучевой болезни заставляли делать рентгеновские снимки и получать дополнительные дозы радиации. Хотя в 1975 г. на напоминающих самолетные ангары бетонных бараках была сменена вывеска и теперь учреждение называется совместным американо-японским «Фондом исследования последствий радиации», хиросимцы по-прежнему называют его «Эй-Би-Си-Си». Они по-прежнему столь же искренне не любят его, сколь тепло отзываются о деятельности «Атомного госпиталя». Созданная на доход от новогодней почтовой лотереи 1956 г. эта скромная трехэтажная больница стала крупнейшим лечебным центром для «хибакуся».

«Со времени открытия госпиталя мы оказали помощь 80 тыс. пациентов, — рассказывал заместитель его директора профессор Киёси Курамото. — Когда мы приступали к работе, то думали, что через пять лет справимся со всеми последствиями атомной бомбардировки. Прошло уже больше трех десятилетий, а работы меньше не становится.

Годы бегут, стареют наши пациенты.

Самому пожилому из госпитализированных сегодня — 71, самому молодому — 39 лет. Дело в том, что мы лечим только «официальных хибакуся». Что это такое? Видите ли, когда в 1957 г. наконец-то было принято законодательство о бесплатной медицинской помощи жертвам атомных бомбардировок, то их состав был ограничен четырьмя категориями. В первую вошли те, кто в момент взрыва находился непосредственно в городе, в радиусе 3 км от эпицентра. Ко второй категории отнесли остальных горожан и тех, кто вернулся в Хиросиму в течение двух недель после взрыва. Те же, кто был мобилизован на спасательные работы и погребение мертвецов, отнесены к третьей категории. А в четвертую входят находившиеся в момент взрыва в материнской утробе.

Только те, кто имеют специальное удостоверение, получают бесплатное лечение. В середине 80-х годов в Японии насчитывалось 372 тыс. таких «официальных хибакуся». В Хиросиме — 108 тыс., каждый девятый житель города. Но есть немало людей, которые по тем или иным причинам не обзавелись удостоверениями, а кроме того, некоторые дети и даже внуки «хибакуся» жалуются на повышенную склонность к опухолям, болезням сердца и иным недугам, вызванным последствиями атомной бомбардировки.

Боль, страх, непередаваемые физические и нравственные страдания. Ими переполнены палаты и коридоры «Атомного госпиталя». Они таятся в полутемных комнатах, где затворились от жизни «хиросимские девы», чьи тела, лица и судьбы исковеркала бесчеловечная бомбежка. Они в молчаливом поклоне сторбленной старушки перед Вечным огнем в Парке мира. Но трагедия Хиросимы — это трагедия не только самого города и его жителей, даже не только одной Японии. С самого начала ядерный ужас приобрел международное измерение. Его испытали тысячи оказавшихся в Хиросиме корейцев и китайцев, которых вывозили на работу в Японию или зачисляли в императорские войска, военнопленные американцы из хиросимской тюрьмы, студенты из оккупированных и подвергавшихся «японизации» стран Юго-Восточной Азии.

Трагедия Хиросимы имеет мировое значение и сегодня. «Хиросима похожа на открытую рану, нанесенную всему человечеству, — пишет в книге «Хиросимские записки» известный писатель Кэндзабуро Оэ. — Как и всякая рана, она может вызвать два рода последствий — выздоровление или фатальное заражение. Если мы не защитим память о Хиросиме, в особенности мысли тех, кому выпало приобрести беспрецедентный опыт, то даже робкие признаки выздоровления, обещаемые этим городом и этими людьми, сменятся загниванием и воцарится всеобщее заражение».

Действительно, память о Хиросиме необходимо защищать. От кого? От бесстыдных мифотворцев, пытающихся стереть эту память или хотя бы подменить жуткую правду подслащенной полуправдой, перетасовкой реальных фактов и выдумок. Мифы о «приемлемости ограниченной ядерной войны», о «надуманности проблем хибакуся» стали уже почти классическими. Примелькались и кое-где пустили корни утверждения о «равной ответственности США и СССР за гонку ядерных вооружений». В ход пущена даже дикая выдумка, будто сброшенная на Хиросиму бомба была вовсе не американской, а... советской.

Живущая в Хиросиме советская женщина, вышедшая замуж за своего японского соученика по Университету дружбы народов имени Лумумбы, рассказывала мне, что одноклассницы ее дочек часто спрашивают: «Почему твой русский дедушка такой злой, что сбросил на нас атомную бомбу?» Среди атак на память Хиросимы выделяется одна, предпринятая сравнительно недавно. Бывший президент Японской медицинской ассоциации Таро Такэми и бывший посол США в Японии Эдвин Рейшауэр заявили, что атомная бомбардировка Хиросимы спасла Японию от гораздо больших разрушений и жертв в случае широкомасштабных боев на территории Японских островов...

Но вряд ли удастся добиться «ядерной индульгенции». Японцы — вовсе не «нация четырнадцатилетних», как презрительно отзывался о них глава оккупационного режима генерал Макартур. Японцы умеют великолепно помнить и размышлять. Вот, например, как выразили свое мнение о происшедшем в Хиросиме и Нагасаки авторы брошюры

«Хибакуся», изданной Конфедерацией организаций жертв атомных бомбардировок: «К середине 1945 г. Япония потеряла все свои морские и воздушные силы, у нее практически не оставалось военного потенциала для продолжения сопротивления. На конференции в Ялте союзники договорились о том, что Советский Союз вступит в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии. Поэтому применение Соединенными Штатами атомных бомб было продиктовано не стремлением «сократить агонию войны, спасти жизни тысяч и тысяч», как об этом говорил президент Трумэн, а желанием «получить политические преимущества над Советским Союзом в послевоенной стратегии США», как прямо заявил министр обороны Стимсон. Была еще одна, скрытая цель — провести изучение возможностей атомной бомбы ради подготовки дальнейшего применения ядерного оружия в будущем. Хиросима и Нагасаки были избраны мишенями для проведения опытов над живыми людьми. Именно поэтому США объявили данные об ущербе от атомных бомбардировок военной тайной...»

Забыть все это — значит предать убитых, значит расчистить путь к новым убийствам. Так думают тысячи хиросимцев разных поколений. Много раз бывая в их городе, я становился свидетелем разнообразных акций в защиту мира. Каждый год в Хиросиме проводится Международная конференция за запрещение ядерного оружия, в которой участвуют антивоенные организации со всего света. В принимаемых хиросимских воззваниях формулируются самые важные задачи борьбы с ядерной угрозой.

Стремление словом и делом защитить себя, своих родных и всех соседей по планете Земля от атомного пекла и могильного холода «ядерной зимы» присуще не только деятелям международного калибра. На улицах Хиросимы стартуют массовые эстафеты и марши мира, финишируют вело- и автопробеги из самых дальних концов Японии. В Парке мира проходят сидячие манифестации и голодовки протеста против ядерных испытаний, заходов в японские порты американских боевых кораблей с ядерным оружием на борту. Апофеозом коллективного неприятия войны и ядерного оружия становится торжественная траурная церемония 6 августа.

Мемориальный парк перед Вечным огнем заполняет море людей: оставшиеся в живых свидетели бомбежки, их дети и внуки, противники ядерной бомбы из разных городов Японии, многих стран мира. Необыкновенно долгой кажется минута молчания — смотришь на тысячи низко склоненных голов и понимаешь чудовищность совершившегося в то страшное августовское утро 1945 г. Погибшие в то утро могли бы заполнить два таких же просторных парка, но все, что от них осталось, — это виднеющийся неподалеку невысокий холмик размером с большую песочницу, насыпанный на собранные вокруг эпицентра и кремированные останки...

В последний приезд в Хиросиму я познакомился с Кэндзи Хираёси, начальником пожарной команды городского района Аса. Хорошо запомнились его слова: «Мы научились тушить самые опасные пожары, наши товарищи из Чернобыля предотвратили большую беду на атомной электростанции. Но разве можно сравнить пожар или аварию с ядерной войной? Ее нельзя будет потушить ничем, ее можно только предотвратить. Я постоянно думаю об этом, это моя главная забота».

Надо сделать так, чтобы главная забота хиросимского пожарного Кэндзи Хираёси всегда была главной заботой всех японцев и американцев, русских и китайцев, англичан и французов, всех жителей нашей планеты!

Сказав «Хиросима», почему-то сразу хочется добавить «Нагасаки». Действительно, эти два города навсегда связаны друг с другом общей трагедией, оба они стали неразделимым символом нависшей над всеми городами мира ядерной угрозы. Но какие же они непохожие эти товарищи по несчастью!

Хиросима основательно утвердилась на плоской, как стол, равнине вдоль широкой по японским меркам реки у ее впадения в море. Нагасаки — примостившийся у кромки воды город зеленых холмов и морского ветра. Его улицы повторяют ритм накатывающихся одна на другую сопки, плавно огибают давший жизнь городу и порту узкий залив, перешагивают

по бесчисленным мостам через то пересохшие, то грозящие затопить все вокруг речки.

Хиросима — в прошлом город самурайский, военный. В центре, как полагается, стоит окруженный широким рвом замок, а дальше зелень парка на месте, где шли казармы, склады, плацы. Из хиросимского порта отплывала к Цусиме эскадра адмирала Того, подстерегавшая корабли русского флота. Оттуда же начинали свой путь в Корею, Китай и страны южных морей транспорты с солдатами, штыками которых вырезалась «Великая Восточноазиатская сфера сопроцветания». Неподалеку от Хиросимы, на одном из живописных островов Внутреннего моря, действовала школа летчиков-смертников «камикадзэ», где вчерашние студенты обрабатывались в фанатичных традициях самурайства и готовились превратиться в «бомбы из мяса».

Нагасаки, как и любой другой японский город, тоже работал на войну. Со стапелей концерна «Мицубиси» сходили линкоры и авианосцы. Разбросанные по всему городу заводы с тремя красными ромбами — знаком «Мицубиси» — производили боеприпасы, военную технику. Но традиции Нагасаки совсем иные, сугубо мирные. Недаром в городе нет самурайского замка, недаром Нагасаки овеян множеством романтических легенд и лиричных, а вовсе не воинственных преданий.

Небольшая деревушка Нагасаки, получившая свое название в начале XIII в. по фамилии правившего ею чиновника, испокон веков жила рыболовством и возделыванием риса на поднимавшихся по горным склонам террасных полях. Неприметная жизнь продолжалась бы бесконечно долго, если бы в 1543 г. неподалеку от Нагасаки случайно не очутился португальский корабль. Переноса свои торговые фактории и католические миссии с одного небольшого островка на другой, португальцы обнаружили исключительно удобную гавань Нагасаки на побережье Кюсю, одного из крупнейших островов Японского архипелага. Обращенный в христианство Су-ми тад а Омуро, правитель окрестных земель, в 1571 г. позволил заморским купцам превратить Нагасаки в центр торговли, и вскоре сонную деревушку стало не узнать.

Со всей Японии съезжались торговцы за экзотическими диковинами. На расчищенном от леса берегу появились городские кварталы, здания непривычного, заморского вида, новые церкви. Приплывшие из Португалии миссионеры так успешно обращали местных жителей в свою веру, что среди наиболее ревностных христиан оказался сам Сумитада Омуро, который в 1580 г. отписал подвластные ему земли ордену иезуитов. Формально Нагасаки перестал быть японской территорией. Правда, правление иезуитов продолжалось недолго, всего 8 лет. Объединитель Японии Гоёмтои Хидэёси конфисковал Нагасаки у португальцев и превратил город-порт в центр морской торговли. Рядом с иностранными галеонами на рейде встали корабли под японскими флагами.

Торговля приносила купцам и казне огромные доходы, но при дворе правителя вскоре сочли, что быстрое распространение иностранной религии представляет опасность существующим порядкам. Мало того, что иезуиты насильно обращали в свою веру местных жителей, подстрекали католиков громить буддийские и синтоистские храмы. «Святые отцы» занялись еще и политическими интригами, стали вести дело к военному столкновению обращенных в христианство феодалов с «язычниками». Кончилось все тем, что миссионеров изгнали из Нагасаки, а 26 наиболее активных проповедников и прихожан католических церквей распяли на склоне холма Нисидзака. Там в память причисленных к лику «мучеников» сооружены памятник и музей. Гонения на христиан не могли не сказаться и на торговле с христианскими державами. Ее объем неуклонно снижался, и в 1639 г. правительство военного диктатора Токугава вообще запретило торговлю с Португалией, взяв курс на самоизоляцию. «Окно» во внешний мир с треском захлопнулось... но не совсем.

Узкой и исключительно важной «щелчкой» осталась крошечная торговая фактория, которую разрешили основать голландским купцам на рукотворном острове Дэдзима. Остров, напоминавший по форме раскрытый в сторону моря веер, был обнесен стеной и соединялся с городом узким мостиком, у которого постоянно дежурила стража. Почему голландцев предпочли португальцам? Может быть, потому, что голландцы уделяли больше внимания

прибылям, чем распространению веры. Среди протестантов-голландцев не было поднаторевших в политических интригах иезуитов. Как бы то ни было, голландцы прочно утвердились на Дэдземе. Их корабли, более или менее регулярно заходившие в Нагасаки, двести с лишним лет оставались для Японии, по существу, единственным источником заморских товаров и новостей о событиях в мире.

Дэдзема существует и поныне. Прежние обитатели вряд ли нашли бы ее и наверняка не узнали — остров давно перестал быть островом и на несколько десятков метров отодвинулся от кромки воды. На засыпанной части залива выросли портовые сооружения и многоэтажные дома. Сохранился лишь неширокий канал вдоль основания «раскрытого веера» да еще несколько деревянных строений: складов, церквей, особняков. Можно побродить по прохладным комнатам превращенного в музей жилого дома, потрогать выставленную во дворе старинную пушку, попытаться представить себе жизнь Дэдзимы у ее макета в одну шестидесятую натуральной величины.

От Дэдзимы стоит направиться в соседний район Синти, китайский квартал. Китайцы появились в здешних

местах вскоре после первых европейцев. Их число быстро росло, и вот уже голландцы перестали быть серьезными конкурентами для хорошо организованных и многочисленных китайских купцов. Меньше чем через сто лет каждый шестой из 60 тыс. жителей города был китайцем. Правда, главная причина роста китайской общины была связана не столько с ростом торговли, сколько с оккупацией Китая маньчжурскими завоевателями. Поначалу китайцы селились среди местных жителей, с которыми их связывала общность иероглифической письменности, буддийской веры, конфуцианской морали. Но в 1686 г. правительство приказало всем китайцам перебраться в специально отведенную изолированную часть Нагасаки. Так возник «китайский город», наследником которого служит район Синти.

Примет прошлого в нем осталось еще меньше, чем на Дэдземе. В стороне от шумной торговой улицы, застроенной рестораничками китайской кухни и сувенирными лавками, видны крытые черепицей красные резные ворота старинного храма. Еще один уединенный буддийский храм расположился на склоне горы. Но вовсе не эти малопримечательные постройки напоминают о вкладе китайцев. У подножия наступающих на город с юга гор протянулась застроенная храмами улица, которая так и называется — Тэра-мати, район храмов. Наиболее известный из китайских храмов — это построенный в 1626 г. Софукудзи, который объявлен «национальным сокровищем» Японии. Перед массивными воротами с затейливой резьбой по дереву всегда многолюдно. Кто идет помолиться, кто просто зашел пофотографировать каменные фонари по обеим сторонам ведущей к главному святилищу лестницы, вырезанные на позолоченных досках каллиграфические иероглифы с названиями павильонов, статуи 18 святых «архатов», череду изящных, не похожих друг на друга ворот...

Стоит миновать метров 400–500 вдоль прижавшихся друг к другу храмов, мастерских традиционных надгробий, лавок ритуальной посуды, и все еще стоящая перед глазами пышная красота Софукудзи меняется на строгий и оттого еще более торжественный вид храма Кофукудзи. Накрытый двускатной массивной крышей из черной черепицы главный павильон кажется особенно внушительным от соседства изящной двухэтажной башни для колокола и барабана, неотъемлемых принадлежностей китайских буддийских храмов. Стены и башни покрыты белой штукатуркой, и от этого создается иллюзия, будто черепичная крыша с загнутыми вверх углами парит наподобие ковра-самолета.

Еще один пласт истории Нагасаки, столь необычный для других японских городов, выходит на поверхность неподалеку от судостроительных верфей, которые вместе с рыбным промыслом остаются основным работодателем для местных жителей. Сначала глаз привычно скользит по крытой обычной японской черепицей крыше. Но потом вдруг понимаешь, что крыша-то необычная, вовсе не японская. Разве встретишь еще где-либо в Стране восходящего солнца торчащие сквозь черепицу печные трубы — высокие, затейливые? Да и сами дома недаром вот уже больше ста лет словно магнит притягивают

охочих до заморских диковин японцев. Эти одно- и двухэтажные деревянные строения европейской архитектуры стали расти на склоне невысокого холма после того, как политике изоляции пришел конец и правительство было вынуждено открыть для торговли в дополнение к Иокогаме два других порта — Нагасаки и Хакодате.

Коммерсанты побогаче, миссионеры и дипломаты из консульств селились поближе к сулившим прохладу горам. Это их дома стали музеями и ведут ныне рассказ о соприкосновении и взаимном обогащении разных цивилизаций. Вот, например, похожий на парковый павильон дом англичанина Томаса Гловера. С его именем связано создание первой в Японии судовой верфи, демонстрация первого паровоза, внедрение зачатков механизации на угольных копях. Дома торговца чаем по фамилии Альт, миссионера Стаута, гостиница для капитанов иностранных кораблей...

Каждый порознь и все вместе они создают романтическую атмосферу, которая вдохновляет художников и писателей, драматургов и композиторов. Описание здешних мест встречается в романе «Мадам Батерфляй» американца Джона Лютера Лонга, по мотивам которого написана опера «Чио-Чио-сан». В тенистом уголке парка рядом с низвергающимся искусственным водопадом «Стена влаги» склонилась в покорном поклоне бронзовая статуя «госпожи Бабочки», поставленная в честь знаменитой исполнительницы партии Чио-Чио-сан певицы Тамаки Миура. О христианских святынях Нагасаки писал классик современной литературы Акутагава Рюноске. Описание Нагасаки читаешь в романах русских писателей-путешественников. А разве не заслуживает прикосновения писательского пера драматическая история моряков с «Варяга» и других кораблей Балтийской эскадры, попавших в японский плен? Останки скончавшихся от ран русских моряков покоятся на одном из «иностраных кладбищ». Каменные плиты, обелиски, скромная часовенка явно нуждаются в прикосновении рук благодарных потомков моряков-героев. Ведь морской ветер год за годом так «шлифует» надписи, что часть имен уже стерлась, стала совершенно неразличима.

Что и говорить, Нагасаки экзотичный, уютный, романтический, необычный город. И вот его-то решили превратить в мишень атомной бомбардировки. Исторические реликвии, вернее часть из них, уцелели только чудом. Бомба упала так, что невысокие холмы «погасили» часть ударной волны. Спалившие треть города пожары не добрались до некоторых памятников старины тоже по случайности. Но там, где бушевало ядерное пламя, где в мгновение ока 75 тыс. человек превратились в тени, в горстки пепла, там возникли новые памятники истории. На этот раз уже истории всемирной.

Неподалеку от эпицентра начинается узкая улочка, взбирающаяся на крутую гору. Она упирается в традиционную для синтоистских храмов арку «тории», которая стоит вместо полагающихся двух лишь на одной «ноге». Вторую половину «арки-инвалида» точно ножом срезала ударная волна. Закопченный кусок кирпичной стены с одиноко глядящей вдаль статуей святого — все, что атомная бомба оставила от прежней гордости католиков Нагасаки — собора Ураками.

...С раннего утра в сторону Парка мира, разбитого рядом с эпицентром взрыва, двинулись массы людей. По повязкам на руках и надписям на знаменах можно узнать, кто здесь местный житель, а кто приехал из Токио, Хиросимы, Осаки или с совсем уж далеких Хоккайдо, Окинавы. Хором выкрикивая антиядерные лозунги, идут колонны рабочих, учителей, врачей, муниципальных служащих. Из трамваев, автофургонов и междугородных автобусов выгружаются все новые группы манифестантов. Все они накапливаются перед скромным зданием, где продолжается начавшееся в Хиросиме заседание Всемирной конференции за запрещение атомного и водородного оружия. А тем временем переполненные влагой синевато-серые тучи все ниже прижимаются к верхушкам стонущих в предчувствии тайфуна деревьев. По длинной и крутой лестнице поднимается в гору людской поток. Пережившие бомбардировку и родственники жертв задерживаются у Фонтана мира, сооруженного в память тех, кто в свои последние минуты страдал от неутолимой жажды. Зачерпнув воды ковшиком, люди льют ее на черный куб с высеченными словами из

дневника девочки, прошедшей через ужасы того августовского утра: «Мое горло обжигала жажда, но вся вода была покрыта чем-то, напоминавшим жир. Мне так хотелось пить, что я залпом выпила то, что было передо мной». Рядом с фонтаном две пожилые женщины, буддийская монахиня с бритой головой и мирянка, бьют в гонг, нараспев читая то молитвы, то антиядерные прокламации. Другие женщины раздают простые голубые веера с надписью по-японски и по-английски: «Да пребудет мир над всем человечеством!»

Чем меньше времени остается до начала торжественной церемонии, тем ближе к эпицентру атомного взрыва подходит тропический тайфун. Небо разверзается, и потоки теплого дождя щедро поливают всех, кто не уместился под брезентовым пологом. Лица стали одинаково мокрыми, и уже не разобрать, кто утирает небесную влагу, а кто — слезы. 11 часов 2 минуты утра. Наступает момент, когда Нагасаки осветила вспышка «ярче тысячи солнц». Из репродуктора раздается призыв предаться минуте молитвы в молчании. Взывают корабельные сирены. Раздаются удары Колокола мира...

Запомнилась прощальная беседа с хозяйкой небольшой гостиницы, выписывавшей счет за постой. Улыбаясь, как это нередко делают японцы в момент самых тяжелых воспоминаний и переживаний, она говорила: «Мне было 20 лет, когда соседи вытащили из-под горящих обломков дома мое полумертвое тело со слезшей кожей. Я не пожелаю даже самому злому человеку тех мучений. Я хочу, чтобы ни одна мать на всей Земле не испытала страданий, которые пережила я у смертного одра дочек, умиравших одна за другой от последствий моего облучения. Я уже прошла дорогу жизни, и мне, одинокой, вроде бы нечего бояться. Но я все равно боюсь за будущее своих соседей, за других жителей Нагасаки, за всех людей».

Оснований для беспокойства за будущее у жителей Нагасаки, пожалуй, больше, чем у жителей многих других японских городов. И дело не только в том, что примерно каждый десятый горожанин на собственном опыте знает об ужасе атомной войны. Два-три часа езды на машине отделяют Нагасаки от Сасебо, комплекса военных баз, играющих важную роль в глобальной ядерной стратегии США. Мало того, что базирующиеся в Сасебо японские и американские боевые корабли и самолеты призваны «в случае чрезвычайных обстоятельств» блокировать Цусимский пролив, одну из самых напряженных международных транспортных артерий, «Гиндзу Японского моря». Эта затея в первую очередь направлена против СССР, для которого свобода судоходства между портами тихоокеанского побережья и европейской части страны имеет жизненно важное значение.

Сасебо еще и важная опорная точка для американских авианосных ударных групп. Во время стоянки в Сасебо атомного авианосца «Энтерпрайз» в марте 1983 г. я беседовал с горожанами, с участниками марша протеста против захода в порт корабля с ядерным оружием на борту. Все они говорили о смертельной опасности, которую навлекают на Сасебо и соседний Нагасаки корабли 7-го флота. Помню и ухмылку офицера с «Энтерпрайза», с которым сидел рядом в поезде на обратном пути в Токио. На вопрос, правда ли, что на авианосце и кораблях эскорта есть ядерное оружие, он ответил: «Только дети могут верить, что такое оружие выгружается каждый раз, когда мы заходим в японские порты. Как заставить взрослых людей верить в это — проблема не наша, а японского правительства, провозгласившего три безъядерных принципа». Помимо «Энтерпрайза» исключительно удобную гавань Сасебо все активнее «осваивают» другие авианосцы, атомные подводные лодки с ядерными ракетами «Томагавк» на борту. Местные газеты писали, что Сасебо планируется превратить в порт приписки линкора «Нью-Джерси» с теми же «Томагавками».

Сасебо — рядом с Нагасаки. По соседству с Хиросимой — Ивакуни, еще одна база ядерной стратегии США на Дальнем Востоке. Чем не символ забвения уроков истории? Чем не дополнительный стимул в борьбе за предотвращение новых трагедий, подобных трагедии Хиросимы и Нагасаки, товарищей по несчастью?

Глава четвертая ТАКАЯ РАЗНАЯ ЯПОНИЯ

**Хоккайдо — «путь к северным морям» Тохоку:
задворки Японии Сикоку:
мосты надежды уходят в туман
Кюсю — остров керамики
«Технополис» — японский «билет в XXI век»?**

Хоккайдо — «путь к северным морям»

Впервые побывать на острове, чье название переводится как «путь к северным морям», довелось вскоре после начала корреспондентской работы в Японии. Осенью 1981 г. журналистов пригласили на открытие Дома японо-советской дружбы в город Хакодате. Пока самолет шел над бесконечными заснеженными горами, корреспонденты-ветераны наставительно объясняли значение предстоящего события, напоминали историю самого северного острова Японии.

Хоккайдо недаром сравнивают с американским «диким Западом». Как и западные штаты Америки, Хоккайдо осваивался позже остальных районов страны. Первые японские поселенцы стали пересекать неширокий пролив, отделяющий Хонсю от Хоккайдо, еще в XV в. Но инициатива принадлежала не правительству, а одному из самурайских кланов — Мацумаэ. Контроль центрального правительства над островом окончательно был установлен лишь в 1869 г. и пришел вместе с новым названием вместо «Эдзо», что означало «земля дикарей».

Как и в случае с «диким Западом», правительство отрядило в колонизируемые земли войска, которые стали вытеснять, а подчас и уничтожать местных жителей — айну. Было создано специальное ведомство по колонизации Хоккайдо. Огромные средства вкладывались в строительство городов и ферм, создание рисовых полей и угольных шахт. Основные тяготы освоения новых земель легли на плечи солдат, а также обнищавших самураев, крестьян и рыбаков, которые массами переселялись на Хоккайдо, привлеченные обещанием бесплатной земли, домов, орудий труда, трехлетнего гарантированного пропитания. Немаловажна роль и сосланных со всей Японии заключенных, бежавших на Хоккайдо воинов из самурайских кланов, разгромленных в гражданской войне конца 60-х годов.

В противостоянии суровой северной природе, в кровопролитных стычках с отстаивавшими свои права племенами айну постепенно складывался тип людей, людей с особым характером — «досанко». Для «досанко», как с гордостью зовут себя уроженцы Хоккайдо, характерна независимость поведения и мнений, стремление к решительным действиям, готовность прокладывать дороги в неизведанное, преодолевать трудности. А трудностей в самой большой префектуре, занимающей пятую часть территории Японии, хоть отбавляй. И они вовсе не сводятся к непривычно долгой и холодной для японцев зиме, к обилию снега, заметающего чуть ли не девять десятых всех железных и шоссежных дорог. «Досанко» не боятся снега и холода. Гораздо труднее бороться с традиционной отсталостью края, богатого углем, лесом, плодородными землями, рыбными угодьями.

На Хоккайдо приходится 22 % сельскохозяйственных угодий Японии, более четверти лесов и такая же часть рыбных запасов. Но конкуренция дешевой импортной продукции привела к тому, что сельское хозяйство и лесная промышленность испытывают растущие трудности, а добыча угля практически полностью прекратилась. Сокращается производство стали и строительство судов. Огромный остров дает лишь 2 % промышленного производства Японии, с 1985 г. прекратился рост населения. Ни природные богатства, ни предприимчивость 5,5 млн «досанко» никак не могут компенсировать удаленность от промышленных районов Токио, Нагоя, Осаки, ускорить экономическое развитие префектуры, все еще дающей не более 5 % валового национального продукта. Мало

помогают и дотации правительства, до сих пор вынужденного содержать специальное управление по развитию Хоккайдо. «Экономическое чудо», по существу, обошло остров стороной, оставив его на положении аграрно-сырьевого придатка.

О многом можно наговориться за два часа полета. Президент одной из крупнейших рыбопромышленных фирм «Нитиро гёгё» Дзиро Икэнага, например, оказался кладезем знаний о городе Хакодате. Именно в этом городе родилась его фирма, действующая ныне в масштабах всей Японии. Хакодате наряду с Иокогамой и Нагасаки стал одним из первых портов, открытых для захода иностранных кораблей. Произошло это в 1854 г., а уже через несколько лет русские флаги привычно развевались не только на стоящих в удобной бухте кораблях, но и над зданием консульства России. О временах оживленных контактов с соседней страной рассказывают превращенное в молодежный центр здание консульства, булыжные мостовые, русские имена на памятниках «иностранный кладбища», да еще построенная в 1916 г. православная церковь, чьи белые стены, зеленые крыши с крестами на луковках и березки во дворе напоминают деревенские церквушки где-нибудь в глубине России. Здание экзотичной для Японии архитектуры стало главной достопримечательностью Хакодате.

«Новой вехой в истории связей Хакодате с СССР, — рассказывал Икэнага-сан, — должен стать Дом дружбы, который мы не случайно построили рядом с бывшим консульством и церковью. Мы хотели этим подчеркнуть возможность, необходимость развития отношений двух стран-соседей. Нашим рыбакам часто приходится общаться с советскими коллегами. Ведь на основании двусторонних соглашений о рыболовстве корабли «Нитиро гёгё» ловят рыбу у советских берегов, а суда под красным флагом ведут промысел в японских водах. Пример рыбаков показывает, что СССР и Япония могут, а следовательно, и должны уважать интересы друг друга, укреплять деловые связи, являющиеся надежным фундаментом добрососедства и мира», — заключил известный рыбопромышленник и предложил полюбоваться видом Хакодате, над которым наш самолет заходил на посадку.

Уже на трапе в лицо бьет холодный ветер. Кажется, что серо-зеленые волны не разбиваются о берег у края посадочной полосы, а продолжают свой путь по воздуху, окатывая пришельцев упругим и влажным холодом. Разница с по-летнему теплым октябрьским Токио настолько велика, что душный, но зато натопленный автобус становится раем. Тепло и в просторных залах двухэтажного Дома японо-советской дружбы, где на торжественную церемонию собрались деятели городского управления, деловых кругов, общественных организаций. Традиционная в Японии при открытии любого нового предприятия или дома церемония идет по синтоистскому обряду. В зале на первом этаже установлен алтарь, на котором расставлены блюда с рыбой, яблоками, мандаринами, фарфоровые кувшинчики с сакэ. Полагается сообщить местным богам о строительстве нового здания. Два священника в средневековых облачениях становятся друг против друга, кланяются, читают молитву и дважды хлопают в ладоши, привлекая внимание богов. Из парчового футляра у пояса старшего священнослужителя появляется сложенный гармошкой документ. Постепенно разворачивая тонкую рисовую бумагу, он нараспев докладывает об истории строительства, целях Дома дружбы, просит покровительства богов. Доклад сворачивается, кладется на алтарь и в воздух подбрасываются белые бумажные квадратики, играющие в синтоистской религии роль христианской «святой воды». Затем священники обмахивают собравшихся недавно срезанными зелеными ветками и приглашают почетных гостей возложить на алтарь веточки криптомерии. Отдав дань традиции, все переходят в соседний зал, где начинается церемония на западный лад — с разрезанием ленточки, речами и тостами. Все выступающие единодушны: сделано доброе дело.

Торжества шли под «аккомпанемент» доносившихся с соседних улиц маршей императорской армии из репертуара минувшей войны, выкриков и ругательств членов ультраправых организаций. Выскочив на минуту к советскому автобусу за новой пленкой, я увидел метрах в ста уже знакомые по Токио темно-синие автомобили с громкоговорителями на крышах и окружавших их молодчиков в угрожающих позах. Открывая дверь, пожилой

полицейский недовольно пробурчал: «Своего хулиганья у нас не хватает, так еще из Токио прислали». И действительно, на ближайшей радиомашине я разглядел столичные номера. Даже лица пытавшихся выругаться по-русски типов, коротко стриженных или с перманентной завивкой на крашенных волосах показались знакомыми.

Возможно, это были те самые, кто устраивает заторы на улицах перед советским посольством, перегораживая своими машинами движение и используя вынужденные остановки водителей для ознакомления их с наборами оглушительных антисоветских тирад. Может быть, это были те, кто устраивает погромы в штаб-квартирах прогрессивных партий и профцентров, нападает на участников митингов противников войны или учителей, отказывающихся внушать детям идеи «превосходства расы Ямато», как именуются японцы националистами.

Антисоветизм и антикоммунизм стали профессией для примерно 120 тыс. членов 850 разношерстных ультраправых групп Японии. Получая щедрые субсидии от толстосумов и пользуясь попустительством властей, провокаторы не случайно делают упор на все более мощные громкоговорители. Их ведь меньшинство и без современной техники их голос вряд ли бы кто услышал. Один радиофицированный автобус производит больше шума, чем целая демонстрация. Крики стихают только к вечеру, когда начинается наплыв посетителей в игорные дома, кафе со стриптизом, «массажные салоны» и прочие заведения сомнительной репутации. Ведь контролирующие «индустрию наслаждения» преступные синдикаты и ультраправые организации, как правило, состоят из одних и тех же людей.

Командировка на Хоккайдо, полюбоваться красотами которого мечтают многие японцы, — это большое поощрение. Поэтому налетчики в синих комбинезонах не ограничились на сей раз одними криками, а вдобавок разлили масло на самом опасном участке дороги, по которой автобус с советской делегацией ехал из Хакодате в главный город острова — Саппоро. В самом же Саппоро «гастролеры» вместе с местными экстремистами попытались сорвать традиционный фестиваль японо-советской дружбы в здании телецентра. Налет, впрочем, не помешал жителям города наслаждаться борщом с пирожками, приготовленными женщинами из кружка русской кухни. Не помешал он и ходу показательного урока русского языка, обсуждению условий поездки в СССР с представителями туристской фирмы, покупке книг о Советском Союзе, советских продуктов и сувениров. У стендов общества «Япония — СССР» пояснения давали его активисты. В общество они пришли разными путями. Коммунист Масао Акидзуки видит в разоблачении тезиса о «советской угрозе» свой классовый и патриотический долг. Председатель Всеяпонского комитета ветеранов войны Сигэру Сугэвара был в числе смертников-«камикадзе» и ненавидит войну, отдает все свободное время выступлениям на митингах, чтению лекций, изданию статей и брошюр. Переводчица Юкико Харию выросла «на сопках Маньчжурии», в оккупированных японской военщиной северо-восточных провинциях Китая, где познакомилась и подружилась с русскими людьми, выучила и полюбила их язык. А совсем молодой и постоянно краснеющий Кацуёси Кавамура хочет читать по-русски своего любимого писателя Льва Толстого, мечтает побывать в СССР.

Впрочем, чтобы ощутить себя в России, Армении, Узбекистане или Литве, вовсе не обязательно покидать Саппоро. К северу от центра города стоит здание крупнейшего из действующих на Хоккайдо Домов японо-советской дружбы. Оно выделяется необычайной архитектурой в стиле павильонов московской ВДНХ: похожий на богатырский шлем купол, стройные колонны, огромные зеркальные окна, усиливающие впечатление размаха, простора. На полутора тысячах квадратных метрах этого дворца есть место для меняющихся одна другую выставок союзных республик и городов СССР, кинопросмотров, лекций, выступлений артистов. В тот первый приезд я застал в библиотеке на втором этаже урок русского языка, а в соседней комнате любители хорового пения слушали новую пластинку с грузинскими песнями. Помимо местных завсегдатаев Дома дружбы в его залах ежедневно бывают жители других районов Хоккайдо и туристы.

Основатель и бессменный председатель правления хоккайдского Дома японо-советской

дружбы и культуры в Саппоро — Ясусабуру Сибано. Видный предприниматель и общественный деятель, он всегда был известен в консервативных политических кругах Хоккайдо. Что же побудило этого человека вложить немалые средства и силы в создание Дома дружбы? На этот вопрос ответил сам Сибано-сан. «Накануне своего 70-летия, в 1971 г., я впервые посетил Советский Союз, своими глазами увидел, как живут там люди. Беседы с простыми людьми, их откровенность и дружелюбие позволили мне прикоснуться к душе советского народа. То, что я увидел и ощутил, настолько разительно отличалось от внушенных раньше представлений, что я еще несколько раз съездил в Россию, чтобы убедиться, не ошибся ли я. Когда стало ясно, что никакой ошибки нет, я решил открыть своим землякам глаза на правду. Шесть лет ушло на сбор средств, составление проекта и строительство. С сентября 1977 г. в двери нашего Дома вошли уже многие десятки тысяч людей. Надеюсь, что все они вынесли не только знания о той или иной стороне жизни в СССР, но и чувство симпатии к советским людям. Наши страны разделяет море, не в силах человека сблизить их хотя бы на один километр. Но сблизить народы — это в наших силах. Уверен, что, выступая за улучшение японо-советских отношений, я служу долгосрочным интересам моей страны. Ведь без развития нормальных связей между Хоккайдо и советским Дальним Востоком, СССР и Японией не может быть стабильности в тихоокеанском бассейне, не может быть подлинно мирной и независимой Японии».

Ясусабуру Сибано не единственный бизнесмен, уверенный в необходимости расширения японо-советских связей. Он руководит еще и правлением созданного в 1971 г. хоккайдского общества японо-советской торговли «Хоккайдо Ниссо бозэки». Общество объединяет свыше 200 средних и малых торговых, промышленных и банковских компаний, развивает связи с советскими кооперативными и внешнеторговыми организациями. Бизнесмены полны оптимизма в отношении торговли с Сибирью и Дальним Востоком. Оптимизм имеет под собой основания — объем торговли вырос с 2,7 млн долларов в 1973 г. до 203 млн в 1988 г. Растут показатели торговли и с другими хоккайдскими фирмами: «Хоккокоэки», «Хоккайдо трэйдинг», «Кусиро Ниссо бозэки». По приглашению президента последней из них, Масахару Муто, я побывал в городе Кусиро, крупнейшем городе восточной части острова.

От Саппоро до Кусиро всего 300 км, половина расстояния между Токио и Осакой. Но если суперэкспресс «синкансэн» доставляет вечно торопящихся столичных бизнесменов во второй деловой центр страны меньше, чем за три часа, то на Хоккайдо вдвое меньший путь требует вдвое большего времени. После отлакированных поездов «синкансэн» трудяга-тепловоз и выдавшие виды вагоны смотрятся диковинкой. Сами вагоны необычны. Вместо рядов удобных кресел — койки, отделенные от коридора занавесками, а друг от друга фанерными переборками. «Купейному» пассажиру выдают пару тапок и удобный хлопчатый халат «юката». Прибывшие с «материка» японцы с восторгом фотографируются на фоне этих «купе» — экзотика!

«Доброе утро, с приездом, меня зовут Сатоси Томи-сава». Произнесенные с московским выговором слова приветствия принадлежали рослому и плотному молодому человеку, встречавшему меня на вокзале Кусиро. Выпускник Московского университета Томисава-сан работает в фирме «Кусиро Ниссо бозэки» и активно участвует в деятельности «Общества японо-советской дружбы и торговли на Восточном Хоккайдо». Вместе с ним мы два дня путешествовали по дорогам самого близкого к СССР острова Японии.

Глядишь в окно машины и не веришь, что ты «за границей». Волнистые луга с копнами сена и пасущимися стадами коров, кучи ботвы от недавно выкопанной картошки, высоченные ели вперемежку с красногрозными рябинами и березовыми рощами. Ну просто Подмосковье! Самое же главное — нет той скученности, что бросается в глаза на трех других больших островах Японии — Хонсю, Кюсю и Сикоку. Подчас машина может бежать 20–30 минут вдоль поросших девственным лесом холмов, мимо безлюдных полей, прежде чем покажутся силосные башни и аккуратные дома очередной фермы. Но вот хоккайдское «подмосковье» кончается. С вершины холма стало видно море, белоснежную башню маяка.

Мы подъезжали к полуострову Немуро — самой восточной точке Хоккайдо и к рыбацкому городу того же названия.

Известный раньше разве только промыслом крабов и морской капусты, этот глухой уголок стал в последние 10–20 лет пользоваться особым вниманием. Дело в том, что всего в 3700 м от мыса Носяппу, которым оканчивается полуостров Немуро, начинаются Курильские острова. На советские Курилы или часть их, в зависимости от appetитов, выдвигают претензии различные политические объединения. Им потребовался «храм», в котором можно было бы совершать ритуалы нового реваншистского культа. И вот в нескольких метрах от обрывистого края мыса поднялось похожее на маяк двухэтажное белое здание «Дома тоски по родине», а чуть в стороне — похожий на изогнутый ржавый рельс памятник.

В просторном вестибюле было довольно темно. Оторвавшись от термоса с горячим чаем, навстречу вышел приветливый директор. В промежутках между ежегодными «днями борьбы за возвращение северных территорий» и наездами высокопоставленных гостей посетители не слишком балуют Немуро вниманием. Поэтому, наверное, директор — сама услужливость. Излагая на ходу историю строительства «Дома тоски», он проводил меня на второй этаж с его смотровой площадкой. На подзорных трубах, какие встречаются в каждом облюбованном туристами уголке Японии, нет прорези для монет и стоит необычная надпись: «Бесплатно». В трубу виден небольшой островок с возвышающимся как будто прямо из-под воды серым столбом маяка. Из объяснений узнаю, что это остров Сигнальный, или Кайгара, как его по привычке называют японцы. Рядом видны другие мелкие островки, а если сильно сдвинуть трубу влево, то увидишь внушительные очертания Кунашира, чье айнское название японцы еще в старину передали иероглифами, которые буквально означают «остров за пределами нашего государства». Выходя из «Дома тоски», вижу въезжающий на стоянку знакомый темно-синий автобус с токийским номером и антисоветскими лозунгами на бортах. Из него высыпает дюжина упитанных недобрых молодцев, рысцой направляющихся... Нет, вовсе не к своему «храму». Рядом с ним стоит небольшой магазинчик, торгующий сушеной морской капустой. Этот деликатес на Хоккайдо не только высшего качества, но и значительно дешевле. Поспеваю в магазин уже тогда, когда профессионалы «борьбы за возвращение» выстроились у кассы с большими пакетами. Видно, даже для них сувенир с Хоккайдо — это не стопки проштемпелеванной в «Доме тоски» пропагандистской литературы, а незаменимые в японской кухне тугие темно-коричневые полосы сушеной морской капусты «комбу».

Еще в школе мы узнаем, что морская капуста богата йодом и служит ценным сырьем для медицинской промышленности. Но, только попав в Японию, понимаешь безграничность способов использования плоских длинных лент водорослей. Из растертой в порошок сушеной капусты готовят особый чай — «комбу-тя». Без «комбу» трудно представить не очень-то вкусный, солоноватый, на мой вкус, суп «мисо-сиру» из соевой пасты с разными добавками, который обязательно подают вместе с рисом к семейному завтраку, обеду, ужину. В листьях морской капусты варят или запекают рыбу, из нее делают конфеты, варят солено-сладкое варенье. Словом, из «комбу» можно приготовить десятки, сотни всевозможных яств. Ценители и знатоки морской капусты хорошо знают сорт «кайгара комбу». Она встречается в водах вокруг торчащей из океана скалы — советского острова Сигнальный. Добычей этой редкой капусты занимаются рыбаки кооператива «Хабомаи», чьи причалы и склады начинаются в километре от реваншистской кумирни.

По берегу расхаживали одетые в подходящие почти до плеч непромокаемые резиновые штаны подростки и женщины, собиравшие выброшенную приливом капусту. На волнах качались шлюпки, хозяева которых подсекали ленты морских водорослей длинными шестами с острыми лезвиями на концах. «Главные добытчики ушли сегодня в советские воды, — объяснил директор кооператива Минори Мукаи, накануне вернувшийся из поездки в Москву, где он участвовал в переговорах о промысле в районе острова Сигнальный. — Среди 610 семейств нашего кооператива примерно 500 живет сбором «комбу».

Это наименее зажиточная часть рыбаков, по ним в первую очередь ударило введение во всем мире 200-мильных экономических зон. Запасы морской капусты в японских водах быстро истощались, доходы стремительно падали. К счастью, было достигнуто соглашение, снова открывшее для наших судов уникальные по обилию и качеству «комбу» воды острова Сигнальный. Надо ли говорить, как все мы благодарны за это гуманное решение Москвы! Даже после выплаты советской стороне за право добычи остается неплохая выручка».

На вопрос об отношении рыбаков к происходящему в «Доме тоски» глава кооператива отвечал такими словами: «Большинство считает, что политические проблемы между странами должны решать их правительства. Мы, простые рыбаки, кровно заинтересованы в сохранении добрососедства с СССР, хотя были бы рады видеть соседние острова в составе Японии. Наши люди, среди которых немало уроженцев Курил, решили создать в поселке отделение общества «Япония — СССР». Я, кстати, избран его председателем. В правлении кооператива выделили «советский уголок», в котором собраны подарки советских рыбаков и пограничников. Мы ведь часто встречаемся с ними в море...»

По дороге обратно в Кусиро мы обсуждали с Сатоси Томисава увиденное и услышанное. Мне показалось очень странным, что одни и те же люди говорят о «возвращении северных территорий» и выступают за дружбу с СССР. На взгляд моего спутника, этот парадокс легко объясним. «Они ведь живут не в политическом вакууме, чуть ли не ежедневно слышат о «северных территориях», даже прогноз погоды в передаче теленовостей сопровождается показом карты с претензиями к России. Ну, а тяга к дружбе с соседями объясняется, наверное, естественной надеждой на лучшее и доброе в жизни, интересом к русской культуре, сильным сторонам социалистического строя. Немаловажны и экономические факторы, встречи с советскими рыбаками, моряками заходящих в порты кораблей под красным флагом. На нашем острове, пожалуй, меньше людей, верящих в «предопределенность» отчуждения между Японией и СССР. В других частях страны, где не ступает нога советского человека, вести подобную пропаганду гораздо проще. Деятельность обществ и домов дружбы, хотя и сталкивается с политическими и финансовыми трудностями, все же много значит для сохранения и роста симпатий к вашей стране».

Действительно, сохранять и множить чувства симпатий между народами подчас ничуть не легче, чем оберегать птиц и зверей, занесенных в «Красную книгу». Но жить без этих чувств так же холодно и сиротливо, как без прославленных хоккайдских журавлей-красношапочников, чистых озер, зеленых лугов и уходящих за облака гор. Хотелось бы, чтобы Хоккайдо стал примером остальной Японии. Но как много надо для этого потрудиться и «досанко» и нашим дальневосточникам, деловым людям и рыбакам, артистам и журналистам, ученым и мэрам городов...

С Тацуо Хамамори, мэром города Вакканай, мне посчастливилось познакомиться на встрече породнившихся городов западного побережья Японии и советского Дальнего Востока. Посчастливилось, потому, что он один из старейших и самых уважаемых глав городских администраций Японии. Потому, что из-под седых коротко стриженных усов часто вспыхивает располагающая улыбка очень доброго человека.

Поначалу Вакканай покажется приезжему заурядным рыбацким городком, каких сотни вдоль берегов Японии. В центре пропахший дарами моря порт, причалы которого облеплены промысловыми судами всех размеров. Чуть дальше начинаются склады, разделочные цехи, рыбные рынки. Еще несколько шагов в глубь суши — и оказываешься на главной улице с ее стандартным набором магазинов, закусных, гостиниц. Тут же мэрия с аккуратным японским садиком из камней, сосен, каменных фонарей, полицейский участок и вокзал, с которого отправляются поезда из двух вагонов. А потом две-три улицы жилых домов и крутые склоны сопки, преграждающие расползание города вширь, заставляющие его вытягиваться по узкой прибрежной полосе. Необычность же Вакканая становится очевидной только после прогулки по городу. В музее рыболовства рядом с маяком посетителям ставят памятный штемпель с координатами города: 45 градусов и 27 минут северной широты, 141 градус и 39 минут восточной долготы. Вакканай — самый северный город Японии. К тому

же он очень близкий к Советскому Союзу город. Об этом узнаешь на смотровой площадке 80-метровой красно-белой башни, построенной в ознаменование столетия города в 1978 г. В ясную погоду на краю горизонта довольно отчетливо виднеются темная кромка суши, горы. До Сахалина чуть больше 40 км.

Близость к России повлияла на историю Вакканая. Сам город и его ближайшие окрестности богаты памятниками, рассказывающими не только о полной драматизма истории первых контактов двух стран, но также повествующими о японо-советских отношениях наших дней, дающими пищу для размышлений о будущем.

Мыс Соя. Крайняя точка японской земли. У напоминающего пирамиду топографического знака-памятника сильный ветер срывает шапки с туристов. Сделав полагающиеся залпы снимков на память, они поскорее прячутся в уютные автобусы. Мало кто подходит к стоящей поблизости бронзовой статуе самурая, глядящего в сторону Сахалина. Это Риндзо Мамия, один из первых японцев, посетивших здешние суровые места. Он дважды отплыл в начале прошлого века с мыса Соя на Сахалин, к которому издавна проявляли повышенный интерес лидеры самурайского клана Мацумаэ, к тому времени уже колонизировавшего южные районы Хоккайдо. Но и Риндзо Мамия, и его спутники видели в избитых ветрами, неприветливых берегах северного Хоккайдо не достойные освоения земли, а только удобную отправную точку для путешествий в манившие их «северные моря».

Только в начале XIX в. центральное правительство стало поглядывать на север Хоккайдо. А вызвано было это участвовавшими заходами кораблей русских путешественников и купцов. В 1805 г. у мыса Носяппу, где сейчас стоит башня «Столетие Вакканая», бросил якорь корабль «Надежда» под командованием знаменитого мореплавателя Крузенштерна. Его дневники в переводе на голландский язык с интересом читались в Японии в прошлом веке. А в наши времена историк Горо Хани издал труды Крузенштерна на современном японском языке.

Центральное правительство Японии не на шутку встревожилось активностью путешественников, особенно уже колонизировавших Аляску купцов Русско-американской компании. Оно выдвигало то один, то другой план противодействия «российским разбойникам» в землях «варваров-креветок», как презрительно именовались коренные жители Хоккайдо — айны. Ставшие стратегически важными земли то передавались в управление самурайским кланам, то на них вводился контроль центрального правительства. Но все эти административные фокусы мало влияли на реальную обстановку. Север Хоккайдо оставался малоисследованной, ничейной землей. Заселение его японцами началось с осени 1807 г., когда на мыс Соя прибыли зимовать самураи клана Цугару. Холод, голод, цинга оказались не по силам даже этим, привычным к лишениям уроженцам северной части острова Хонсю. Лишь кучка переживших зимовку изможденных людей вышла в апреле следующего года встречать свою смену — военных поселенцев клана Аидзу. О судьбе этой и прочих волн самураев говорят ряды каменных обелисков с названиями кланов и именами умерших воинов. Эти обелиски стоят поодаль от статуи Риндзо Мамия, напоминая о том, что Вакканай и окрестные земли осваивались как форпост противостояния России и распространения японского влияния дальше на север.

То же самое можно сказать о хорошо сохранившемся наблюдательном пункте на соседнем холме, который был построен в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. для слежения за действиями русского военного флота в проливе Лаперуза. Потерпевшему поражение в той войне царскому правительству Япония навязала договор, согласно которому южная часть острова Сахалин отошла Японии. Главной базой колонизации отнятых земель стал Вакканай, из гавани которого отплывали корабли с войсками и поселенцами.

Город стал расти, точно на дрожжах. Углублялся и расширялся порт, открылось железнодорожное сообщение с центральными районами Хоккайдо, строились предприятия по переработке вывозимых с Сахалина древесины, угля, нефти. Вскоре после победы социалистической революции в России из Вакканая уходили корабли с солдатами

интервенционистского корпуса, который хозяйничал и зверствовал на советском Дальнем Востоке вплоть до 1922 г. и окончательно покинул наши пределы лишь в 1925 г. Спустя всего два десятилетия город-порт стал важной тыловой базой императорских войск, готовых по приказу из Токио вонзить штык в спину сражавшемуся с гитлеровцами советскому народу. Осенью 1945 г. наступило время платить по счетам и Вакканай принял обратно тысячи поселенцев с возвращенных Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов.

Памятники той поры изобилуют в самом северном городе Японии. Немало их в почти безлюдных пустынных залах городского музея, служащего, по существу, музеем 40-летней истории колонизации Южного Сахалина. Запыленный макет южной половины острова с японскими названиями городов, рек, гор. Нашивки и кокарды форменной одежды связистов, железнодорожников, полицейских. Фотографии торговых улиц, кварталов развлечений, застроенных неказистыми деревянными домами.

Шахты, лесосеки, прииски, на которых под присмотром японских специалистов работали насильно привезенные из аннексированной Кореи рабочие. «Наш музей вовсе не рассчитан на разжигание реваншистских или антисоветских настроений, — уверял помощник мэра Такэхиса Каваи. — История есть история. В ней есть и приятные и неприятные эпизоды. Среди жителей Вакканая немало бывших колонистов, действует и отделение всеяпонского сахалинского землячества. Но и они, проходя по залам музея, не сжимают кулаки, а складывают ладони в традиционном жесте, поминая родных и близких, чья судьба забросила в суровую чужую землю».

Можно, конечно, поспорить с утверждением о «стерильности» от реваншистской инфекции музея и деятельности «сахалинского землячества», а вот склоненные в поклоне головы, сложенные в буддийском молитвенном жесте ладони действительно часто видишь и в самом музее и рядом с ним, у двух стоящих на сопке памятников. Один называется «Ворота снега и льда». Два сужающихся кверху обелиска светло-серого гранита символизируют сахалинские снега и льды, а стоящая между ними бронзовая фигура застывшей в беспомощном отчаянии женщины должна напоминать о лишениях японских поселенцев, которые отплывали из Вакканая колонизировать Южный Сахалин и навсегда остались лежать в его земле.

Всего несколько сот метров отделяют памятники времен минувшей войны от современных «памятников» совсем иного рода. Белоснежные купола антенн станций радиоэлектронной разведки тоже расположились на самом северном клочке Японии, с них тоже открывается вид на советские земли — главную цель круглосуточного наблюдения. Построенная американскими оккупационными войсками, эта станция в 1972 г. была передана японским «силам самообороны». Однако вся собранная информация по-прежнему поступает в распоряжение и американских спецслужб. Это всплыло на поверхность через несколько дней после провокации с южнокорейским самолетом в 1983 г., в которой принимал непосредственное участие персонал вакканайской станции электронной разведки. Выяснилось, например, что с американских военных баз в районе Токио и с базы Мисава на севере Хонсю регулярно прибывают группы специалистов, часть которых живет прямо на территории шпионского центра, а другие селятся в гостиницах Вакканая и оттуда ездят на работу...

Памятники Вакканая. Молчаливо и беспристрастно они ведут рассказ о связанных с этими землями эпизодах истории связей Японии и России. В истории этой предостаточно мрачных страниц, пестрящих малоприятными словами типа «аннексия», «интервенция», «война», «плен», «провокация». Это — история, ее не зачеркнешь, не перепишешь. Но можно зато продолжить летописание совсем другими словами: «сотрудничество», «добрососедство», «дружба», «мир». Для этого, конечно, нужны не только новые слова, но прежде всего новые добрые дела.

Именно об этом повел беседу в своем кабинете мэр города Тацуо Хамамори, бесценно занимающий свой пост вот уже почти 30 лет. Начал он с поговорки «Близкий сосед дороже

дальнего родственника». А затем с редким для 70-летнего человека энтузиазмом стал рассказывать о призванных дать Вакканая «второе дыхание» проектах, которые так или иначе учитывают добрососедство с СССР. Ожидается открытие нового аэропорта, способного принимать реактивные самолеты. Они «приблизят» не только Токио и другие крупные города Японии, но также Сибирь и Дальний Восток. Мэр Хамамори мечтает о развитии туристских обменов. Ведь Вакканай стоит в центре обширного национального парка, славящегося привольными лугами, березовыми рощами, курортами на горячих источниках. Туризм уже стал одним из «трех китов», на которых держится экономика города.

С активизацией торговли между Хоккайдо и Сахалином, Японией и СССР мэр города связывает свои надежды на возрождение былой славы морского порта Вакканая, второго из «китов». Служивший раньше «воротами» колонизации Южного Сахалина порт может снова стать «воротами», но на сей раз для потока грузов, необходимых в добыче и переработке газа на шельфе Сахалина, для других широкомасштабных проектов экономического сотрудничества двух стран. «Нельзя забывать и о том, — подчеркивал мэр Вакканая, — что наш портовый город попал в «магнитное поле» Байкало-Амурской магистрали, открывающей еще один надежный путь между Азией и Европой. При освоении прилегающих к магистрали районов может найтись применение опыту наших строителей, портовиков...» Разговор о будущем неизбежно затронул и вопросы «большой политики». Мэр подчеркивал, что без улучшения межгосударственных отношений, без коренного оздоровления психологической обстановки вокруг японо-советских отношений самые искренние и энергичные усилия отдельных людей, обществ или даже целых городов будут не слишком эффективными. Все усилия добрых людей будут перечеркнуты и в том случае, если самый близкий к СССР остров Японии будет превращаться в военную крепость.

Еще по пути в Вакканай захотелось снова и получше осмотреть Хакодате, куда приплывают из Аомори, главного порта северного Хонсю, воспетые во множестве песен неторопливые паромы. Выкатив машину из просторного чрева парома после четырехчасового морского путешествия, я отправился сначала по старым адресам. Во дворе русской церкви было, как всегда, много туристов. Но у знакомого здания «Дома японо-советской дружбы» не было видно ни души. Да и на дверях была совсем другая вывеска: «Зал компании «Нитиро гёгё». Налетчики из ультраправых организаций и стоящие за ними «респектабельные» противники улучшения японо-советских отношений добились-таки своего. После нескольких лет непрекращающегося битья стекол и других актов вандализма «Дом японо-советской дружбы» пришлось закрыть. Невеселые мысли одолевали по дороге с горы Хакодате, нависающей над городом-тезкой, к знаменитой крепости Горёкаку. Со строительства этого напоминающего пятиугольную звезду укрепления началось проникновение на Хоккайдо войск центрального правительства. Сейчас крепость целиком принадлежит туристам, напоминая о колонизаторских, военных целях освоения Хоккайдо.

Образ крепости Горёкаку часто вставал перед глазами во время поездки по Хоккайдо. Колонны грузовиков грязно-зеленого цвета с военными номерами часто встречались на аккуратных шоссе. Отдыхавшие после учений солдаты в пятнистой форме попадались то в придорожных закусовых, то на межах недавно убранных полей. Целые районы городов затянуты колючей проволокой, за которой длинные ряды казарм, танковых ангаров, артиллерийских тягачей, бронемашин. Военные самолеты с красными кругами на фюзеляжах по-хозяйски расположились в аэропортах. Свинцово-серые туши боевых кораблей деловито утужат неширокое пространство Сангарского пролива, через который лежит путь с Хонсю на Хоккайдо.

Повышенное внимание уделяется строительству разветвленной сети дорог. В разных частях острова можно долго нестись по новехоньким шоссе, не видя ни одной машины впереди или позади себя. Помимо обычных дорог строятся еще и новые участки скоростного шоссе, которое на первых порах свяжет крупный порт Муроран с городами Титосе, Саппоро

и Асахикава, где стоят три из четырех хоккайдских дивизий. А в перспективе «хай-вэй» намереваются дотянуть до Хакодате на юге и Вакканая на севере. Значение Вакканая ясно хотя бы из того, что оттуда невооруженным глазом виден Сахалин. А Хакодате не только главные морские ворота Хоккайдо. Неподалеку начинается самый длинный в мире 54-километровый туннель Сэйкан, связавший в 1988 г. после 20 лет строительства Хоккайдо и Хонсю — два самых больших острова Японии.

Обошедшийся в 689 млрд иен, туннель был причиной головной боли для руководства Национальных железных дорог, которое вынуждено было отказаться от первоначальных планов продолжения линии суперэкспресса от Аомори до Саппоро из-за падения популярности железных дорог, пассажиров которых успешно переманивают самолеты. Вряд ли очень рады своему приобретению и хозяева новых частных линий, действующих на Хоккайдо и севере Хонсю. Зато для генералов туннель Сэйкан просто дар божий. Они уже рассчитали, что благодаря ему на Хоккайдо в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» можно будет за три дня перебросить личный состав и все снаряжение трех-четырёх дивизий. Сейчас такая операция требует как минимум две недели.

Конечно, все эти очевидные военные и «полувоенные» приготовления важны. И все же крепость по-настоящему становится крепостью тогда, когда ее бастионы оцетиниваются орудиями, а внутренние дворы заполняют готовые к бою войска. Именно на это нацелена принятая в 1985 г. правительством премьера Накасонэ пятилетняя программа строительства вооруженных сил. Особое внимание в ней уделено размещенной на Хоккайдо группировке войск — Северной армии. Численность ее дивизий будет доведена до полного штата, а танковые полки укомплектованы новыми отечественными машинами «Т-74». Все это не радует жителей Хоккайдо.

Оснований для тревоги станет еще больше, если проследить за ростом числа совместных японо-американских учений на Хоккайдо. Регулярно отрабатывается взаимодействие их штабов, из США и американских баз в других частях Японии на маневры перебрасываются боевые части. Каждую зиму с Окинавы прибывают морские пехотинцы тренироваться на снежной местности. Provocационный характер этих «игр» особенно очевиден, если учесть, что некоторые из них посвящаются отработке совместных действий в условиях применения ядерного, химического и бактериологического оружия, демонстрируется методика стрельбы ядерными боеприпасами из дальнобойных орудий. Характерно, что местом для таких стрельб избран полигон рядом с городом Немуро, в непосредственной близости от границы с СССР.

Хоккайдо. «Путь к северным морям». Каким будет этот путь? Станет ли он дорогой к добрососедству и обогащающим друг друга связям или же подготовка к войне станет «специальностью» самой близкой к нам префектуры Японии?

Тохоку: задворки Японии

Откуда это привезли запах моей деревни?
Вошел в вагон и сердце защемило от тоски по родным местам.
Ах, вокзал Уэно, ты станция наших сердец!
В тот самый день, с этого места началась новая жизнь,
в которой не приходится падать духом.
Ах, вокзал Уэно, ты станция наших сердец!

...Никогда не думал, что незамысловатые куплеты популярного романса могут произвести такое впечатление. Половина зала подпевала солисту, многие хлопали ладошками в такт, кое-кто плакал. После концерта захотелось обязательно побывать на «станции сердец». Неказистый на вид вокзал Уэно стоит на севере Токио, всего в нескольких километрах от центрального столичного вокзала. Но разницу между ними чувствуешь сразу.

Она даже не столько в самих станционных зданиях. После реконструкции мрачноватый и сильно

запущенный вокзал Уэно преобразился и стал выглядеть ничуть не хуже, чем выстроенный по стеклянно-бетонной моде 60-х годов вокзал Токио. Главная разница в пассажирах. В Уэно чистенько одетые столичные жители с вечно озабоченными лицами перестают быть большинством и сильно разбавляются загорело-обветренными мужчинами в поношенных плащах или строительных куртках, женщинами в толстых кофтах с платками на головах и притороченными к спине здоровенными коробами. Из одного повеяло ароматом свежих яблок, и снова вспомнилась строка о запахе родной деревни.

В тот день не один я купил перронный билет, чтобы просто походить среди такой необычной для Токио публики. Годами вертящиеся в «беличьем колесе» столичные жители не так уж часто могут вырваться в родные края. Гораздо проще съездить на вокзал Уэно. Ведь именно туда приходят поезда из Тохоку, как называется состоящий из шести префектур северо-восточный район острова Хонсю. Великий поэт Мацуо Басе в конце XVII в. обошел пешком чуть ли не весь Тохоку. Он-то и прозвал эти суровые и бедные края «мити-но оку», что можно перевести как «конец пути» или даже «край земли». Тогда, в старину, только отчаянные люди отваживались странствовать или тем более селиться на «краю земли». Но и в «наши просвещенные времена» мало кто рвется пустить корни в Тохоку. Наоборот, познавшие бедность и тяжкий труд стремятся покинуть свой холодный край, чтобы в больших городах попытаться найти новую жизнь. А начинается она чаще всего со «станции сердец», с железной дороги.

Не только северяне, но и все японцы в целом испытывают особые чувства к железным дорогам. Действие многих популярных фильмов разворачивается в вагонах и на вокзалах. Певцы и писатели воспевают рельсы, способные разлучать и сблизать людей, круто менять судьбы. Действует множество клубов поклонников разных видов локомотивов. Коллекционируются билеты, форменные фуражки машинистов и начальников станций, таблички с названиями составов. Никто не может точно сказать, откуда такая страсть к железным дорогам. Они ведь появились в Японии довольно поздно: купленный в Англии паровоз совершил первый 16-мильный пробег от Токио до Иокогамы в 1872 г. Менее ста лет потребовалось Японии, чтобы стать «чемпионом мира по железным дорогам». В 1964 г. накануне Токийской Олимпиады столицу связала с Осакой линия пассажирского суперэкспресса «синкансэн». За 3–4 часа бело-голубые «поезда-пули» стали пробегать 500-километровый путь прославленного гравюраами Хокусая старинного тракта Токайдо, на который еще не так давно пешеходы тратили половину месяца. С тех пор фотография несущегося на фоне Фудзиямы поезда «синкансэн» стала как бы визитной карточкой Японии.

Рождение «синкансэна» совпало с периодом экономического подъема Японии. Да и сами «поезда-пули» внесли ощутимый вклад в «экономическое чудо», приблизив Токио и Осаку, два важнейших центра деловой жизни. 160-километровый участок от Осаки до Окаямы был сдан в 1972 г., а три года спустя «синкансэн» продлили еще на 400 км до Фукуоки на острове Кюсю. «Суперэкспресс» решили пустить еще в нескольких направлениях — в Тохоку и до Ниигаты, крупного порта на побережье Японского моря. Однако экономический кризис 70-х годов перепутал все планы. Линия «Тохоку синкансэн» стала реальностью только в июне 1982 г., спустя пять лет после намеченного срока. Выход на линию бело-зеленых составов стал одним из важнейших событий года. Газеты и телевизионные программы посвятили ему специальные выпуски, толпы фанатиков провели по несколько ночей перед кассами в ожидании билетов на первые рейсы.

...Отполированный почти до зеркального блеска состав плавно берет старт, и уже через несколько минут стрелка указателя скорости достигает 210 км. 465 км до города Мориока поезд пройдет за 3 часа и 17 минут, пояснили сопровождавшие журналистов представители государственной корпорации железных дорог «Кокутэцу». Путешествие по старой, обычной дороге занимало в два раза больше времени. Успешно завершен десятилетний труд тысяч

инженеров и рабочих, сто из которых погибло во время строительства. На 2,7 трлн иен удалось создать сложное инженерное сооружение. Почти весь путь проходит по железобетонной эстакаде, приподнятой над землей на 5–6 м. Это сделано, чтобы предотвратить оседание почвы под полотном, уменьшить шум и вибрацию, а также избежать пересечения с автомобильными и старыми железными дорогами. Почти четверть всего пути приходится на туннели. Пришлось также соорудить мост протяженностью 3870 м. В Тохоку холодная и долгая зима, обилие снега. Поэтому потребовалось увеличить мощность двигателей, а стрелки оборудовать разбрызгивателями теплой воды для борьбы с обледенением.

Комфортабельнее и просторнее стали вагоны, из них можно поддерживать телефонную связь со всеми городами Японии, а не только с придорожными, как на старых линиях «синкансэн». Словом, «Тохоку синкансэн» стал символом неиссякаемого трудолюбия и изобретательности. Однако судьба новой линии стала символом еще и сложных проблем, терзающих экономику и общество Японии.

Еще до окончания работ на «Тохоку синкансэн» и линии «Дзээцу синкансэн», которая осенью 1982 г. связала Токио с Ниигата, эти две магистрали стали умножать финансовые трудности Национальных железных дорог. Уже на стадии проектирования было ясно, что итоги пассажирских перевозок в малонаселенные и отнюдь не процветающие районы будут записываться красными иероглифами, то есть станут приносить убытки. Но проектирование, а затем и строительство продолжались. Почему? Хотя бы потому, что за этим решением стоял могущественный деятель правящей партии Какуэй Танака, который еще до прихода на пост премьер-министра в 1972 г. выступил с планом «Перестройка японского архипелага», предусматривавшим создание сети скоростных железных и шоссейных дорог. Танака хотел выполнить обещанное своим избирателям и землякам в снежном краю и подарить им удобную современную железную дорогу до столицы. А спекулянты недвижимостью, они же важные жертвователи в политические фонды либерал-демократов, хотели нагреть руки на перепродаже земель.

Создание заведомо убыточных линий продолжалось еще потому, что оно было выгодно правящей партии в целом. Благодаря особенностям избирательной системы сельские округа находятся в привилегированном положении в сравнении с городами, посылая депутатов в парламент гораздо меньшим числом голосов. Именно такие районы, как Тохоку и Дзээцу, традиционно голосуют за депутатов от ЛДП. Платой за эту лояльность и стали покрываемые из государственной казны «красные иероглифы».

Уже к середине 1986 г. убытки по линии «Тохоку» составили 218 млрд, а по «Дзээцу» — 116 млрд иен. Даже по оптимистическим прогнозам руководства Национальных железных дорог, избавиться от убытков удастся только через 10 лет. Но проверить этот прогноз не удастся. Та самая ЛДП, которая заставила построить линии «Тохоку», «Дзээцу» и много других убыточных линий, решила избавиться от приносящей «красные иероглифы» государственной корпорации. Распродажа и расчленение «Кокутэцу» на семь частных компаний произошла в апреле 1987 г. и позволила ЛДП упрочить благорасположение «большого бизнеса», который давно вел борьбу против госсектора экономики. Расчленение оплаченной из карманов налогоплательщиков «Кокутэцу» принесло еще и солидные политические дивиденды. Дело в том, что профсоюзы работников государственных железных дорог были в числе самых организованных и активных участников борьбы трудящихся за экономические права, за мир и демократию. Они возглавляли «весенние наступления», составляли костяк прогрессивного профцентра «Сохио», на выборах часто отдавали голоса социалистам и коммунистам. Расчленив «Кокутэцу», передав ее рабочих и служащих в руки частных владельцев, монополии рассчитывают еще сильнее раздробить профсоюзное движение, ослабить организованную часть рабочего класса, его политические организации. В качестве дубинки для непокорных использовали массовые увольнения, которые начались накануне распродажи и сразу получили название «отсечение голов». Рабочих и инженеров в расцвете сил либо увольняли «по собственному желанию» на

пенсию, либо создавали невыносимые условия работы, натравливали на них товарищей по работе. Около ста железнодорожников покончили с собой.

...Всего три с небольшим часа назад наш поезд тронулся от платформы. Но вот уже специально построенный для суперэкспрессов новенький вокзал в Мориока, одном из крупнейших городов Тохоку. Эти живописные, но суровые земли всегда оставались на периферии японской истории и цивилизации. Политические бури бушевали гораздо чаще в районах Канто и Кансай, где находятся Токио, Осака, Киото. Они мало влияли на судьбы жителей «края света». Мало что изменилось и с приходом в Японию «экономического чуда». Шесть префектур Тохоку остаются на положении Золушки, снабжая центральные районы продуктами питания и привычной к тяжелому труду рабочей силой.

Префектура Иватэ с центром в Мориока известна заповедными лесами, горячими источниками, морскими и лыжными курортами, изделиями ремесленников. Неудивительно, что открытие «Тохоку синкансэн» приобрело особое значение для местных жителей. О нем говорили все, но по-разному. Губернатор префектуры Т. Накамура и его помощники, встретившиеся с журналистами, были полны оптимизма. «Мы надеемся, что сокращение времени поездок до промышленных центров будет способствовать развитию у нас таких современных отраслей, как радиотехника, телекоммуникации, — говорил губернатор. — Власти префектуры заранее скупили земли вдоль линии суперэкспресса и готовы на самых льготных условиях отдать их под строительство предприятий. Хочется верить, что удастся создать новые рабочие места и хотя бы замедлить бегство молодежи в большие города. Наша префектура занимает второе после Хоккайдо место по площади, однако население составляет лишь 1400 тыс. человек и продолжает сокращаться».

Менее оптимистично звучали высказывания некоторых жителей. Крестьяне, над полями которых бежит «синкансэн», жалуются на падение урожайности риса из-за затененности участков, вибрации земли. Приходилось слышать опасения, что вместе с суперэкспрессом из Токио рано или поздно придет и «столичная цивилизация» с ее скученностью, «пробками» на дорогах, загрязнением среды обитания, игорными домами и прочими «прелестями». И все же большинство ожидало чуда. Чуда, которое изменит нелегкую жизнь и принесет надежду на то, что родные места перестанут быть задворками.

На окраине Мориоки стоит высокое некрасивое здание завода чугунной посуды «Намбу тэцубин». Трудно представить себе японский дом без чугунного чайника. Что может сравниться с его пением в промозглый зимний вечер, когда вся семья собирается вокруг источника тепла в обычно неотопливаемом жилище — низкого деревянного столика «котацу» с приделанной под ним керосиновой или электрогрелкой. Засунув ноги под ватное одеяло, еще одну составную часть «котацу», члены семьи глядят на тускло поблескивающий чайник. Вот начинается кипение. Сначала раздается звук «шу-шу». Потом чайник что-то бормочет, этот звук называется «шум ветра в соснах». Дальше наступает очередь «крабьих глаз», с которыми сравнивают поднимающиеся со дна пузырьки пара. Но разливать чай еще рано. Надо дождаться «грохочущих колес», когда весь чайник содрогается и погромыхивает. Вот тут уж начинает священнодействовать хозяйка. С поклоном она наполняет чашечки всем по очереди в зависимости от возраста и положения в семейной иерархии. Такой чайник — одна из немногих вещей, которая может сохраняться десятилетиями и даже веками, переходя в наследство из поколения в поколение. Частые землетрясения и пожары нередко оставляли от городов и деревень одни руины, под которыми Погибала вся домашняя утварь. Но толстостенные «тэцубины» почти всегда сохранялись, становясь основой нового семейного очага.

...Чайники рождаются в огне. Раскаленный жидкий чугун бурлит, пузырится, освещая один из углов мрачного литейного цеха завода «Намбу тэцубин». К приезду иностранцев приурочили отливку необыкновенного огромного чайника, который должен быть установлен на вокзале Мориока в качестве символа Иватэ. Сначала осматриваем огромную, почти в рост человека форму будущего рекордсмена. Она состоит из двух сферических половин. Верхняя и нижняя части крепятся друг с другом скобами и болтами. Внутри находится еще одна

форма, которую после затвердения металла разобьют и выжгут, чтобы освободить внутреннюю полость. Пока внешняя форма не затвердела, на нее наносят сложный рисунок. Литейщики по двое взбегают на помост и опрокидывают двухведерные ковши раскаленного чугуна, пока не заполнится пространство между внешней и внутренней формами. Все рабочие собираются у помоста в ожидании, когда отливка затвердеет и можно будет снять формы. На цепях поднимают верхнюю половину и... Старые литейщики огорченно вскрикивают, машут руками, отходят в сторону. Отливка не удалась. После полутора часов в литейной побаливает голова, першит в горле. Приемы изготовления чугунной утвари и условия труда явно сохранились от средневековья. Разве что ремесленников собрали из семейных мастерских под одну крышу и установили несколько несложных шлифовальных и сверлильных станков. Да и с техникой безопасности неважно.

«Может показаться, что здесь сохраняют в неприкосновенности традиционные методы ради истории, — заметил оператор местного телевидения, снимавший сюжет о приезде на завод иностранцев. — Но это только на первый взгляд. Дело в том, что японская экономика, точно форма для отливки чайников, состоит из двух половин. Часть предприятий оснащена современной техникой, роботами, ЭВМ, электроникой. Рабочие объединены в профсоюзы и добиваются приличной зарплаты. Вторая же половина недаром именуется «потовыжималкой». На мелких и средних предприятиях преобладает ручной труд, техника примитивна и небезопасна. Там нет профсоюзов, рабочие постоянно находятся под угрозой увольнения. Как правило, и зарплата на заводах типа «Намбу тэцубин» раза в два ниже. Без таких «потовыжималок» японская промышленность не добилась бы нынешних успехов. Основа благополучия Токио или Осаки — в отсталости таких медвежьих углов, как наша Иватэ».

С глядящей на Тихий океан Иватэ соседствует омываемая Японским морем префектура Акита, чье название означает «осеннее поле». Между ними много общего, это именно те районы страны, которые последними вкушают плоды экономического прогресса, но первыми ощущают горечь спадов и кризисов. Испокон веков равнины Акита известны своим вкусным рисом, горы — кедром, прибрежные воды — обильными уловами, города и деревни — своими белолицыми красавицами и сильными юношами, которые во время августовского праздника «канто» проходят по вечерним улицам, ловко удерживая то и дело норовящие упасть тяжелые бамбуковые шесты десятиметровой высоты, увешанные пятью десятками горящих бумажных фонарей.

Увы, праздник «канто» удалось увидеть только по телевизору. Побывать в Акита мне довелось в самый разгар дождливой осени, время межсезонья, когда единственный в здешних суровых по японским понятиям краях урожай риса уже собран, а зимние промыслы еще только начинались. Поля и деревенские улицы были почти безлюдны. Лишь дым из труб да еще редкие фигуры ребятишек, возвращавшихся на велосипедах из школ, свидетельствовали об обитаемости окрестных мест. Разбрызгивая лужи, наш журналистский автобус направлялся в прославившуюся на всю страну деревню Огатамура.

Уже давно стало аксиомой, что в Японии каждый пригодный для земледелия клочок земли используется по назначению, поскольку больше взять ее неоткуда. В Огатамура сделали невозможное, создали землю. 17 тыс. га — такова площадь отвоеванных у природы плодородных полей «японской целины». Создатели Огатамура осушили второе по величине озеро Японии Хатирогата. Отделенное от моря узкой перемычкой, это соленое озеро издревле привлекало жадные взгляды страдавших от безземелья крестьян. Но осушить сравнительно мелководное озеро (средняя глубина составляла около полутора метров) позволила лишь мощная современная техника. В 1955 г. начались изыскательские и проектные работы. Потребовалось 10 лет и 85 млрд иен государственных капиталовложений, чтобы осушить четыре пятых площади озера, спланировать поля, высадить лесозащитные полосы, проложить подземные трубы для стока грунтовых вод, построить жилье, административные и жилые постройки. Дамбы защищают осушенные земли от окружающих их со всех сторон вод — часть озера сохранили ради поддержания водного баланса

окрестных равнин.

Первые поселенцы приехали в Огатамура в 1968 г., а через 8 лет заселение поселка закончилось, и число крестьянских дворов достигло запланированного — 580. Огатамура создавалась на государственные деньги как образцово-показательная деревня, опыт которой изучался и внедрялся бы во всех сельских районах. Ее главное отличие состояло в огромных по японским меркам земельных наделах — 15 га на семью, в 15 раз больше среднего поля! В 50-е годы в Японии не хватало продовольствия, особенно риса. В Токио решили создавать крупные высокомеханизированные зерновые хозяйства по американскому образцу. Пока мощные насосы откачивали воду с будущих полей, специально отобранные крестьяне набирались опыта у фермеров Калифорнии.

Удался ли эксперимент? Только частично. Это видно из того, что Огатамура так и осталась единственной в своем роде, хотя и продолжает находиться в центре внимания прессы. Сначала писали о таких новшествах, как рассеивание семян риса с вертолетов. Потом о внедрении коллективного труда бригад из 5–6 семей. На экранах телевизоров появлялись то засеянные высокоурожайными сортами риса образцовые поля, то рекламировались новые удобрения, универсальные машины, автоматизированные элеваторы. Правда, все эти новшества почти не сказывались на урожайности. Крестьяне Огатамура собирают в среднем 5300 кг риса с гектара, столько же, что и работающие по старинке соседи.

«Попасть в число жителей Огатамура было не просто. На каждое место претендовало около 10 семей, — говорил заместитель старшины деревни Киёси Хатия. — Критерии отбора: возраст от 20 до 40 лет, образовательный уровень, достаточный для освоения новой техники. Счастливчики должны были отказаться от своего старого участка и располагать средствами, чтобы просуществовать в течение года, пока они обучались на курсах. А заодно смириться с мыслью, что полученная земля станет их собственностью только через 20 лет, когда государству будет выплачена вся ссуда — 93 млн иен. До тех пор министерство сельского хозяйства имеет право определять, какие культуры выращивать, какие применять агроприемы, семена, удобрения. Несмотря на неудачи некоторых экспериментов, почти все переселенцы поначалу были довольны. Урожай неплохой, цены на рис поднимались. В поселке росли новые дома, магазины, школы и детские сады. Появились клуб и сельскохозяйственное училище. Построили элеваторы, проложили асфальтовые дороги, на улицах соорудили тротуары. Казалось, что мечта о зажиточной жизни, об уверенности в будущем исполнилась. К сожалению, мечты так и остались мечтами...»

О сегодняшнем дне Огатамура рассказал старожил, 55-летний Сюити Танака. «У нас чем больше риса выращивают крестьяне, тем им хуже. Огатамура создавалась специально, чтобы выращивать больше риса. Теперь же в Японии стали есть меньше риса и наступило перепроизводство. Сейчас мы засеиваем рисом чуть больше половины полей. Так велит правительство. Остальная земля идет под пшеницу, сою, овощи. Эти культуры не только непривычны для нас, они менее прибыльны, правительство не гарантирует твердые закупочные цены, как на рис. Можно ли послушаться людей из Токио? Мой сосед взял и засеял рисом лишние полгектара. Так власти подали в суд, собираются отобрать еще не выкупленное до конца поле. А как крестьянину без земли? Нередко слышим: не вам пенять на судьбу с вашими-то огромными полями. С одной стороны, это верно. Доходы у нас больше. Но больше и расходов. Каждый год выплаты взнос за землю — более 4 млн иен. Около 2 млн уходит на покупку и содержание техники, без которой порой обходятся соседи, но которая необходима на наших больших полях. А еще надо платить государственные и местные налоги, проценты на займы и ссуды.»

...После поездки в Акита прошло ровно три года, и вот осенью 1985 г. газеты стали публиковать сенсационные статьи про «рисовый бунт в Огатамура». Почему образцовая деревня взята в кольцо полицейских застав? Почему ее жители стали именоваться «контрабандистами» и «смутьянами»? Оказывается, все больше и больше крестьян стали засеивать рисом ту часть полей, что по приказу властей должна использоваться под другие

культуры, а урожай продавать перекупщикам вместо государства. В «бунте» приняло участие 170 из 580 семей, а площадь незаконных полей достигла 520 га. Чтобы предотвратить вывоз «контрабандного» риса, и без того окруженная со всех сторон водой деревня была взята в блокаду. Каждую выезжающую из Огатамура машину стали обыскивать на контрольно-пропускных пунктах. Вот тут-то и начались сцены, достойные фильмов о нарушителях границ.

В крошечной тьме машины с потушенными огнями стали прорываться через сонные кордоны. Был налажен перевоз риса на лодках. Происходили погони, бурные стычки задержанных «смутьянов» с полицией и чиновниками префектуры, в ходе которых обе стороны обменивались не только крепкими словечками. Крестьянам удалось вывезти «налево» 3,5 тыс. т риса. Представители властей заявили, что без их контроля эта цифра была бы в несколько раз больше.

Во время встреч с журналистами участники «бунта» объясняли его причины невозможностью свести концы с концами без увеличения продаж риса. Тадаси Куроэ, главный из «смутьянов», призвал снять ограничения для крестьян, которые не имеют побочных приработков и целиком зависят от работы в поле. Таких крестьянских дворов, по его словам, на всю Японию осталось меньше 10 %. Свой резон есть и в рассуждениях чиновников. Около полутора процентов госбюджета 1985 г., 625 млрд иен, было потрачено на поддержание высоких закупочных цен на рис. Львиная доля денег ушла на выплату компенсации крестьянам, которые вообще воздержались от сева риса. Остальная часть — на скупку риса у производителей по ценам чуть ли не в 10 раз выше мировых. Все это делается, заявляли чиновники, чтобы предотвратить резкое падение цен на рис и массовое разорение рисоводов. «Контрабандисты» же, каких немало по стране, подрывают эти усилия, ежегодно выбрасывая на «черный рынок» около 3 млн т риса, примерно треть от 10,5 млн т, потребляемых японцами. Выигрывают от этого, утверждают власти, даже не сами крестьяне, а оптовые перекупщики. Проигрывают же все налогоплательщики.

«Рисовые бунты», незаконная торговля рисом вряд ли прекратятся, если даже к каждому рисоводу будет приставлен полицейский. Вся эта история будет повторяться до тех пор, пока правительство не перестанет субсидировать завышенные цены. А эта политика станет проводиться до тех пор, пока правящая партия зависит от несправедливо «весомых» голосов сельских избирателей. Так что рано ставить точку в этом постскрипуме очерка об Акита. За ним может последовать постпостскрипtum.

В своей самой северной части остров Хонсю раздваивается, образуя два полуострова, похожих на крабью клешню. Эта «клешня» и прилегающие к ней земли входят в префектуру Аомори, что значит «зеленый лес». Для любого японца Аомори прежде всего связывается с яблоками. Полуостров Цугару, западная часть «клешни», дает ежегодно полмиллиона тонн яблок, почти половину общеяпонского урожая. Яблоневые сады подступают прямо к ограждению скоростного шоссе, по которому теперь за 7–8 часов можно домчаться сюда из Токио. Летом из машины видны крестьянки в сине-красных хлопчатых кимоно, заботливо защищающие от птиц каждый зеленый плод бумажным пакетиком. Кое-где на будущие яблоки наклеивают иероглифы с пожеланием счастья, плоды с отпечатавшимся на коже рисунком ценятся на свадьбах, юбилеях. Но и «обычные» яблоки всегда желанны на столе японцев, оставаясь на нем чуть ли не круглый год. Осенью вдоль дорог появляются бесчисленные флаги и плакаты, приглашающие к столь же бесчисленным придорожным лавкам торговцев яблоками. Продаются только ящиками, и редкий автомобилист уезжает из Аомори с пустым багажником. Особую популярность приобрели сады, в которых сочные, крупные, переливающиеся золотом и багрянцем яблоки позволяют собирать самому покупателю. «Самый большой яблоневый сад в мире» — так именуют полуостров Цугару в рекламных проспектах для туристов. Еще настойчивее эти проспекты рекомендуют посетить полуостров Симокита, восточную половину «клешни».

На Симокита ведет дорога номер четыре, начинающаяся на токийской Гиндзе. Старинный 600-километровый тракт может творить чудеса, переносить на целые

десятилетия в прошлое. После толчеи и блеска витрин главной улицы Японии вдруг оказываешься в малолюдных краях, чуть тронутых современной цивилизацией. От заасфальтированной дороги начинают отходить то щебеночные, то просто грунтовые колеи. Исчезают дорожные указатели. Люди говорят на каком-то странном наречии, глядят на иностранца, как на инопланетянина. Упитанный и загорелый мальчик-пастух на просьбу объяснить дорогу несколько минут молчит, а затем убегает под защиту стада буренок с криком: «Чужак! Чужак!»

За поворотом другая неожиданность — фигура «голосующего» человека. В городках не принято ни предлагать, ни просить подвезти попутчиков. Для нас знающий запутанные дороги местный житель оказался полезным сюрпризом. Без него рассчитанная на городские условия «нежная» машина вряд ли бы достигла мыса Сириядзаки, восточной оконечности Симокита. Серые утесы, зелень чахлой травы, белоснежный маяк, синее море, черные точки далеких кораблей... Все это создает забытое за время токийской жизни ощущение шири, простора. Смотритель маяка, одинокий художник да еще пара старушек, молившихся у памятников погибшим морякам, — вот и все люди, встретившиеся за несколько часов осмотра Сириядзаки.

Не слишком многолюдно и по дороге на мыс Омадза-ки, самую северную точку острова Хонсю. Повязавший голову махровым полотенцем старик чинит сеть у сарая; пожилая пара развешивает сушиться длинные ленты морской капусты; молодые парни укладывают у края дороги поленницу дров на продажу; на прибрежной гальке рыбаки в теплых куртках и рыбаки в шерстяных платках закусывают перед выходом в море обжаренными на костре вялеными каракатицами и прихлебывают из крошечных чашек слабое рисовое вино сакэ.

Выстроившиеся кое-где вдоль дороги небогатые дома неожиданно сменяются показавшейся из-за поворота современной гостиницей. Стоит открыть дверь машины, чтобы сразу понять причину возведения пятиэтажного «гиганта» в этом малолюдье. Острый запах сероводорода подсказывает, что здесь бьют горячие источники «онсэн». Мутновато-белая целебная вода стала источником существования для многих жителей Симокита, работающих в гостиницах или содержащих небольшие постоялые дворы «рёкан».

«Онсэн-рёкан» всегда были популярны в Японии, все острова которой богаты горячими источниками. В последние же годы гостиницы с баней на горячих ключах стали не только местом семейного или «холостяцкого» отдыха. Большие и маленькие фирмы снимают их для коллективного отдыха служащих. В них проводят симпозиумы, профсоюзные конференции и даже партийные съезды. Издается масса путеводителей, журналов и книг о популярных и малоизвестных горячих источниках, им посвящают выступления по телевизору знатоки.

Как раз из одной такой передачи про Симокита я узнал об источниках Оку-Ягэн, которые известны не только окружающими их девственными кедровыми лесами, но еще и сохранившимся с давних времен обычаем совместного купания обнаженных мужчин и женщин. До начала «модернизации» Японии в конце прошлого века такое купание было правилом, а не исключением. Но этот обычай показался возмутительным христианским миссионерам. Не желая прослыть варварами на «просвещенном Западе», правители Японии пошли навстречу ханжам и стали искоренять общее купание. Окончательный удар по нему был нанесен после войны, в годы американской оккупации. Совместное купание сохранилось теперь только в «медвежьих углах».

Не глядя друг на друга и умело прикрываясь небольшими полотенцами, купальщицы входят с разных сторон в обложенный камнями бассейн под открытым небом. Оказавшись в горячей воде, они сосредоточенно начинают заниматься тем, ради чего приехали в Оку-Ягэн, — наслаждаться целебным купанием, любоваться лесом и горами. Главное развлечение — подталкивать по воде друг другу лакированные деревянные подносы с кувшинчиками сакэ и чашечками. Если соседи не возражают, то любители пения затянут протяжную, со множеством повторов и припевов крестьянскую песню, популярный романс.

Затененная гигантскими кедрами, усыпанная острыми камнями извилистая горная

дорога ведет из Оку-Ягэн к известной каждому японцу горе Осорэдзан, «горе Ужас». Здесь, по старинным поверьям, находится вход в преисподнюю. Здесь же и выход из нее, которым четыре дня в году пользуются души умерших, желающие пообщаться с родственниками. Эти четыре дня в июле месяце становятся самыми доходными для подвизающихся там 20 слепых колдуний, выполняющих роль переводчиц с языка мертвых.

Свою репутацию «гора Ужас» приобрела не зря. Приверженцы любой религии согласятся, что здесь если не сама «адская баня», то уж наверняка ее «предбанник». Сильный запах серы. Клокочущие то кроваво-красным, то пунцово-желтым кипятком провалы в скалистой пустоши. Мертвенно-спокойное озеро Осори, над которым поднимается пар от впадающих горячих источников. Впечатление от необычной природы усиливают рукотворные добавления. Это грубо отесанные каменные фигуры «дзидзо», чья специальность среди прочих буддийских божеств — оберегать детей, в том числе души умерших, а с недавних времен еще и неродившихся в результате хирургического вмешательства...

У подножия полуметровых статуй всегда навалены горки лакомств, монеток, игрушек, среди которых чаще всего видишь непрестанно вертящиеся ветряки. «Дзидзо» почти всегда укутаны в заботливо связанные матерями шерстяные красные накидки, их головы повязаны такого же цвета чепчиками. А рядом с подношениями часто лежат соломенные лапти. Дело в том, что в обязанности «дзидзо» входит еще ночное патрулирование скалистых берегов озера Осори, «ничейной земли» между миром живых и царством мертвых. Добрые «дзидзо» снашивают много обуви, отгоняя злых демонов, которые так и норовят разрушить каменные пирамиды, призванные ускорять переселение душ умерших в рай. Паломники на Осорэдзан стараются помочь своим покойным. Они складывают из камней высокие пирамиды, заменяющие традиционные у буддистов «ступы». Пропитанные серой желтоватые камни пирамид усиливают беспокойство, которое поневоле испытываешь, пробираясь мимо неожиданно вскипающих «ароматной» водой горячих ключей, мимо безлюдных склонов «горы Ужас».

Если гора Осорэдзан считается дверью в преисподнюю больше тысячи лет, то Мисава стала пользоваться такой репутацией совсем недавно. Мисава — это город на тихоокеанском побережье Аомори примерно в двух часах езды от «горы Ужас». В старину он был одним из многих безвестных городков Тохоку, где окрестные крестьяне торговали рисом, рыбой да еще знаменитыми конями. В нынешнем веке Мисава прославилась поначалу как место, откуда 4 октября 1931 г. стартовал первый беспосадочный перелет через Тихий океан американских пилотов Клайда Пангборна и Хью Херндона. Название Мисава и сейчас без труда находишь в авиационных справочниках, здесь расположена одна из крупнейших баз военно-воздушных сил США в Японии. Она активно использовалась во время войн в Корее и Вьетнаме. А с середины 80-х годов эта база заняла видное место в американской глобальной ядерной стратегии. На ней размещено 50 истребителей-бомбардировщиков «Р-16», предназначенных для доставки ядерных бомб.

Японская печать откровенно признала провокационность создания очередной ядерной базы вблизи советских рубежей. Газета «Токио симбун» писала, что действия «Р-16» с японской территории носят вызывающий характер и свидетельствуют о ширящемся использовании японо-американского «договора безопасности» в интересах глобальной ядерной стратегии США, о наполнении этого договора «агрессивным и ядерным содержанием».

...«Не побывать в Аидзу-Вакамацу — это значит не прикоснуться к душе всего района Тохоку», — убеждал меня знакомый журналист. Тихий и уютный городок со 100-тысячным населением никак не похож на столицу. А между тем он не так давно был стольным градом для влиятельного самурайского клана Аидзу и центром экономической, культурной жизни обширного района Тохоку. О прошлом Аидзу-Вакамацу лучше всего думается в пустынных залах замка «Цуруга» («Журавлиный замок»), уставленных витринами с самурайскими мечами, доспехами, документами, изделиями ремесленников клана. «Журавлиный замок»

был активнейшим участником, а потом и жертвой бурных событий гражданской войны между сторонниками реставрации власти императора и теми, кто оставался верным военному диктатору — «сегуну».

Самураи Аидзу возглавлялись одним из близких родственников «сегуна». Они не раз участвовали в карательных экспедициях против бунтовщиков. А когда бунтовщики сами стали правительственными войсками и осадили город, самураи Аидзу оказали ожесточенное сопротивление. За все это они дорого заплатили. Три четверти уцелевших воинов были высланы в дальние земли — на самый север Хонсю и на Хоккайдо. Им позволили взять с собой только то, что можно было унести в руках. Чаще всего это были алтари и иные реликвии гордых самураев. В местах ссылки они были так бедны и обездолены, что местные крестьяне дразнили их «самураи-голуби», намекая на готовность вечно голодных поселенцев поедать даже малосъедобные дикие злаки. Расправа ждала и замок «Цуруга» — его сровняли с землей в 1874 г. Только 90 лет спустя на старом месте построили бетонный двойник «Журавлиного замка» и разместили в нем музей.

Конечно, история здешних краев — это не только самураи, их мечи и замки, победы и поражения. Свои традиции есть и у простого люда. В этом убеждаешься в деревне гончаров Хонго, что начинается рядом с окраинами города Аидзу-Вакамацу. Гончарное ремесло в Хонго родилось четыре века назад, когда при очередной перестройке «Журавлиного замка» потребовалась черепица с гербом нового владельца. С тех пор с гончарных кругов мастеров Хонго непрерывным потоком сходит домашняя и парадная посуда, вазы, утварь для чайной церемонии. Особой известностью пользуются облитые темно-красной глазурью прямоугольные селечодницы мастеров династии Мунаката. Попасть в мастерскую Мунаката-сэнсэя не удалось из-за затора на дороге, рассосавшегося только поздно вечером. Но свет еще горел в окне соседней мастерской. Над необожженными глиняными заготовками склонились пожилые мужчина и женщина. Тусклая лампочка показалась единственным признаком XX в. Освещенная фотовспышкой мастерская оказалась маленькой комнатой с полом, уставленным подносами подготовленных к обжигу заготовок, и стенами, улепленными полками с выставленной на продажу готовой продукцией. Тяжелое впечатление произвели и сами усталые мастера, односложно отвечавшие на вопросы, попивая невесть откуда взявшийся зеленый чай: «Работы много. Цены низкие. Дети уехали в город. Будем работать, пока хватит сил».

...Несколько веков назад в Японии существовал страшный обычай — «зажившихся», ставших обузой стариков относили в горы умирать. Особенно часто так поступали в гористых, малоплодородных землях Тохоку.

Память о тех временах еще жива. Известный кинорежиссер Сёхэй Имамура снял фильм «Баллада о Нарайяме», который получил в 1983 г. Большой приз Каннского кинофестиваля. Объясняя успех своего фильма в Японии, Имамура во время беседы с журналистами обратил внимание на быстрое обострение проблем «седеющей Японии», то есть тех, кому за 55.

Японцы ждут приближения 55-летия со страхом. Именно в этом возрасте заканчиваются гарантии «системы пожизненного найма», укоренившейся в послевоенные годы в крупных, а также части средних и мелких фирм. Рассчитанная на воспитание преданности работодателям, система эта подразумевает не только сохранение рабочего места, но и ежегодное увеличение зарплаты, продвижение по службе. Ее недаром сравнивают с движущимся эскалатором — на верхних ступенях не должны образовываться заторы. Обеспечивают движение «эскалатора» именно принудительные проводы на пенсию. Впрочем, говорить о пенсии можно только с оговорками.

Прежде всего пенсионный фонд, в который как работник, так и наниматель обязаны ежемесячно вносить каждый чуть больше 5 % оклада работника, начинает выплату денег только с 60 лет. Увольняемому обычно вручается единовременное пособие, равное его последнему окладу, помноженному на число лет, отданных фирме. После этого компания полностью снимает с себя ответственность за бывшего сотрудника. Лишь в редких случаях «система пожизненного найма» более или менее соответствует своему названию: особо

ценным рабочим и служащим позволяют продолжать работу, но переводят на низкооплачиваемые должности. В мелких же и средних фирмах, где занята основная масса трудящихся, эта система, как и многие другие привилегии рабочих крупных компаний, зачастую отсутствует. Людей нанимают и увольняют в зависимости от загрузки фирмы заказами.

Что касается размеров пенсии, то они сильно варьируются в зависимости от того, к какой из восьми систем пенсионного обеспечения принадлежит получатель, сколько лет он делал взносы. Например, охватывающая бывших государственных служащих система обеспечивает им после ухода на отдых примерно две пятых прежнего среднемесячного дохода. Прожить на пенсию трудно, а чаще всего невозможно. Хорошо зная об этом, многие начинают копить деньги на старость еще в расцвете сил. Этим, в частности, объясняется высокий уровень личных накоплений в Японии, на «черный день» откладывается примерно шестая часть дохода средней семьи.

Подавляющее большинство «ушедших на покой» вынуждены искать работу. Дело это не простое. Только пятая часть уволенных по возрасту находит новую работу вскоре после выхода на пенсию, сообщило министерство труда. Еще треть устраивается на службу после поисков, «длящихся 7 месяцев или больше». Сотни тысяч престарелых так и не добиваются успеха. Трудности усугубляются тем, что в крупные, престижные фирмы и учреждения пожилых людей вообще не нанимают. Да и компании поменьше открывают свои двери только тогда, когда не могут подыскать согласного на низкую зарплату, удлиненный рабочий день и плохие условия труда молодого человека.

Миллион человек (примерно треть работающих пенсионеров) трудятся в деревне, из которой «экономическое чудо» высосало молодежь. Остальные 2 млн в основном заняты в сфере обслуживания. Стал ночным сторожем не старый еще инженер. Всегда бодрый и приветливый учитель надел форму привратника большого жилого дома. Квалифицированный рабочий-литейщик протирает стекла машин на заправочной станции. Хозяин крошечного табачного киоска на углу занимал прежде неплохую должность в государственном учреждении. Сколько грустных историй можно услышать от пожилых людей, с которыми сталкиваешься в повседневной токийской жизни. Чаще всего разговор заходит о неудовлетворенности новой работой, на которой невозможно применить накопленные знания и навыки, где тебя не покидает унижительное чувство никчемности.

Бюджеты социальных служб не позволяют поспевать за ростом нуждающихся в помощи, строить дома престарелых, наращивать численность работников системы специального медицинского обслуживания. Число пожилых семейных пар достигло 1,6 млн. Быстро увеличивается и число одиноких пожилых людей — в начале 1988 г. их насчитывалось 1600 тыс. человек. А через 40 лет, предсказывают ученые, одиноких будет 6,5 млн.

Будущее все больше пугает японцев. Один из важнейших источников беспокойства кроется в стремительном «поседении Японии». Если в 1950 г. число достигших 65 лет составляло 4,2 млн человек, менее 5 % населения, то в 1988 г. их уже почти 13 млн — более 10 %. А к началу XXI в. армия престарелых будет составлять почти пятую часть населения страны. Рост продолжительности жизни и сокращение рождаемости приведут к тому, что на каждого пенсионера уже через 20–30 лет будет приходиться лишь три работника (сейчас эта пропорция составляет 1 к 7). Само собой разумеется, что резко возрастут расходы на социальное и медицинское обеспечение, в том числе и выплаты из пенсионного фонда. В начале будущего века, считают эксперты правительственных ведомств, пенсионные фонды страны будут исчерпаны. И тут закономерен вопрос: как предотвратить крах пенсионной системы, откуда взять деньги?

Оппозиционные партии предлагают увеличить соответствующие статьи государственного бюджета. Правительство же собирается поступить как раз наоборот. Непрерывно увеличивая военные расходы, правительство урезает субсидии на просвещение, социальное и медицинское обеспечение. С 1984 г. даже те, кто делает взносы в фонд

страхования на случай болезни, должны оплачивать из своего кармана часть стоимости лечения.

Это нововведение, естественно, больше всего ударило по престарелым. Опубликован проект унификации пенсионной системы. До сих пор размер «нижнего порога» пенсии не достигает 30 тыс. иен, что примерно в пять раз меньше прожиточного минимума. Недовольство вызывает и весьма существенная разница в уровнях пенсий работникам частного и государственного сектора.

Реформа нужна, но какая? Резкую критику со стороны профсоюзов и некоторых оппозиционных партий вызвали такие предложения, как увеличение втрое взносов в пенсионный фонд при некотором сокращении размеров самих пенсий, дальнейшее сокращение правительственных субсидий. Полную пенсию смогли бы получать лишь те, кто делал взносы 40, а не 30 лет, как теперь.

«Обмеление» пенсионных фондов пытаются приостановить еще и за счет повышения возраста «ухода на отдых». Теперь уже более чем на трети предприятий он достиг 60 лет. Предприниматели прибегают к всевозможным уловкам, чтобы урезать доходы работников преклонного возраста. Их зарплата, например, замораживается на уровне, который достигнут к 55 годам. Их стараются перевести на малооплачиваемую работу в самой фирме или ее филиалах, расположенных подчас в других городах.

Отношение «большого бизнеса» к проблемам «седеющей Японии» весьма четко сформулировал как-то президент Федерации экономических организаций Йосихиро Инаяма. Он заявил, что «свободная экономика является слепком с мира зверей, где царит закон естественного отбора». А посему необходимо избавляться от «злоупотреблений социальным обеспечением, которые мешают всем развитым странам, включая Японию».

15 сентября каждого года, в объявленный национальным праздником «День почитания старости», страницы газет и телеэкраны заполняются материалами о «самой прекрасной в мире японской старости». Главным аргументом при этом служат рекордные показатели средней продолжительности жизни японцев — 75 лет для мужчин и 81 год — для женщин (по состоянию на 1986 г.). Наивысшие в мире показатели, безусловно, говорят о том, насколько далеко ушла Япония от нравов, описанных в «Балладе о Нарайяме», о несомненных успехах здравоохранения, улучшении питания японцев.

Пройден большой путь, но сколько же по нему еще предстоит шагать! Об этом думалось во время увиденной в «День почитания старости» на Гиндзе необычной демонстрации. Шеренги одетых в яркие кимоно пожилых женщин на ходу исполняли народные танцы, скандировали лозунги, несли плакаты с требованиями: «Не допустить дальнейшего ухудшения условий жизни престарелых», «Поднять прожиточный минимум для пенсионеров». Один из организаторов демонстрации, 88-летний председатель «Токийского общества благосостояния престарелых» Канэдзо Уэда заявил журналистам: «В последнее время положение пожилых людей ухудшается. Один раз в году у нас отмечается «День почитания старости». Но все остальные дни вполне можно назвать «днями пренебрежения старостью»...»

...В Тохоку пришли скоростные железные дороги и шоссе. Начинают претворяться в жизнь планы создания центров новейшей технологии и науки. Все эти изменения поднимают уровень жизни и культуры местных жителей, но все еще не сократили традиционный разрыв с экономическим развитием центральных районов страны. Тохоку все еще остается задворками Японии.

Сикоку: мосты надежды уходят в туман

Стоило в разговоре с соседом упомянуть предстоящую поездку на остров Сикоку, как он тут же стал удивляться причудам иностранцев, которые отыскивают в Японии самые глухие уголки. «Для нас, жителей больших городов, легче слетать в Гонконг или проехать по Транссибирской магистрали, чем отправиться на Сикоку».

В экзотичности поездок на Сикоку, самый маленький из четырех самых больших японских островов, пришлось убедиться еще в столичном аэропорту Ханэда, обслуживающем внутренние линии. Нас подвезли к старенькому двухмоторному винтовому самолету, который, казалось, мог бы уместиться на крыле любого из стоявших поблизости широкофюзеляжных гигантов. Среди пассажиров большинство составляли одетые в белые церемониальные одежды буддийские паломники.

Два часа полета быстро проходят в разглядывании отлично видных причалов американской военной базы Йокосука, кратера Фудзиямы, бесконечных гор, дорог, городов. И вот уже преодолевший 500-километровый путь самолет останавливается у аэровокзала города Такамацу, одного из крупнейших на Сикоку. Впрочем, где же аэровокзал? Глаза ищут и не находят типичное для японских аэропортов внушительное здание, переполненное людьми, магазинами, закусочными. Рядом с небольшим павильоном выстроились несколько весьма скромных по токийским меркам такси. Чуть подальше уже начинаются рисовые поля. Но самое удивительное для привыкшего к столичной жизни — это чистый воздух и тишина.

Похоже, что эти главные достоинства Сикоку стали привлекать жителей шумных городов еще задолго до наступления «экономического чуда». Еще в начале XVII в. на Сикоку сложилась настоящая туристическая «индустрия», стержнем которой стало паломничество по «88 священным местам». Священные места — это центры буддийской секты Сингон, основатель которой, праведник Кобо Дайси, еще в начале IX в. вернулся из поездки в Китай и пешком обошел весь остров, распространяя свое учение, основывая храмы.

Как и в старину, совершить паломничество по «88 священным местам» означает обойти практически все крупные города, все красивые и известные уголки Сикоку. «Остров 4-х уделов» и поныне состоит из четырех районов-префектур. На четыре части делится и популярное не только среди членов секты Сингон паломничество длиной 1360 км.

Побывав в 23 храмах префектуры Токусима, откуда полагается начинать длящееся 40–60 дней пешее путешествие, паломник достигает состояния «пробуждения». 16 храмов префектуры Коти помогут «совершенствованию». Пройдя по Эхимэ с ее 26 священными местами, можно достичь уровня «постижения». Ну, а 23 храма префектуры Кагава должны обеспечить состояние «нирваны». Конечно, лишь немногие из работающих практически круглый год и располагающих примерно недельным оплачиваемым отпуском японцев могут позволить себе настоящее паломничество. Да и ушедшие на покой паломники тоже частенько хитрят, сокращают сроки похода до двух недель за счет использования автобусов, поездов, такси.

Как правило, паломники-буддисты не забывают осмотреть соседствующие с буддийскими священными местами храмы синтоизма, исконно японской религии. Ведь большинство японцев одновременно исполняют обряды как того, так и другого верования, а подчас заглядывают еще и в христианские церкви. В часе-полтора ходьбы от «священного места номер 75», выстроенного на месте рождения праведника Кобо Дайси храма Дзэнцу-дзи, раскинулся на склонах горы синтоистский храм Котохира-гу.

Помолившись богам-владыкам морей перед вызолоченными алтарями и заручившись их расположением, путешественники неизменно направляются в выстроенный поблизости театр «Канамару-дза», самый старый из сохранившихся театров «кабуки». Собственно говоря, осталось только здание театра, построенное еще в 1836 г. Представление же можно посмотреть только раз в году, когда из Токио, Осаки или Киото на три дня приезжают актеры менее древних, но зато более процветающих театров. Ни в коем случае не заменяя представления заезжих знаменитостей, спектаклем становится и встреча с Киенобу Ямамото, билетером, экскурсоводом, сторожем объявленного «ценным культурным достоянием» театра «Канамару-дза».

Раздав билеты и иллюстрированные буклеты, Ямамото-сан одергивает короткую желтую куртку с выписанными особыми, присущими театру «кабуки» иероглифами названия «Канамару-дза» и становится в эффектную позу на фоне двухэтажного здания.

Плавный взмах руки — и глаза зрителей успевают пробежать по воткнутым в землю бамбуковым древкам узких вертикальных знамен разных цветов с надписью: «Великому театру Канамару». Взмах другой руки — по обеим сторонам входа пирамида оплетенных соломой бочек с сакэ, тоже подарки богатых поклонников театра. Над входом прибиты доски с именами знаменитых актеров «кабуки», игравших на здешней сцене. «Такого театра вы не увидите нигде, — начинается драматическим тоном Ямамото-сан. — Наш театр не был первым из 140 существовавших в разгар популярности искусства «кабуки» театров этого жанра. Нет, он не был первым, первый театр возник в Киото. Но пожары, войны и прочие напасти распорядились так, что «Канамару» осталась последней подлинной сценой «кабуки». Наш театр поскромнее бетонных громад процветающих театров Токио и Осаки. Но если кто-то захочет ощутить подлинную атмосферу традиционного японского театра, он приедет в город Котохира, купит билет вон в той будочке, а потом вместе со мной пройдет вот в эту дверь».

По примеру экскурсовода публика, согнувшись в три погибели, ныряет в низкую дверцу, недаром именуемую «крысиной». Широкие и высокие раздвижные двери-стены открываются только во время большого наплыва посетителей. Что и говорить, театр совершенно необычный. Начинается он, как и полагается, с вешалки. Но предназначена она не для одежды, а для обуви. Зрители обязательно снимают уличную обувь, ведь войти в ней на высланный соломенными «татами» пол, — значит, вызвать отвращение. Тут надо сделать поправку: пол зрительного зала на самом деле вовсе не только пол, но еще и зрительские ложи. Пройдя по ведущим вдоль стен нешироким дощатым проходам-коридорам, зрители спускаются в «ложи», разгороженные деревянными планками на квадраты со сторонами по 130 см. В каждую из 100 «лож» усаживалось по три человека. Как это раньше удавалось — загадка. Современные японцы едва умещаются в узкой ячейке вдвоем. Ну, а как добраться до «ложи», расположенной в центре зала и удаленной от «коридоров»? О, очень просто. Надо пройти по планкам-перегородкам. Правда, они шириной всего 15 см, но ведь нагруженным подносами девушкам-разносчицам чая и сладостей приходится гораздо труднее.

Дождавшись, пока смолкнут охи и ахи с трудом рассеявшихся в «ложах» слушателей, Ямамото-сан мелкими и частыми шагами устремился на сцену. Зажглись свечи в прибитых к краям сцены высоких железных подсвечниках и хорошо стал виден занавес-ширма с огромной вековой сосной. Сделав одновременное круговое движение головой и руками, наш гид застыл в типичной для «кабуки» позе. Привлекши всеобщее внимание, он начал традиционным театральным речитативом: «На этой сцене в старину трижды в год появлялись самые знаменитые актеры «кабуки», гораздо более знаменитые, чем современные кинозвезды и «идолы» эстрады. Они выступали дважды в день, месяц подряд, три раза в год. Почему только три раза? Потому, что храмовые праздники в Котохира-гу проводятся трижды — в третьем, шестом и девятом месяце.

Театр «кабуки» всегда был популярен на Сикоку. Первое представление в наших краях состоялось в 1613 г. через 10 лет после положивших начало всему жанру выступлений в стольном граде Киото послушниц из храма Идзумо Тайся. Деревянные здания театров строились и сгорали в частых пожарах, восстанавливались и снова исчезали. Но этому суждено было выдержать «весенние ветры и осенние дожди», остаться яркой звездой на небосводе театра «кабуки». Все жители Котохира гордятся нашим театром. Правда, как и в старину, им редко удается побывать на представлениях. И дело не только в том, что билеты по-прежнему стоят очень дорого. Место в ложе в старину обходилось от 30 до 40 «мон», стоячие места — от двух «мон» и выше. «Мон» примерно равен нынешней тысяче иен. Конечно, цены падали, когда вместо знаменитостей на сцену выходили бродячие актеры или артисты второстепенных театров. Теперь цены стабильные, от 6 до 10 тыс. иен. Но, даже несмотря на дороговизну, билеты крайне трудно достать. Если в старину их заранее скупали посредники для перепродажи богатым паломникам и знатным самураям, то и теперь билеты задолго до начала сезона «уплывают» все тем же паломникам и всяким знаменитостям — от членов императорской семьи до спортсменов и дикторов телевидения. Накануне

представления в кассе появляются считанные билеты, но за ними приходится стоять в очереди пару суток. Местные жители считают, что рано или поздно им удастся попасть на представление. А приехавшие издалека соглашаются на все, чтобы только проникнуть в театр. Девушки становятся разносчицами чая и сладостей, мужчины готовы отправиться в «нараку», преисподнюю. Давайте и мы с вами побываем в этой знаменитой «преисподней».

Пройдя мимо гримерных с портретами знаменитых актеров и спустившись по узкой лестнице, оказываемся в темном и сыром подвале. Отсюда шло управление сценическими эффектами. Четверо мужчин приводили в движение поворотную сцену, которая со скрипом вращалась на «подшипниках» из твердых пород дерева. Шестерых хватало на работу с деревянным щитом, на котором через «пустой колодец», люк в сцене, появлялись «привидения», «оборотни» и другая нечисть. Ямамото-сан предлагает желающим поорудовать всеми этими чудесами сцены, и сразу становится ясно, что слово «преисподняя» выбрано очень удачно.

Тем сильнее оказывается эффект появления на еще недавно полутемной, освещенной одними свечами, а теперь как будто залитой светом сцене. С нее по двум гладким дощатым «цветочным дорожкам» актеры уходили мимо восторженных поклонников в «ложах» и на балконах второго яруса, где обычно сидели самые богатые и знатные зрители. Вслед за движущимся то старческой, то игривой женской походкой Ямамото-саном покидаешь удивительный театр с надеждой побывать в нем в такой день, когда на прилепившемся к крыше балкончике ударят созывающие на спектакль барабаны, когда все счастливые обладатели билетов заполнят «ложи» и балконы, а по «цветочной дорожке» пойдут томные красавицы, грозные воины, чародейки-лисы...

Старинные храмы, постоянные дворы около целебных источников, улицы уютных деревянных домов под затейливыми черепичными крышами, какие безвозвратно исчезли в больших городах. Один из лучших в Японии классических парков Рицурин, самый большой каменный фонарь размером с двухэтажный дом, знаменитый народный фестиваль Ава-одори... Эти и другие достопримечательности превратили Сикоку как бы в заповедник японской старины, стали основой туристической индустрии, ежегодно привлекающей от 8 до 9 млн человек.

Но одним туризмом не проживешь. Об этом часто говорят на острове, выделяющемся среди других районов Японии низкими доходами населения, скромными показателями развития экономики. Нет, «экономическое чудо» совсем не обошло Сикоку. На побережье Внутреннего моря в 60-70-х годах возникло несколько «индустриальных зон», в которых сконцентрированы химические, нефтеперерабатывающие, металлургические предприятия, по существу составляющие единый комплекс с расположенными на противоположном берегу заводами Осаки, Кобе, Хиросимы, Окаямы. Но несколько современных предприятий не способны в корне изменить общую картину экономического отставания острова. На четыре с лишним миллиона жителей Сикоку, составляющих примерно 4 % населения страны, приходится меньше 3 % промышленной продукции. Положение не улучшается от того, что 94 % всех перчаток Японии производится в городке Сиротори, город Имабари практически монополизировал изготовление полотенец, а город Маругамэ — традиционных круглых бумажных вееров. Большинство жителей Сикоку занято земледелием, рыболовством, деревообработкой. Доходы «среднего» жителя острова составляют лишь 85 % от общенационального уровня. Прирост населения на острове в два раза ниже, чем в целом по стране. Зато безработица держится на одном из самых высоких уровней, вынуждая молодежь покидать родные места в поисках заработка.

Наверное, именно отставание от остальной Японии заставляет людей с Сикоку гордиться имеющимися там немногочисленными диковинами современной науки и техники. Приезжим настойчиво советуют побывать в городке Нио, известном раньше только рекордным числом ясных дней, а нынче ставшем центром экспериментов с использованием солнечной энергии. Сфокусированные в одну точку сотни огромных зеркал позволяют вырабатывать электричество, а заодно привлекают туристов в парк развлечений «Город

солнца».

В число туристических объектов Нио пока не попал завод-лаборатория по извлечению урана из морской воды. Его строительство началось в 1981 г. на месте старинных полей для выпаривания соли все из той же морской воды. Средневековые «химики» передали эстафету ученым нашей эпохи. 4 июня 1986 г. состоялось открытие нового завода, в задачу которого входит улавливать из миллиарда частиц морской воды три частицы урана. Показав гостям покрашенные свежей краской водозаборники, фильтры, цистерны и трубопроводы, по которым ежедневно проходит 40 тыс. т воды, директор Йосими Мидзухара стал рассказывать об истории и будущем предприятия.

«Попытки извлечь уран из моря начались в разных странах еще в 60-е годы. Япония же сильно отстала, подключившись лишь в середине следующего десятилетия. Сейчас за рубежом сомневаются в экономической целесообразности этих экспериментов, лаборатории закрывают одну за другой. Но у Японии нет своей урановой руды. Поэтому правительство и частные компании продолжают финансировать исследования. Они учитывают также, что разведанных запасов урана на земле 3 млн т, а в Мировом океане содержится 4 млрд т этого ценнейшего энергоносителя. Главная научная проблема состоит в поиске высокоэффективного поглотителя урановых частиц. Пока для получения эквивалента 10 кг урана нам требуется целый год работы. Долгосрочная цель — добиться извлечения за тот же срок 1000 т урана. Но для этого придется провести очень много исследований, построить более крупные заводы. Впрочем, и тогда Япония не перестанет закупать урановую руду. Ведь ежегодная потребность даже 32 действующих на сегодня атомных реакторов составляет 6,6 тыс. т. А планы развития атомной энергетики предусматривают рост доли выработанной на АЭС электроэнергии с нынешних 24 до 35 %. Так что сделать предстоит еще очень и очень много».

С атомной энергетикой связана еще одна научная достопримечательность Сикоку — крупнейший в мире вибрационный стенд для испытаний оборудования АЭС в условиях землетрясений. От Нио до Тадоцу, где построен стенд, всего 6 км. Узкая, но аккуратно заасфальтированная дорога идет через покрытые густым зеленым лесом горы, вдоль побережья, с которого открываются виды на большие и малые острова Внутреннего моря. На окруженном волнами крошечном скалистом островке виден старинный храм с крашенной киноварью аркой. Изящный мостик соединяет морской храм с берегом. Автобус то и дело въезжает в облака ароматного дыма — крестьяне жгут стерню только что убранный весеннего урожая риса. Проезжая через деревни и поселки, восхищаешься все еще преобладающими традиционными черепичными крышами с их затейливыми коньками и фигурами сказочных зверей на четырех углах. Черные, синие, коричневые, фиолетовые черепичные «чешуи» покрывают даже ветхие и явно небогатые дома, окружающие редкие бетонные коробки заводских управлений, складов, придорожных ресторанов и гостиниц.

Умиротворяющее впечатление производит и сам городок Тадоцу. Этот старинный порт сейчас главным образом выполняет роль «спальни» для работающих в индустриальном комплексе Сакаиде, который находится в 5 км. Почерневшие от старости каменные мосты через медленную и мутную речку, крестьянские поля рядом с лесопилками, мастерскими каменотесов, лавочками рисоторговцев, рядами когда-то добротных домов. На улицах преимущественно пожилые люди — две женщины толкают тележку с разложенной на продажу рыбой, совсем ветхий старичок с трудом выжимает педали велосипеда с подвешенными по бокам двумя бамбуковыми стволами, хозяйка овощной лавки поливает расставленные у входа цветы в горшках и одновременно

раскланивается со знакомыми. Над городком нависает гора с красивым парком, в глубине которого стоит храм Сёриндзи. Монахи Сёриндзи совмещают молитвы с занятиями «кэмпо», особым стилем борьбы, который соединяет приемы каратэ с элементами различных японских школ военного искусства. Боевые крики монахов и их учеников часто слышны в аллеях парка, из которого видны соседние острова, переполненный кораблями порт и высящийся на обширном пустыре огромный сине-белый куб вибрационного стенда.

Построенный в 1982 г. на отвоеванном у моря участке земли, он буквально начинен сложной и уникальной техникой. Так говорили сотрудники, попросившие воздержаться от фотографирования и болезненно реагиовавшие на любое прикосновение к аппарату. Но после долгого похода по машинным залам и компьютерным центрам с полом на воздушной подушке возникает ощущение, что когда-то все это уже доводилось видеть. Ну конечно! В школы, парки и другие людные места в Японии часто приезжают специальные машины пожарного ведомства с оборудованной в кузове обычной кухней. Добровольцы из публики поднимаются по лестнице в кузов, и тут «кухня» начинает раскачиваться в силу землетрясения двух, трех, пяти баллов. Успеешь выключить газовую горелку, накрыть голову платком или полотенцем и забраться под стол — получишь аплодисменты и похвалу пожарных. Такой же «кухней», по существу, служит и ультрасовременная установка в Тадоцу.

В середине зала квадратный вибростол, каждая сторона которого достигает 15 м. На этот «стол» можно ставить грузы весом до 1000 т, но до сих пор это были всеящие 250–665 т модели важнейших блоков АЭС. Даже уменьшенные в два раза модели настолько громоздки, что не помещаются на машинах или железнодорожных платформах. Поэтому их подвозят кораблями прямо к причалу, построенному рядом с массивными раздвижными дверями центра. После установки, сборки и наладки испытываемого оборудования в дело вступают мощные гидравлические стимуляторы, вызывающие горизонтальную и вертикальную вибрацию, равносильную землетрясению в 10–12 баллов по семибальной японской шкале. «Это значит, — объяснил руководитель центра Такаси Канаяма, — что мы проверяем оборудование АЭС в условиях, практически невозможных на самом деле. Ведь даже самое сильное из научно описанных землетрясений — разрушившее Токио и Йокогаму в 1923 г. Великое землетрясение Канто — было силой в 7 баллов по японской шкале».

Правда, отвечая на каверзные вопросы разбравшегося в сейсмологии японского журналиста, руководитель центра признал, что реальное землетрясение может продолжаться несколько минут, а «стол» способен вибрировать максимум 40 секунд. «Но в любом случае испытание хотя бы и уменьшенной копии реактора, хотя бы даже в течение укороченного времени лучше, чем применяемые обычно компьютерные расчеты безопасности. По крайней мере, испытывающие сильную «ядерную аллергию» японцы больше доверяют итогам именно наших проверок. Недавние аварии на АЭС «Тримайл айленд» и в Чернобыле показали, сколько сюрпризов заключено в ядерной энергии. Поэтому мы готовы принять участие в любых международных программах, связанных с развитием ядерной энергетики в сейсмоопасных районах. Приглашаем к нашему вибрационному столу!»

Престижные научные центры Сикоку создали за последние годы несколько сот рабочих мест. Но нужны ведь десятки тысяч. Все надежды на оживление «острова четырех уделов» связываются сейчас со строительством трех уникальных мостов через Внутреннее море Сэто, которые обеспечат быстрое и бесперебойное сообщение с промышленными центрами японского «материка» — острова Хонсю.

«Когда-то, тысячи лет назад, Хонсю и Сикоку были одним целым. Затем могучие силы природы оторвали их друг от друга, разделили нешироким, но подчас труднопреодолимым морем. И вот настала пора исправить ошибку природы», — коренастый, постоянно играющий доброй улыбкой на широком лице инженер-мостостроитель Сатоси Касима прочно стоит на корме прыгающего с волны на волну катерка. Морскую сноровку он приобрел за долгие 7 лет строительства «Большого моста Сэто». Точнее — цепочки из 6 мостов и 5 эстакад, которые должны уже в 1988 г.

⁵ связать автомобильным и железнодорожным сообщением город, Кодзима на острове Хонсю и город Сакаиде на Сикоку. Катер резво везет приглашенных строительной

⁵ Нас пригласили осмотреть строительство за два года до запланированного открытия движения по мосту. Церемония открытия «Большого моста Сэто» состоялась 10 апреля 1988 г., как и было предусмотрено. — Авт.

корпорацией журналистов через 10-километровый пролив, мимо ставших фундаментами мостовых опор островов, мимо рукотворных архипелагов из бетона и величественных стальных башен, кое-где уже соединенных двухэтажными пролетами или «ниточками» тросов метрового сечения.

«Идея строительства моста возникла еще в 1899 г., когда префектуральное собрание Кагава постановило, что он «послужит интересам нации и благосостояния людей», — продолжает инженер Касима. — Как видите, осуществить задуманное удалось лишь почти через столетие. Целый век ушел, чтобы накопить финансовый капитал и технологический опыт. Окончательная стоимость строительства составит 1130 млрд иен, то есть около 7 млрд долларов. Конечно, собрать такую сумму в кредит раньше было бы невозможно. Сейчас это тоже было не просто, ведь мост окупится самое раннее через 30 лет. Да и с технической точки зрения такое предприятие было бы невыполнимым еще два-три десятилетия назад. Нам пришлось работать в очень трудных условиях. Во-первых, Внутреннее море Сэто и его острова еще в 1934 г. стали национальным парком, первым в Японии. Это налагает массу ограничений на любые строительные работы. Сотрудники ведомства по охране природы контролируют буквально каждый наш шаг — от выбора гармонирующего с окружающей средой силуэта моста до определения цвета краски опор. Во-вторых, Внутреннее море недаром называют «морской Гиндзой». По нему ежедневно проходит полторы тысячи судов всех размеров, вплоть до супертанкеров водоизмещением 500 тыс. т. Мало того, пролив Бисан, через который пройдет наш мост, имеет статус международного водного пути. А это значит, что размеры основных пролетов не должны быть меньше 800 м при высоте моста над уровнем моря не меньше 65 м. В-третьих, мы должны были постоянно думать о сохранении рыбных угодий моря, которое кормит многие тысячи рыбаков. Можно продолжать список трудностей до бесконечности. Скажу только, что больше всего хлопот мне доставил 30-метровый слой ила, покрывающий скалистое дно. Пришлось придумывать специальный сорт динамита для его подрыва и рассеивания. При этом думали не только о рыбе, но и о соседних нефтехранилищах. Если взглянуть на все это с точки зрения строительного искусства, то самым большим достижением стало сооружение первых в мире подвесных мостов, по которым пойдут железнодорожные составы.

Длина этих мостов — 940, 990 и 1100 метров — позволяет им занять соответственно 14, 12 и 6-е места в списке рекорсменов среди подвесных мостов. Ну, а с точки зрения истории конец работ на всем 37-километровом пути Кодзима-Сакаиде будет означать, что все четыре главных острова Японии будут соединены наземным транспортом. Ни штормы, ни туманы не остановят теперь поток из 80 тыс. человек и 260 тыс. т грузов, который ежедневно пересекает Внутреннее море между Хонсю и Сикоку».

Меньше часа потребовалось нашему катеру, чтобы добраться от леса труб, нагромождения заводских корпусов и гигантских шарообразных емкостей для сжиженного газа индустриальной зоны Сакаиде до почти такого же пейзажа зоны Мидзусима на Хонсю. На обратном пути удалось разговорить молчавшего всю первую половину плавания капитана катера. Сатодзи Ивамото родился 40 лет назад в рыбацкой семье на острове Ивакуродзима, на котором покоятся ныне две опоры уходящих в разные стороны 800-метровых подвесных мостов. «Вот видите, от моего острова почти ничего не осталось, — горестно начал капитан. — Ивакуродзима была раньше зеленой от покрывавшего ее леса. Теперь остров серо-желтый от бетонных сооружений и остатков пущенных на щебенку гор. Другого цвета стала и вода. Из лазурно-голубой переменялась в мутно-серую. Нам, уроженцам Внутреннего моря, это не нравится. Еще больше это не по вкусу рыбе, которой становится все меньше и меньше. Нас утешают, обещают улучшение обстановки через несколько лет. Но настроение у всех жителей отвратительное. Нам этот мост не принесет ничего хорошего. Говорят, что на машине с одного его конца на другой можно будет доехать за 10 минут вместо часа пароходом. Но у меня нет машины и ездить тоже некуда. Работы же не найти ни на Сикоку, ни на Хонсю, да и обойдется ежедневная езда через мост недешево — 4 тыс. иен в один конец. Пока идет строительство, работаю на этом катере. А дальше? Как бы не

остаться и без рыбы и без работы».

Снова вступив на твердую землю, мы встретились с местными журналистами. После опроса гостей об их впечатлениях коллеги с Сикоку согласились с тем, что жители острова со смешанными чувствами ждут открытия моста Кодзима-Сакаиде и двух других мостов, движение по которым начнется в 90-х годах. Крестьяне надеются, что их знаменитые мандарины и овощи будут доставляться на Хонсю за три дня вместо четырех, а это позволит увеличить объем продаж. Хозяева гостиниц и харчевен вдоль маршрута по «88 священным местам» и иным туристическим достопримечательностям ждут роста числа путешественников. Молодежь рассчитывает на открытие новых предприятий, удобно связанных со вторым по значению торгово-промышленным центром Японии — районом Кансай вокруг Осаки и Кобе. В то же время велика и боязнь обмануться в ожиданиях.

...Вечернее солнце разбрызгало позолоту на гладь Внутреннего моря. Резкие вблизи контуры красавца-моста стали размываться и пропадать в поднявшемся от воды тумане. Что-то принесут «острову четырех уделов» чудеса современного мостостроения? Сбудутся ли возлагаемые на них надежды?

Кюсю — остров керамики

Остров Кюсю — самый южный и одновременно самый западный из четырех главных японских островов. Уже сама география как бы predetermined роль Кюсю в японской истории: быть окном во внешний мир. Через это же «окно» весть о существовании Страны восходящего солнца доходила до близких и далеких стран. В одной китайской летописи конца 111 в. нашей эры дается описание японцев, которое после небольших изменений можно вставлять в любое повествование о японцах сегодняшних. По словам летописца, японцы дисциплинированы и законопослушны, любят как следует выпить, интересуются гаданиями о судьбе и делают культ из чистоты, занимаются земледелием, искусны также в рыболовстве и ткачестве, живут в обществе строгих социальных различий...

С Кюсю, лежавшего ближе других Японских островов к уже «открытым» европейцами Индии и странам

южных морей, началось знакомство мореплавателей Запада с Японией. В 1543 г. португальское судно прибило штормом к островку Танэгасима у южной оконечности Кюсю. Тогда в Европе убедились в справедливости сообщений Марко Поло о существовании таинственной «страны Дзиппангу» и ее непостижимых жителей. Кюсю первым попал в секретные лоции португальских капитанов, которые заодно с порохом, мушкетами и китайским шелком стали регулярно доставлять туда иезуитов-миссионеров. Один из них, Алессандро Вали-ньяно, так описывал увиденное и пережитое: «Манеры и обычаи японцев совершенно отличны от всех других людей. Они как будто намеренно делают все возможное, чтобы быть непохожими. Просто невозможно представить себе здешнюю обстановку. Япония — это прямо противоположный Европе мир. Различия в пище, одежде, церемониях, языке, манере вести переговоры, сидеть, возводить дома, в положении женщины в семье, в лечении больных и раненых, в обучении и воспитании детей и во всем другом настолько велики, что не поддаются описанию и пониманию. Еще более удивительно то, что они отличаются от нас, прямо противоположны нам в своих чувствах и восприятии окружающего мира».

Задолго до мушкетов и церквей на Кюсю проникли другие заморские новинки. Как минимум за 10 веков до появления европейцев источниками заимствований стали Китай и Корея, стоявшие на более высокой ступени цивилизации. Лежавший на пути в Корею неширокий пролив пересекали в поисках прибыли японские купцы, а в поисках богатой добычи — отряды и целые армии самураев. В Китай, преодолевая великие трудности и опасности, плыли корабли с послами японского двора, с торговцами и жаждавшими приобщиться к китайской культуре послушниками буддийских монастырей. Иероглифическое письмо и система летосчисления, придворная музыка и танцы, буддийская религия и конфуцианская мораль, правила фортификации и градостроительства, каноны

стихосложения и живописи, шелководство и чаеводство, костюмы и украшения — невозможно перечислить всего, чем обогатили японцев их ближайшие соседи. Но на Кюсю чаще всего слышишь о неразрывной связи с Кореей и Китаем местных центров фарфора и керамики. «Карацу», «Имари», «Сацума» — эти клейма стоят на днищах парадных ваз и блюд, утвари для чайной церемонии, удобной и красивой посуде «на каждый день», которые прославили на всю Японию, на весь свет Кюсю, недаром получивший прозвище «остров керамики».

Город Карацу, район Отявангама. Таков адрес мастера Тароуэмона Накадзато XIII. За каждым иероглифом тут стоят страницы истории, давние традиции. Название города означает «гавань для плавания в Тан». Из здешней гавани на берегу Японского моря действительно начинался путь в Китай, которым с 618 по 907 г. правила династия Тан. Название же района, где живет тринадцатый глава династии мастеров керамики семьи Накадзато, можно перевести как «печи для обжига чайных чашек». Необычно и пышно, состоящее из пяти иероглифов имя мастера: Та-ро-у-э-мон. Оно сразу наводит на мысль, что имеешь дело с представителем старинной и редкой профессии.

Отыскать знаменитую мастерскую оказалось несложным делом. Чуть ли не каждый прохожий на узких и напоминающих лабиринт улочках Карацу уверенно показывал дорогу к дому Накадзато-сэнсэя, «учителя Накадзато». Вот показалась белая оштукатуренная стена с семью большими керамическими плитками, на каждой из которых золотится один иероглиф фамилии и имени нынешнего главы династии. На парковке десятка полтора машин с номерами разных городов. За воротами типичный японский сад с камнями «росяной дорожки», причудливо изогнутыми соснами, каменными фонарями и прудом с разноцветными карпами. Деревянная лестница ведет на второй этаж просторного павильона, где покупатели выбирают выставленную на продажу керамическую утварь для чайной церемонии. В ожидании встречи с мастером мне предложили отдохнуть в наполненной прохладой и тихим гудением кондиционера комнате. Там вниманию гостя были предложены коллекции керамики семьи Накадзато и видеофильм о ее недавно скончавшемся XII патриархе, который долгие годы занимал почетное место в числе «живых национальных сокровищ» Японии. Его сын и наследник Накадзато XIII принимает в мастерской на вершине холма, заросшего бамбуком.

В европейском кресле сидел, поджав ноги, мужчина лет 50 в простой рубашке с короткими рукавами. После обмена визитными карточками и нескольких учтивых вопросов Накадзато-сэнсэй снова взял в руки небольшую темную вазу и стал срезать с ее боков один слой глины за другим. Одновременно он рассказывал о намерении побывать в Советском Союзе и проехать по тем районам, где проходил великий шелковый путь из Китая в Европу. Мастер ежегодно совершает со своими близкими учениками путешествия по заграничным центрам гончарного искусства, выискивая сходства и различия с «карацу-яки», как называется характерная для города Карацу керамика. Продолжая срезать глину с боков вазы, постепенно превращавшейся из круглой в четырехгранную, мастер завел рассказ об истории стиля «карацу-яки».

«Его подлинное становление произошло в самом конце XVI в., в годы знаменитых «керамических войн», как прозвали историки две неудачные экспедиции военачальника Хидзэси Тоётоми. Он решил покорить Китай и высадил огромный десант в Корею, чтобы провести через нее свои армии. Корейские войска и их китайские союзники оба раза наголову разбили захватчиков. Оба раза японские войска возвращались домой несолоно хлебавши, но и не с пустыми руками. Увлекавшимся дзэн-буддизмом и связанной с ним чайной церемонией самураям пришлось по вкусу примитивная крестьянская посуда и грубые деревенские каменные фонари. В них японцы увидели воплощение эстетических идеалов секты «дзэн» — простоту, слияние с природой. К берегам Японии приставали корабли, груженные не только ценными трофеями, но и «иностранными специалистами поневоле». Целые семьи, целые деревни корейских гончаров угонялись в полон и определялись на поселение вблизи замков знатных феодалов. В исторические хроники керамика из Карацу

впервые попала в 1603 г., когда наставник по чайной церемонии при военачальнике использовал в одном из священнодействий с чаем вазу для цветов местного изготовления».

Мастер закончил работу над вазой и поручил своей ученице провести меня по мастерской. Ученица, красивая статная женщина лет сорока, сама уже хозяйка мастерской керамики стиля «карацу», живет в столице, но каждый год навещает учителя и на несколько дней снова становится ученицей. В светлой комнате рядом со ступенчатыми печами мы любовались готовыми изделиями.

Характерный для «карацу» сероватый фон черепка выгодно оттеняет нанесенные краской болотного цвета простые рисунки: сосновая ветвь, рыбы, стебельки трав, водоросли. Белая, темно-желтая глазурь создает неповторимые сочетания цветов и оттенков на поверхности чашек и кувшинов подчас нарочито примитивной формы, подчеркнута грубой обработки. Здесь как будто скошена ось, там загнут, чуть ли не оторван край. Совершенство в несовершенном. Изысканность в грубоватой простоте. Богатство в нищете. Бессмертная слава в безвестности. Все эти парадоксы лежат в основе мироощущения «дзэн» и воплощаются в изделиях для чайной церемонии. Мудрый человек осознает, что он всего лишь мельчайший элемент вселенной и не гонится за славой и богатством. Ему доставляют наслаждение простые, естественные предметы. Например, посуда, всем своим обликом беззвучно кричащая: «Я всего лишь кусок глины!»

«Если вам непонятно все это, непонятен принцип «сибуй» и соответствующие ему керамические изделия, не расстраивайтесь, — заговорила ученица мастера Накадзато, по-женски быстро почувствовавшая неискренность моих восторгов. — Сейчас многие японцы тоже не способны оценить прелесть простоты, скромности, аскетичности. Люди все чаще ищут самовыражение в покупке дорогих, подчас ненужных, престижных вещей, будь то пылящийся в углу персональный компьютер или используемая раз в неделю автомашина. Я не променяю эти фетиши «общества потребления» на свою любимую чашку, доставшуюся в наследство от прадедов, вобравшую в себя тепло их ладоней, их дыхание и чувства. Может быть, я преувеличиваю, но все же считаю, что передающиеся по наследству вещи помогают сохранять семейное благополучие, гармонию поколений. Керамика, к примеру, не может жить без человека. Если к кувшину или чашке долго не прикасаются человеческие руки, то они теряют нечто похожее на патину у бронзы, какой-то особый блеск, сияние. Даже музейные экспонаты время от времени надо доставать из витрин и использовать по назначению. Так поступает учитель Накадзато с бесценными произведениями своих предков».

Сколь интересно, экзотично и поучительно все то, что удалось увидеть и услышать в Карацу. Но почему восхищается ум, а не сердце? Наверное, сказывается привычка горожанина рассматривать как произведения искусства только фарфор, а керамику считать всего лишь любопытными продуктами народных промыслов. Но, может быть, дело еще и в типичном для европейцев стремлении преобразовывать природу, удаляться от нее как можно дальше, а не пытаться слиться с землей и водой, камнем и лесом, окружать себя простыми, удовлетворяющими минимальные потребности вещами? Эти мысли приходили на ум по дороге в Арита, другой известный центр гончарного дела.

Узкая, но очень аккуратно заасфальтированная дорога петляла мимо невысоких зеленых гор и начавших желтеть рисовых полей, мимо каменных арок с названиями деревень, мимо базаров, заваленных августовскими деликатесами — арбузами и грушами. Вот появился щит с надписью: «Арита — родина японского фарфора. Ежегодная ярмарка с 29 апреля по 5 мая». Еще несколько сот метров, и машина въехала на главную улицу застроенного двухэтажными домами городка. Потом, после похода по бесчисленным лавочкам фарфора, эта улица предстала как бы одним гигантским прилавком. Так она и выглядит в дни ярмарки, на которую не посчастливилось попасть, но репортажи о которой каждый год показывают по телевидению. Занявшие все тротуары деревянные столы и бамбуковые корзины со связанными стопками по пять предметов пиалами для чая и риса, рюмками и флягами для сакэ, тарелками и блюдами. Чайники, вазы, табуретки и столики,

светильники и статуэтки навалены горками чуть ли не рядом с колесами осторожно ползущих машин. Призывные крики продавцов: «Любой товар за 100 иен!» «Три вазы за 1000 иен!» Ошалевшие от дешевизны, суеты и тяжести приобретенного по покупательницы, число которых достигает многих тысяч...

Нет худа без добра. Пусть пополнение коллекции встречающихся только в Японии кружек для зеленого чая и подставок, на которые кладут палочки для еды, обошлось подороже, но зато удалось поговорить с хозяевами лавок, без толкучки осмотреть товар, побывать в примыкающих к магазинам мастерских.

Как же выглядит современный фарфор Арита? С парадными, несусветно дорогими вазами и блюдами европеизированной формы можно познакомиться, не выезжая из Токио. В роскошных универмагах Гиндзы, в сувенирных магазинах для богатых туристов обязательно найдешь отдел с вывеской «Арита» — для японцев и «Имари» — для иностранцев. (Только из порта Имари, что по соседству с Арита, вывозился в старину за границу произведенный там фарфор.) Конечно, эти вещи недаром стоят так дорого — они очень, очень хороши. На белоснежном, почти прозрачном фоне расположились то темно-синие, то бирюзовые стебли травы, красные и чуть желтоватые цветы, порхают волшебные птицы. А рядом уходящий корнями в средневековый Китай бело-синий фарфор с традиционными рисунками: ветка сосны — символ долголетия, побеги бамбука — бодрость и энергия...

Такое блюдо украсит любую традиционную нишу в стене «токонома», где по очереди выставляются самые красивые вещи семьи. А фарфоровый садовый фонарь в рост японца, какие обычно высекают из камня, — только представьте его ажурный силуэт на фоне аккуратно подстриженной изумрудной травы, каменного мостика через журчащий ручей. Торжественные, пышные, потребовавшие уйму труда и отточенного искусства — все они тоже восхищают ум и почему-то оставляют равнодушным сердце.

Но зато вот эти небрежно наваленные друг на друга стопки пиал для супа и риса, каких-то миниатюрных плошек для макания сушеной морской капусты в соевый соус, перегороженных на несколько секторов блюд сразу для нескольких закусок, чайников с непривычно торчащими из бока ручками. Эти миски с крышками и без крышек, квадратные, продолговатые, веерообразные тарелки, фарфоровые стаканы для чая с выписанными на стенках «десятью заповедями хорошей жены», лаконичным призывом «семь раз упадешь — восемь раз поднимись», с названиями десятков сортов чая или рыбы. Крошечные рюмки для сакэ и соответствующие по рисунку кувшинчики, в которых зимой разогревают этот национальный напиток. Все они так и просятся в руки, на полки домашнего склада посуды.

Слова «склад посуды» выбраны не зря. Во многих домах японских знакомых приходилось видеть уставленные всевозможной посудой полки вдоль стен, которые напоминали то ли склад небольшой посудной лавки, то ли ресторана средних размеров. Пожилая хозяйка школы каллиграфии как-то объясняла: «Для японского застолья посуда почти так же важна, как и сама пища. Еще не так давно были даже специалисты по сервировке, которых приглашали достойно обставить большое торжество. Чаще всего эти консультанты были владельцами местных посудных лавок, и, естественно, после каждого такого случая запас посуды в семье заметно увеличивался. Подбор посуды считался тонким делом неспроста. Если сервировка европейского банкета сводится к выбору того или иного сервиза с одинаковым рисунком, то в Японии как раз все наоборот. Во что бы то ни стало следует избежать однообразия, желательны контрасты, отсутствие единства в цвете, форме, стиле. Необходимо учесть время года, погоду на дворе, особенности подаваемых блюд и напитков, своеобразие и натуру которых следует оттенять и подчеркивать. Только невежественная хозяйка подаст зимой блюдо с рисунком цветущей сакуры. В жару же очень хорошо поставить на стол посуду сине-белого сочетания, которое как бы навеивает прохладу. Увы, молодое поколение все чаще забывает об этих хороших традициях. Но я просто не в состоянии есть с пластмассовой тарелки, брать в руки палочки разового пользования, пить из жестяной банки или стеклянной бутылки».

Точку зрения ценительницы традиций разделяют многие, хотя и не все японцы. Это

видно из разнообразия посуды в магазинах, на столах семейных трапез. Это видно и из того, что никогда не падает спрос на изделия гончаров Кюсю, «острова керамики». И все же почему «остров керамики»? Пусть велика известность «карацу-яки», «арита-яки». Но ведь в Японии немало иных центров керамики и фарфора. Тогда, может быть, потому, что изделия гончаров были в средневековье одним из немногих товаров, которые вывозились в другие районы Японии? Или потому, что керамика и сталь — это единственные промышленные продукты сегодняшнего Кюсю, дающие более десятой части общенационального производства?

Это, думается, уже ближе к истине. На всех этапах промышленного развития Кюсю керамическое производство оставалось крупным, а самое главное — надежным работодателем для местных жителей. Это тем более важно, что в первые послевоенные десятилетия экономика острова стала быстро отставать от общенациональных темпов, обострилась проблема безработицы, начался массовый отток молодежи в промышленные районы Фукуоки, Осаки, Нагой, Токио. Оставаясь крупными производителями риса, рыбы, овощей, фруктов и другой сельскохозяйственной продукции (более 17 % объема производства Японии), жители Кюсю, составляющие 11 % от всех японцев, дают сейчас лишь 6 % промышленного производства.

С приходом 70-х годов положение стало улучшаться. На Кюсю с его дешевой землей и избыточной рабочей силой обратили внимание крупные фирмы с Хонсю. «Ниссан» и «Хонда» построили автомобильный и мотоциклетный заводы, «Хитати» и «Мицубиси» ввели в строй новые судостроительные мощности, в том числе крупнейшую в мире верфь в Нагасаки. Предприятия тяжелой и химической промышленности, однако, недолго играли роль ускорителей экономики Кюсю. «Нефтяные шоки» 1973 и 1978 гг. и начавшаяся вскоре перестройка структуры японской экономики сделали их скорее балластом. Единственная отрасль, которая продолжала и продолжает стремительный взлет, — это керамика. Правда, уже не та, призванная делать чай вкуснее, а цветы — красивее.

С начала минувшего десятилетия во весь голос стала заявлять о себе так называемая «новая керамика», применяемая в электронике, машиностроении, медицине. Чипы на кремниевой основе содержат электронные схемы, выполняют подсчеты, хранят информацию или являются «мозгом» компьютеров, радиолокаторов и иных электронных устройств. С 1971 г., когда на Кюсю открылся первый завод интегральных схем-чипов, число крупных предприятий полного цикла достигло 8, а с учетом мелких и средних субподрядчиков — 130. Почти половина производства чипов Японии приходится на «остров керамики». Всего же японские компании контролировали в 1987 г. 47 % мирового рынка полупроводников.

Почему же именно на Кюсю так успешно развивается «новая керамика»? На эту тему шел разговор с Кидзюро Хаттори, заведующим отделом внешних сношений управления префектуры Кагосима, самой южной из семи префектур Кюсю. Мы как раз проезжали мимо смахивающих на бараки длинных и приземистых цехов фирм «Сони» и «Киосера», выросших недавно в городке Кокубу, мимо строительных площадок, где возводились два новых завода и исследовательский центр «Киосера», жилье для персонала.

«Причин несколько, перечислю их вовсе не в порядке важности. Поглядите в окно. Видите столб дыма над вулканом Сакурадзима? Наш остров вулканический и очень богатый водой. Процеженная через лаву вода особенно чистая. Именно такая вода нужна в больших количествах при производстве интегральных схем. Сакурадзима и вулкан Асо, что в префектуре Кумамото, раньше привлекали только туристов да еще несчастных влюбленных, которые парами прыгали в кратер. Теперь же эти места привлекают крупные японские и иностранные фирмы.

Что еще их привлекает? Стоимость земли, которая на две трети ниже токийской. Налоговые льготы местных властей, заинтересованных в росте числа рабочих мест. Ну и конечно же изобилие рабочей силы. Перепроизводство риса и введение ограничений на его производство сильно ударили по нашим рисоводам. Поэтому возможность устроиться на новые заводы высоко ценится, особенно среди замужних женщин и девушек, редко

отваживающихся искать работу далеко от родного дома. Естественно, они согласны на устанавливаемые фирмами расценки.

Еще одна причина — развитие транспортной системы. В 60-70-е годы машиностроительные и химические фирмы не слишком стремились перебираться на Кюсю из-за удаленности от Токио и Осаки, дороговизны транспортировки. Но продукцию заводов интегральных схем доставлять заказчикам очень просто. Тонну схем стоимостью в десятки или сотни миллионов иен можно загрузить в один самолет, и он с любого из шести международных аэропортов Кюсю доставит их куда угодно. Вы знаете, конечно, что на Кюсю планируется создание шести «технополисов», городов науки и техники. Эти центры передовых отраслей промышленности, в том числе связанные с «новой керамикой», будут соединены сетью современных скоростных шоссе. Примерно половина этих дорог уже введена в строй. И еще. Немаловажен опыт, накопленный за несколько веков жителями «острова керамики». Вовсе не случайно, что технополис Кокубу создается в местах производства фарфора «сацума-яки», а по соседству с Арита и Карацу вырастет технополис Курумэ-Тосу. Одна старинная мастерская в Арита прославилась разработкой способа формовки нового материала из смеси глины с алюминием. Другая мастерская изготавливает керамические детали для машин, которые отличаются повышенной прочностью и не ржавеют».

Мощные верфи, нефтеперерабатывающие и сталелитейные заводы Нагасаки, Фукуоки, Китакою. Космические центры Утиноура и Танэгасима, помогающие сокращать разрыв в освоении космоса с СССР и США. Живописнейшие огнедышащие горы Сакурадзима и Асо. Знаменитые курорты Бэппу и Симабара, ночные шествия с тысячами бумажных фонариков и танцы драконов — всем этим по праву гордятся жители Кюсю. И все же недаром «остров девяти областей», как переводится название Кюсю, прозвали теперь «островом керамики». Недаром самая обычная на первый взгляд глина прославила его в века минувшие и открыла путь в будущее.

«Технополис» — японский «билет в XXI век»!

Слово «тэкунопорису», «технополис», не найти ни в одном, даже самом новейшем словаре японского языка. А между тем оно все чаще встречается на страницах газет и журналов, слышится в речах политических деятелей, ученых, бизнесменов. Сконструированное из двух частей — «технология» и «полис», город, — это слово появилось впервые в Японии в 1980 г. Произошло это где-то в недрах министерства внешней торговли и промышленности (МВТП), которое часто называют «мозговым трестом» японской экономики. В докладе, излагавшем стратегию индустриального развития на 80-е годы, была выдвинута идея создания одного-двух городов, где «под одной крышей» были бы собраны мощные научно-исследовательские центры и предприятия передовых, «чистых» отраслей промышленности.

За образец была взята знаменитая американская «Силиконовая долина» в Калифорнии, где за счет использования разработок ученых местного Стэнфордского университета на многочисленных предприятиях электронной и электромеханической промышленности удалось наладить выпуск мощных интегральных схем, полупроводников, программирующих устройств и иной ультрасовременной техники.

Авторы новой идеи сразу же столкнулись с серьезной проблемой — она привлекла слишком много поклонников. 38 из 47 префектур Японии заявили, что технополисы должны быть построены именно на их территории.

Энтузиазм вполне понятный, ведь неравномерность распределения промышленных предприятий, застой и спад во многих отраслях индустрии привели к оттоку населения, медленному умиранию некоторых городов и целых районов. В технополисах увидели панацею от этих бед, шанс на выживание и возрождение. Поначалу не обошлось без курьезов. Мэр одного города, не разобравшись в смысле слова «технополис», прислал

заявку, в которой обещал обеспечить создание «технической полиции» в самые краткие сроки. Пространные обоснования, заявки, проекты рекой потекли в МВТП. Началось закулисное политическое маневрирование, поползли слухи о сильном давлении на министерство со стороны депутатов парламента, министров.

Тогда был сделан ответный ход. В 1982 г. МВТП опубликовало список довольно жестких требований к соискателям права на строительство технополисов. Требования эти были таковы: каждый технополис должен состоять из трех компонентов — крупных предприятий как минимум двух-трех самых передовых отраслей промышленности; группы из нескольких государственных или частных университетов, научно-исследовательских институтов и лабораторий; жилой зоны с современными домами, культурными, спортивными, торговыми центрами и прочими удобствами. Кроме того, указывалось, что технополис должен соседствовать с развитым городом, население которого не меньше 200 тыс. человек, а также с крупным аэропортом или железнодорожным узлом, откуда в течение одного дня можно добраться до Токио, Осаки или Нагой и вернуться обратно. Основные компоненты технополисов должны быть готовы к 1990 г., а дальнейшее развитие завершится к началу XXI в. К концу 1987 г. насчитывалось уже 24 префектуры, которые получили от МВТП «зеленый свет», работа полным ходом шла в 19 технополисах.

Какие цели преследует программа создания технополисов? Каковы тут основные трудности? С этими вопросами я пришел в многоэтажное здание МВТП — одно из самых современных в Токио. После нескольких часов разглядывания всевозможных графиков и таблиц, обсуждения стратегических и тактических задач развития японской экономики с сотрудниками МВТП Х. Яматака и М. Уэхиро ответы на эти вопросы стали наконец более или менее ясны. Первая, наиболее важная цель программы состоит в ускорении перестройки всей экономики страны. Речь идет, так сказать, о «технополизации» всей Японии. Металлургия, тяжелое машиностроение и химическая промышленность, которые сыграли главную роль в «японском экономическом чуде» в 60-е годы, переживают затяжной и глубокий кризис, испытывают растущую конкуренцию со стороны Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, где рабочая сила гораздо дешевле, а борьба с загрязнением окружающей среды ведется менее энергично. Выполнивших свою роль «трех китов» хотят постепенно заменить на высокоприбыльные, наукоемкие, не загрязняющие среду обитания отрасли промышленности, продукция которых соответствует новому девизу: быть легким, тонким, миниатюрным. Таких отраслей промышленности выбрано 14: производство авиационной и космической техники, оптических волокон, интегральных схем, промышленных роботов, медицинской электроники, компьютеров, информационных систем, «новой керамики», лекарств, новых металлов, программно-запоминающих устройств, а также биотехнология и точное машиностроение. Именно эти передовые отрасли и призваны стать стержневыми в создаваемых технополисах.

Вторая цель заключается в более равномерном распределении предприятий по территории Японии. В годы «экономического чуда» сложились три гигантских промышленных района: Токио — Иокогама — Кавасаки, Осака — Кобе, Нагоя. К 1980 г. там сконцентрировалось более трети жителей Японии, две трети студентов, половина банковских вкладов, производилось более двух пятых всей промышленной продукции. Результатом такой чрезмерной концентрации стали не только чрезвычайное обострение проблем загрязнения окружающей среды, транспорта, жилья в трех «мегалополисах», но и замедление развития окраинных районов Японии, понижение там уровня жизни, отток населения. Большинство технополисов будет расположено вдали от Токио, Осаки или Нагой. Особенно густо они разместятся на острове Кюсю, а также на побережье Внутреннего моря и Японского моря острова Хонсю — в отстающих районах. Оживление экономической жизни, повышение технологического уровня местной промышленности, увеличение числа рабочих мест в бедствующих префектурах — такова третья цель проекта. Каждый технополис призван стать той «каплей чернил», которая расплывается, образуя вокруг себя большое «пятно» современных заводов, учебных заведений, транспортных артерий, средств связи.

Что касается проблем, которые предстоит решить, то все они в конечном итоге сводятся к поискам капиталовложений. Создание каждого технополиса обойдется в 300–600 млрд иен (1,5–3 млрд долларов). Обремененная колоссальной задолженностью государственная казна не в состоянии целиком оплачивать, как это было, например, с «новыми индустриальными городами» в 60-е годы, подобные дорогостоящие проекты. Мои собеседники из МВТП очень настойчиво повторяли это и добавляли, что основную тяжесть финансирования придется взять на себя местным властям и частным компаниям, которые по замыслу должны быть больше всего заинтересованы в «технополитизации».

Получившие разрешение на строительство технополисов префектуры имеют право предоставлять весьма ощутимые финансовые льготы фирмам и научно-исследовательским учреждениям, которые хотят обосноваться на их территории. Среди них — продажа земли по сниженным ценам, освобождение от местных налогов, предоставление низкопроцентных займов и кредитов. Все эти льготы распространяются не только на японских, но и на иностранных вкладчиков капитала. В МВТП особенно надеются привлечь внимание и средства тех иностранных фирм, которые удерживают технологическое первенство в передовых отраслях промышленности, чтобы перенять их опыт.

Весьма ощутимую долю расходов все же придется взять на себя государственной казне. Об этом сотрудники МВТП предпочитали не упоминать. Однако достаточно почитать документы их собственного министерства, поговорить с ответственными за строительство технополисов чиновниками префектуральных управлений, как становится ясно: попытка обеспечить Японии мировое технологическое первенство в XXI в. будет осуществляться в первую очередь за счет государства, а следовательно, за счет налогоплательщиков.

В соответствии с принятым в 1983 г. «Законом о технополисах» государство будет возмещать местным властям средства, которые те потеряют из-за отмены части налогов.

В конечном итоге около половины стоимости программы «технополитизации» будет оплачено из государственного бюджета, считают некоторые экономисты. Зачем же тогда повторяется призыв финансировать технополисы за счет местных средств? Наверное, потому, что японский государственно-монополистический капитал не заинтересован в привлечении внимания к очередному крупномасштабному перекачиванию средств налогоплательщиков на повышение конкурентоспособности японской промышленности. А кроме того, соперники Страны восходящего солнца и без того громко сетуют на «нечестность игры» японских предпринимателей, обвиняют их в получении чрезмерной поддержки государственных органов. Рывок Японии вперед в случае успеха программы «технополитизации» может вызвать не только возмущение обойденных в очередной раз конкурентов, но и нежелательные санкции, возведение дополнительных протекционистских барьеров.

В отличие от чиновников МВТП, с подозрением относящихся к иностранцам и тем более журналистам, представители местных властей гораздо охотнее и откровеннее рассказывают о реальном положении дел и называют вещи своими именами. Из беседы в 1985 г. с губернатором префектуры Окаяма (юго-запад острова Хонсю) Сиро Нагано и его помощниками, например, удалось узнать, что создаваемый в окрестностях города Окаяма технополис Киби обойдется примерно в 300 млрд иен. Правительство предоставит 55 % средств, власти префектуры и восемь наиболее заинтересованных городов — 15 %, остальную часть предполагается покрыть из частных источников.

В том, что технополис Киби не относится к категории «воздушных замков», удалось убедиться во время поездки в этот «город технологии», расположенный километрах в 25 севернее префектуральной столицы. Поросшие соснами невысокие горы, аккуратные поленицы дров на обочине только что заасфальтированного неширокого шоссе, залитые водой поля с торчащими пучками прошлогодней рисовой соломы, крестьянские дома под коричневыми и синими черепичными крышами. Ничто не говорит о том, что ты находишься в центре «города технологии». «Не удивляйтесь, — объясняет сопровождающий из префектурального управления. — Природа оставлена в неприкосновенности совершенно

сознательно. Даже если вы побываете здесь через 5-10 лет, то, как надеемся, эта картина не очень изменится». Одно из преимуществ технополисов как раз и состоит в том, что предприятия и научно-исследовательские центры передовых отраслей не требуют колоссальных производственных площадей, не вызывают изменения окружающей среды. Что и говорить, «чистые» производства дают шанс на выживание пока еще не принесенным в жертву красотам Окаямы, ее девственным лесам красных сосен, прозрачным рекам и водопадам, полям особого сорта риса, из зерен которого получается известная марка сакэ, а из соломы — прочные и приятно пахнущие циновки — «татами». Построенный еще в 1980 г. электротехнический завод компании «Мацусита» почти не заметен за сохранившимися и посаженными деревьями. На заводе, выпускающем детали и блоки видеоаппаратуры, работают главным образом люди с физическими и психическими недостатками. Их использование крайне выгодно хозяевам предприятия с разных точек зрения. Хотя производительность труда на этом предприятии несколько ниже, чем на обычных заводах гигантского концерна «Мацусита», зато качество работы выше. И главное — зарплата работников ниже. Кроме того, предприятие получает особые субсидии от министерства труда, а включение технополиса Киби в число одобренных правительством открывает возможности дополнительных субсидий, кредитов и прочих льгот.

Неудивительно, что рядом возводятся здания еще нескольких заводов, где будет использоваться труд инвалидов, центра профессионального обучения калек, а также людей, травмированных и частично утративших работоспособность. Расставленные на склонах гор фанерные щиты сообщают, где расположатся здания университета и научно-исследовательского института биотехнологии, центра традиционных ремесел, экспериментальной сельскохозяйственной станции и заводов.

Особенно большие надежды возлагаются на предприятия биотехнической промышленности. Расположенные в городе Окаяма лаборатории и опытные производства крупной фармацевтической фирмы «Хаясибара» прославились на всю Японию разработкой особо чистого интерферона, которому приписываются чудодейственные медицинские свойства. «Продолжая исследования интерферона и наладив его выпуск, фирма вместе с тем ускоряет разработки других новых лекарств, биологически активных веществ и добавок к продуктам питания, — сообщил президент фирмы Кэн Хаясибара. — В технополисе Киби для скорейшего внедрения открытий в жизнь будет построен большой завод биотехнической продукции».

Помимо завода «Хаясибара», как ожидается, в Киби разместятся и другие предприятия биотехнической, фармацевтической и медицинской промышленности, фабрики по производству сложной медикоэлектронной аппаратуры, лекарств, искусственных органов, лечебно-физкультурного оборудования. Преимущественно меди-цинско-биотехническая специализация технополиса Киби не только выделяет его среди остальных «городов технологии», большинство которых ориентируется на электронику, компьютеры, «новую керамику». Учет местных возможностей, тесная связь будущих предприятий с уже имеющимися исследовательскими центрами, как представляется, увеличивают шансы на успех.

Весьма показательны, что помимо программы строительства технополисов в разных частях Японии составлены и претворяются в жизнь другие проекты регионального развития, стимулирования науки, техники и современной промышленности. В районе Осаки создается «город науки» Кэйханна. Префектуры Миэ, Гифу и Айти, расположенные около Нагоя, намерены создать целый «технополос», который будет состоять из предприятий передовых отраслей.

Задуманная поначалу как эксперимент незначительного масштаба идея создания технополисов затем получила широкую поддержку «большого бизнеса», увидевшего в ней возможность привлечь средства центральных и местных властей на модернизацию экономики, исправление возникших диспропорций, ускоренное развитие передовых отраслей промышленности. Несмотря на финансовые и иные трудности, программа

«технополизации» имеет неплохие шансы на успех, может помочь Японии в очередной раз преподнести миру сюрприз и одновременно пример для подражания.

История не раз избирала Японию местом проведения интереснейших экспериментов. VI–IX вв. — беспримерно широкое заимствование материальной и духовной культуры другого (китайского) народа. XVII–XIX вв. — развитие самобытной культуры в условиях длившейся более 200 лет изоляции от внешнего мира. Тот же период — единственная до наших дней успешная попытка приостановить развитие военной техники, запрет на огнестрельное оружие и воцарение в стране двухвекового мира. Вторая половина XX в. — широчайшее вторжение предметов материальной культуры, норм морали, ценностных ориентации Америки, одной из самых молодых стран мира, в Японию, одну из старейших. А с 60-х годов мир заговорил о «японском экономическом чуде», небывалых темпах промышленного роста, резком улучшении качества товаров, несомненных успехах науки и техники Страны восходящего солнца.

И вот теперь «технополизация». Удастся ли благодаря ей изменить «двухэтажность» японской экономики, позволяющей крупным корпорациям процветать за счет массы средних и мелких компаний? Сократится ли разрыв между процветающими «мегалополисами» Токио, Осаки, Нагоя и переживающими многолетний застой обширными районами «глубинки»? Остановит ли «технополизация» расползание промышленных центров с их неизбежными дымом, шумом, ядовитыми отходами, нездоровой жизнью людей? Будут ли созданы новые, безвредные производства, которые удастся равномерно рассредоточить по всей стране? Удастся ли вдохнуть новую жизнь в деревню, стерев резкие границы между достатком, образом жизни крестьян и горожан? Станет ли эксперимент с созданием технополисов эффективным средством перестройки экономики Японии, ее «билетом в XXI век»?

Ответы на все эти вопросы будут даны уже в ближайшие годы. Похоже, что новый эксперимент удивительной страны Японии будет иметь значение для всего человечества. И само собой разумеется, несомненные достоинства и возможные недостатки «технополизации» полезно изучать нам, взявшим курс на перестройку и обновление.

Важен и интересен для нас и опыт «экономического чуда» 50-70-х годов, когда при жизни одного поколения японцы смогли добиться перемен, в реальность которых мало кто мог поверить в начале реформ. От карточной системы к изобилию любых видов собственных и заморских продуктов. От нехватки элементарных потребительских товаров и господства черного рынка к созданию широчайшего диапазона высококачественных и общедоступных товаров и услуг. От строжайшей экономии валюты и запрета вплоть до 1965 г. туристических поездок за рубеж к превращению иены в одну из самых желанных в мире валют и ежегодному выезду в турпоездки за границу миллионов японцев...

Думается, что самого пристального внимания заслуживает и японское «политическое чудо», без которого вряд ли состоялось бы и описанное миллионами слов «чудо» экономическое. В чем же оно видится? Прежде всего в том, что лишь за несколько послевоенных лет в духовной, социальной и политической жизни Японии произошли глубочайшие изменения: от «закона об опасных мыслях» и нетерпимых к малейшему инакомыслию «ассоциаций поддержки трона» к соблюдению законности и к свободной деятельности партий «всех цветов и оттенков». От всевластия военщины, жандармерии «кэмпэйтэй» и иных спецслужб к ликвидации воинской повинности, строгому контролю парламента над финансированием и деятельностью административных органов. От вьездающего в кровь, в кости, в гены чувства бесправного муравья до осознания значимости каждой личности как части нации.

Стоит вспомнить, что Япония, как и Россия, не прошла к началу XX в. достаточно длительного периода «классического» развития капитализма с присущими ему понятиями и институтами буржуазной демократии. Зато в обеих странах слишком долго господствовал феодализм, строгое сословное деление. Свою роль сыграла и длившаяся более двух веков самоизоляция Японии — из страны запрещалось выезжать под страхом смерти. Японский

император Мэйдзи, которого сравнивают с нашим Петром Великим и которому приписывают заслугу «прорубания окон», пришел к власти лишь в 1867 г. Его восшествие на «хризантемовый трон» сопровождалось недолгой гражданской войной, в ходе которой японцы-реформаторы с воодушевлением истребляли японцев-консерваторов, взрывали их замки и дома, ссылали целые самурайские кланы на остров Хоккайдо. Правда, разрушений и кровопролитий «эпохального масштаба» удалось избежать. Многих пленных помиловали, а впоследствии наиболее способных из числа сторонников старого режима даже включили в правительство. Сейчас в честь мужественно сражавшихся «контрреволюционеров» проводят богослужения, народные праздники и костюмированные процессии. Чего, мол, не случится иногда в семье...

Победившие реформаторы стали широко заимствовать иностранный опыт — наряду с вилами, кофе, Железными дорогами и броненосцами они импортировали и зачатки западной демократии: было отменено сословное деление, введено обязательное начальное образование, учрежден парламент. При всей своей ограниченности эти и некоторые другие эксперименты с демократией в рамках конституционной монархии позволили японской нации разбудить дремавшие веками силы, добиться самоусиления и избежать участи Китая, который не провел политических реформ, пошел по пути ввозе одних только броненосцев и арсеналов, а потому не смог подняться всенародно на защиту от империалистических держав.

Высокая отдача первой попытки демократизации Японии и особенно создание мощного промышленного потенциала, военные победы стали причиной «головокружения от успехов», привели к росту национализма. Но 30-е годы оказались роковыми и для Страны восходящего солнца. Серия военных переворотов привела к тому, что тонкая оболочка из атрибутики буржуазной демократии была плотно начинена диктатом военной верхушки. Начатая еще в конце 20-х годов серия военных вылазок на земли соседних государств разрослась в полноценные войны, разметавшие японские полки по просторам азиатско-тихоокеанского региона и стоившие самой Японии более 3 млн жизней, а ее противникам — десятки миллионов жертв.

Первое в истории Японии катастрофическое поражение и начавшаяся в 1945 г. оккупация страны дали возможность для одного интересного эксперимента — насаждения буржуазной демократии «сверху» на почву, почти безнадежно лишенную демократических ростков. Думается, что американские оккупационные власти, делая это, в первую очередь, конечно, были тогда заняты устранением условий возрождения японского милитаризма, а не восстановлением и развитием демократических институтов. Однако предпринятые ими меры так или иначе расчистили путь к японскому «политическому чуду» и почти неизбежно последовавшему за ним «чуду» экономическому. Ликвидация крупного помещичьего землевладения — одной из опор японского милитаризма и наделение крестьян собственной землей позволили уже вскоре после войны накормить изголодавшийся за годы некомпетентного правления народ. Ограничение власти министерств и существенное, хотя так и не доведенное до конца разделение военно-промышленных монополий «дзайбацу» на множество самостоятельных компаний, запрет на выпуск военной продукции восстановили циркуляцию потребительских товаров. Освобождение политзаключенных, провозглашение свободы слова, печати, собраний и организаций, введение всеобщего избирательного права, права на создание профсоюзов и на забастовки удивительно быстро избавили людей от страха и ощущения полного бесправия. В конце концов дело дошло до того, что американские оккупационные власти, столкнувшись с подъемом демократического движения и массовыми забастовками, попытались притормозить начатый ими же процесс.

Но добиться этого не удалось, как не удалось и убедить японский «истеблишмент» в целесообразности ускоренного перевооружения и участия в корейской войне 1950–1953 гг. Осознав бесперспективность растрачивания ресурсов и людской энергии на военные цели, реалистично мыслящие политические деятели взяли курс на мирное развитие Японии, делая лишь отдельные уступки нажиму американцев и оперировавших старыми категориями

японских деятелей. Группировку «реалистов» возглавил весьма консервативный политик С. Йосида. Являясь главой правительства Японии между 1946 и 1954 гг., Йосида успешно парировал атаки своих бывших единомышленников, группировавшихся вокруг другого влиятельного политика — Н. Киси.

Не приходится сомневаться, что экономия ресурсов и средств, направляемых другими странами на военные нужды, стала дополнительным ускорителем японского «экономического чуда», а предотвращение ремилитаризации уберегло «чудо» политическое. Соперничество последователей Йосиды и Киси продолжается и по сей день. Его проявления видны, с одной стороны, в призывах изменить конституцию, в росте военных расходов и боевой мощи японских вооруженных сил. С другой стороны, ученики Йосиды не допускают отмены миролюбивых положений японского Основного закона, введения воинской повинности и приведения военного потенциала Японии в полное соответствие с потенциалом экономическим. На стороне «школы Йосиды» не только большинство избирателей. Сегодняшние успехи Японии убедили преобладающую часть политикоформирующей элиты в эффективности пацифистско-плюралистической модели развития. Пусть эта модель поначалу была навязана иностранцами. Наименее пригодные в японских условиях ее составные части постепенно заменяются, а приемлемые, напротив, улучшаются. В Японии многие не отбросили пацифистские идеалы. А вот англосаксонская двухпартийная система не привилась. Вместо нее действует «полупарламентарная система». У власти вот уже больше трех десятилетий беспрерывно остается либерально-демократическая партия. Правда, в последнее время ее популярность стала резко падать. Появилась возможность прихода к власти коалиции нескольких оппозиционных партий или ЛДП с той или иной партией оппозиции.

У многогранного и многообещающего опыта Японии есть немало сторон, которые могут иметь для нас самый непосредственный интерес, могут помочь в решении и наших проблем. Ведь на глазах растет число областей экономики, техники и т. д., где соседняя страна стала или становится первопроходцем.